

Оглавление

От составителей	6
<i>Манджиев О.</i> Предисловие	8
<i>Гучинова Э.-Б.</i> Внуки Сибири: память в третьем поколении	11
<i>Шевенова С. И.</i> Тема депортации в школьной программе	30
<i>Манцева К. Э.</i> Депортация народов СССР — геноцид по национальному признаку (Сценарий урока)	41
Сочинения лицеистов	41
<i>Дякиев С.</i> За что депортировали калмыцкий народ? (Реферат)	214
Именной указатель	225
Иллюстрации	229

От составителей

В настоящем издании представлены творческие работы, посвященные депортации калмыков. Они написаны учениками Элистинского лицея и собраны преподавателем истории и права С. И. Шевеновой. Сочинения были написаны как факультативное домашнее задание и для публикации первоначально не предназначались. Тем не менее они так интересны по содержанию, а тема так важна, что мы думаем, что их публикация внесет вклад в понимание и истории и современного этнокультурного облика калмыцкого народа.

Все работы можно разделить на две группы: сочинения, основанные на интервью с конкретным человеком, имеющим опыт депортации, и сочинения-эссе. В эссе лицеисты пытались выразить свои размышления о выселении калмыков. Для тех, кто провел биографическое интервью, оно стало окном в прошлое, заглянув в которое, молодые люди стали лучше понимать своих старших родственников. Раздел сочинений завершает реферат Савра Дякиева, победивший на республиканском конкурсе, проведенном Уполномоченным по правам человека в РК и Министерством образования РК в 2002 г. Эти сочинения собирались на протяжении десяти лет, поэтому можно проследить, как менялись сами лицеисты, их интерес и понимание народной трагедии.

Авторы — хотя и старшекласники, но во многом еще дети, поэтому в их рассуждениях иногда встречаются неточности, противоречия, логические провалы. В некоторых сочинениях сделаны выводы, которые часто не увязаны с биографической историей. Приводимые цифры взяты из разных источников и иногда не совпадают. Мы не стали их исправлять и «улучшать», чтобы не нарушить аутентичность текстов и сохранить искренность и обаяние творчества юных авторов.

Мы включили в книгу статью С. И. Шевеновой об ее опыте преподавания темы депортации в школе и сценарий урока, подготовленный учителем истории Элистинского лицея К. Э. Манцевой. Доктор исторических наук Э.-Б. Гучинова по материалам сочинений написала статью о том, как травма депортации осваивается третьим после выселения поколением.

Редактор книги Грета Абрамян выполнила эту большую и кропотливую работу с особой деликатностью, сохранив стиль каждого автора. Выражаем благодарность Олегу Манджиеву, написавшему предисловие. Его личный биографический опыт сибирского детства, а также его творчество, в котором он осмысливает коллективный опыт всех калмыков, высланных в Сибирь, связывает исторической нитью мысли и чувства разных поколений.

Наша признательность родителям учеников историко-юридического профиля, поддержавших этот проект, особенно Р. Н. Бурулову и И. В. Кичикову, благодаря чьим усилиям это издание смогло увидеть свет.

*С. И. Шевенова,
преподаватель ЦООД «Элистинский лицей»*

*Э.-Б. Гучинова,
научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН*

Предисловие

Несколько раз начинал читать эти школьные сочинения — и откладывал. Было страшно. Словно что-то взрывалось в том, далеком, послевоенном, и летящие осколки детства вспарывали память. Давно забытые ощущения, как высокая температура, плотным комом поднимались, поднимались, перехватывая горло, урезая дыхание.

Я был там — в Сибири, как и все мое послевоенное поколение, рожденное уже в ссылке, названное русскими именами — Олегами, Толиками, Сашами, Юрами, не знающее ни родных обычаев, ни языка, ни истории, а потому наполовину потерянное для нации поколение. Мы с детства говорили на русском, отцы и деды — на калмыцком, возникла духовная дыра и связь времен была порвана. В эту дыру со свистом улетали огромные, накопленные народом за много веков богатства — сказания, притчи, народные предания. Калмыцкие книги были изъяты из обращения, калмыкам запрещалось учиться в вузах, тринадцать лет о калмыках не упоминалось ни в газетах, ни по радио, калмыки не имели гражданских прав. Тринадцать лет калмыков стирали с лица земли.

И все было против тебя: и страна — великая и могучая, и законы, и остревенелое время. Всего несколько лет — где-то с 1957 по 1961 год, — когда калмыков вернули, сквозь фильтр цензуры просочились дозированные государством упоминания о трагедии народа. И потом еще на пятьдесят лет был наложен строгий запрет на упоминания о ссылке. За эти пятьдесят лет вымерли почти все живые свидетели тех страшных лет. А с ними ушла целая сибирская подконвойная эпоха. Тот огромный, непонятный для нынешнего поколения тяжелый, угрюмый мир, в котором одна трагедия перекипала в другую, и не было просвета: война, ссылка, разорванный на клочки и разбросанный по бескрайним просторам страны оболганный народ.

И до сих пор эхо доносит до нас безмолвный крик души наших отцов и дедов, похороненных в снегах Сибири: «За что, Родина, ты так ненавидишь детей своих, любящих тебя? За что?!» И до сих пор нет ответа. Яд депортации, пропитав насквозь мое поколение, пошел метастазами, отравляя и

детей и внуков. Он пожирает туберкулезом и раковыми опухолями тех, кто выжил, потому что сопротивляемость организма надорвана. И значит, эти тринадцать лет все еще длятся.

Мы еще не до конца осознали всю глубину этой трагедии. Для этого нужно больше времени, и это задача следующих поколений. Мы не знаем, как скажется на генетическом фонде нации «сибирский период» через сто—двести лет. Восстановится ли оборванная духовная связь времен, язык, вера и обычаи?

Чем дальше, тем труднее будет собрать по крупицам свидетельства и факты, на которые будут опираться ученые и исследователи.

Вот почему хочется низко поклониться учителям, которые дают «сибирскую» тему своим школьникам. Расспрашивая бабушку, дедушку, каждый из этих учеников прочувствовал, пропустил через сердце, понял, как эта трагедия разрушила его семью, его род, как она уничтожала его родных. И горький опыт старших врежется в его память на всю жизнь. А это значит, что он будет бдительным, он не допустит новой несправедливости, он будет бороться.

В наше раздерганное время как грибы растут националистические и фашистские движения, как будто и не было Великой Отечественной, не было сталинских лагерей и ссыльных народов. Значит, какая-то неправильность есть в воспитании молодых, если они вступают в ряды тех, кто убивал их дедов. И где гарантия, что не повторится новый декабрь сорок третьего? Что-то жуткое копится в воздухе сегодняшнего дня. Давно подмечено: народ, который забывает прошлое, повторяет свою историю еще раз. Молодое поколение не верит официальной пропаганде. Это естественная реакция на ее лживость и ангажированность. Так кому верить? Кто не совет? Только самые близкие, самые родные.

Горькие исповеди, рассказанные своим внучатам авами и эджями — бабушками и дедушками, — бесценны. Они потрясают своей неприкрытой, некрасивой и страшной правдой.

Это им, а не ученым раскроет свои душевные раны человек, переживший сибирскую трагедию. С внуком он поделится тем, что десятилетия хранилось в тайниках памяти. Именно здесь, в этих школьных сочинениях, предельная степень откровения. И потому здесь каждая деталь значима.

Читая эти документы, кожей ощущаешь, как ежедневно, ежечасно сталинская система пыталась раздавить честь и достоинство наших отцов и дедов, как пыталась довести их до скотского состояния. И удивляешься: как же они выжили? Как не обозлились? Не стали зверем? Ведь это подвиг — остаться человеком в таких нечеловеческих условиях. Это — подвиг народа! За эти тринадцать лет легче всего было сломаться. Но народ выдержал. Не обозлился. Это и есть крепость нации, ее спокойная сила. Величие народа не в его количестве, а в духовной твердости. Не потерять бы ее нам, живущим сегодня.

Внуки и правнуки будут читать эту книгу и будут искать в ней ответы на свои вопросы, потому что в ней — этой книге — не сказочные чудобогатыри, а наши предки. Они нашли в себе силы одолеть одну из самых величайших бед народа, пронесли эту ношу на своих плечах и вернулись на родину не сломленными, а закаленными духом. И в этом подвиге — ответы на многие вопросы, которые возникнут у будущих поколений.

В исповедях, собранных школьниками, нет холодной статистики документа, в них — боль, душа того страшного времени. Этого не найти ни в одном справочнике, ни в одной энциклопедии. Страшно подумать, что этого социологического исследования могло и не быть или оно могло бы пропасть со временем. Тогда история народа, его духовное богатство были бы неполными.

В Санкт-Петербургском музее бережно хранится дневник ребенка, который пережил блокаду Ленинграда. Всего одна неполная ученическая тетрадка. Теперь об этом дневнике знают во всем мире, потому что там детской рукой записано все, что видел, ощущал и чувствовал ребенок блокадного Ленинграда.

У нас нет подобного дневника, который был бы написан в Сибири рукою калмыцкого ребенка, но есть более ста школьных сочинений, и за каждым из них — трагедия отдельной семьи. Я уверен: значимость этой книги будет расти с каждым годом.

*Олег Манджиев,
писатель, сценарист*

Эльза-Баир Гучинова

Внуки Сибири: память в третьем поколении

В процессе освоения депортационной травмы ключевым понятием является принадлежность к поколению: первому, имеющему личный сибирский опыт, второму — детям спецпереселенцев или третьему — их внукам. Для трех поколений характерны различные подходы к этой проблеме.

Тема депортации стала обсуждаться публично с конца 80-х гг., после принятия в 1989 г. Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». С этого времени проснувшаяся коллективная память стремилась освободиться от вытесненных в глубину сознания внутренних переживаний и проговорить свою боль вслух. Результатом сочетания семейных рассказов стариков и государственной политики памяти стало то, что третье поколение калмыков знает о депортации больше, нежели их родители. Большую роль в этом процессе узнавания истории своего народа и этнической идентификации молодежи сыграли школа и Уроки Памяти, проводимые каждый год 28 декабря в каждом классе каждой школы, а также мероприятия, приуроченные ко Дню Советской Армии и Дню Победы. Существенную лепту внесли телевидение и республиканская печать, мобилизованные на освещение истории депортации.

В такой атмосфере стали высвобождаться воспоминания старших. Однако второе поколение, к которому относимся я и родители авторов публикуемых школьных сочинений, выросшие практически в неведении и очень сдержанном отношении к теме депортации, зачастую знает о ней гораздо меньше младшего поколения. Нежелание усложнять жизнь своих детей отягощающими воспоминаниями было прямым следствием депортационного опыта родителей-спецпереселенцев.

Как показывает опыт, исторические представления закладываются у людей в школьные годы. То, что написано в учебниках истории СССР

об Иване Грозном или о II съезде РСДРПб, остается в сознании как образовательный стандарт, так же как и дважды два. Политические режимы меняются, уже давно нет СССР, а дважды два все равно четыре. В то же время исторические события, которые не упомянуты в школьном курсе истории, остаются в сознании не такими важными, как те, которым посвящены параграфы школьного учебника. Как будто знания о таких событиях не являются необходимыми, а всего лишь факультативными — только для любителей, для тех, кто интересуется.

Во втором поколении особый интерес история депортации представляет для тех, у кого есть профессиональная потребность в разработке этой темы: педагогов, журналистов, научной и творческой интеллигенции. Интерес большей части представителей второй генерации ограничивается семейной историей.

Третье поколение информировано об исторической травме лучше, чем их родители. Они выросли в обществе, которое только открыло тему депортации для публичного обсуждения и активно осваивало ее. Не случайно молодые люди неплохо знают не только депортационные судьбы своих семей, но и общий социально-политический контекст страны того периода. Как показывают тексты школьных сочинений, современные подростки знакомы с основной литературой по истории депортации калмыков, многие читали Солженицына и Шаламова. Устные рассказы о депортации приобретают особое звучание, когда передаются в семейном кругу, потому что исчезает пафос и общие слова, но остаются родные имена, щемящие детали. Место выученной истории занимает живая память. Поэтому молодежь воспринимает депортацию как событие личной биографии, имеет к ней свое эмоциональное отношение.

Именно такие беседы легли в основу школьных сочинений, ставших материалом для анализа в моем исследовательском проекте «Память третьего поколения». Было проанализировано более ста сочинений, написанных старшеклассниками Элистинского лицея в 1993–2004 гг. В них отражены подлинные семейные истории, услышанные из первых уст. Они позволяют сохраниться таким редким подробностям, которые рассказчику могли бы показаться ценными только для причастных лиц. Такие детали, бесхитростно описанные детьми, становятся яркими свидетелями истории, красноречивыми, как гора пинеток в Бухенвальде.

*Она запомнила только желтые носочки и красивое платье мамы...
Когда умер братик, девочка только обрадовалась, что яйцо, ему
предназначенное, теперь можно съесть...*

*В вагоне очень хотелось пить, и они с сестрой по очереди обсаы-
вали обледенелый гвоздь, торчащий в стене...¹*

¹ Курсивом в тексте даны короткие цитаты из сочинений.

Многоголосие сочинений складывается в один текст. Этот текст — не только история, какой она представляется современной молодежи, это история калмыков, в которой отразились важные для народа ценности — семья, родня, молитва, степь, животные, песни. Казалось бы, современные дети, выросшие в городской семье, для которых работа с компьютером ближе экзотики общения с лошадьми или овцами, должны иметь свои соответствующие эпохе и среде нарративы. Но, видимо, тема депортации в их сознании настолько исторична, так увязана со старым укладом, что прочно ассоциируется с указанными символами калмыцкой картины мира.

Совокупность устных рассказов очевидцев лицеистка Кема Батырева назвала «Большой книгой депортации». Память о депортации — травматическая. Поэтому школьники, транслируя рассказы старших, фиксируют внимание на наиболее драматических страницах. В едином тексте можно выделить следующие опорные даты: 28 декабря (один день), дорога (две недели), период начальной адаптации (три-четыре года), адаптация (десять лет). Чем травматичнее и концентрированнее события, чем более обострены чувства, тем дольше они удерживаются в памяти.

Многие сочинения, основанные на биографическом интервью, начинаются в третьем лице, а продолжаются в первом. Современное поколение идентифицирует себя с теми, кто был выслан. Дети также почувствовали себя частью коллективного репрессированного «Мы».

Становление этнической и гражданской идентичности у этого поколения совпало со становлением Республики Калмыкия как одного из субъектов Российской Федерации. Становление новой калмыцкой государственности происходило на их глазах. Современные школьники были свидетелями небывалой общественной активности в республике в начале 90-х, запомнили первые выборы президента РК, первую инаугурацию, утверждение гимна, флага и герба РК в 1993 г. Этот же период сопровождался переопределением истории, в которой основной фокус был направлен на депортацию народа. Школьники должны были неминуемо усвоить из СМИ, что быть калмыком означает относиться к народу, который был выслан в 1943 г. Осознать свою этническую идентичность означало принять и депортацию как часть недавней истории народа, как период, в котором процесс идентификации родителей проходил болезненно и травматически.

*Моей маме было только пять лет, но она прекрасно помнит, как
один раз группа детского сада, проходя мимо их дома, стала драз-
нить ее «калмычкой». Только по этим окрикам мама узнала, кто
она по национальности.*

В отличие от своих дедов, для которых родиной был СССР, родителей, для которых по крайней мере малой родиной осталась Сибирь, они считают своей родиной Калмыкию и в знак признания пишут слово «Родина» с большой буквы.

А мои родители относятся к тому поколению, которое в наше время называют «сибиряками». Они родились в Сибири. Какая ни есть, но это была их родина. А о настоящей Родине, о Калмыкии, они знали только по рассказам родителей.

Процесс идентификации проходил нелегко. Он требовал привлечения не только общественных сил: СМИ, школы и науки, но и семейных историй. Однако старшее поколение не так просто возвращалось к прошлому и не всегда желало рассказывать внукам о своей жизни в Сибири. Третьему поколению было непросто получить рассказы о Сибири от своих родственников. Практически в каждом сочинении школьники обращали внимание на то, как сопротивлялись бабушки и дедушки, пытаясь уйти от воспоминаний. Но сами воспоминания оказались важны для детей, ведь наше представление о Сибири крайне неточно и обрывисто. Близкое ускользает незаметно. Чтобы разговорить собеседника на трудную тему, надо было проявить тактичность, настойчивость, упорство: *Мурашки по телу, какая-то едва уловимая внутренняя дрожь — вот первая реакция на мою просьбу. Знаете, такое впечатление, что между нами сразу возник барьер, граница, которая сразу унесла мою собеседницу в мир прошлого, в другое измерение... Меня давно беспокоила эта тема, и я решил расспросить о ней друга... моего дедушки. Он наотрез отказался рассказывать, так как не любил вспоминать то время, но после моих просьб он согласился.*

Воспоминаниями, которые подавлялись десятилетиями, было непросто делиться. Это надо было сделать не только для молодежи, но и для самих бывших спецпереселенцев. Самые образованные из них написали мемуары, другие — статьи и письма в газеты. Но в письменной речи автор контролирует поток информации, он может перечитать и вычеркнуть то, что ему показалось лишним. Другое дело устное повествование, разговор с близким человеком, доверительность с которым надо сохранить. Могут быть неожиданные, болезненные вопросы, не все так просто объяснить современной молодежи. Старики молчали, так было привычней и надежней. *Не любит мой дед рассказывать о прошлом.* Но если мужчины иногда кое-что вспоминали как бы со смехом, то женское молчание преодолеть было особенно трудно. О наиболее драматичных эпизодах умалчивали осознанно, это было проявлением женского немого:

Не любит она вспоминать об этом, все как-то отмалчивается со смущенной улыбкой, когда начинаешь расспрашивать. На лице улыбка, а в глазах — боль.

Рассуждать о выселении калмыков публично, в устной или письменной форме, долгое время было наказуемо: практически все авторы писем «в Кремль» были репрессированы и осуждены. В период хрущевской от-

тепели суждения о депортации также были возможны только в разрешенных границах дозволенного, ну а после первых политических заморозков сибирская эпопея была сведена к формуле «ошибки в национальной политике». Тем не менее все, кто высказывал свое мнение о выселении народа в публичном пространстве в разрешенных или не разрешенных формах, были мужчины, а не женщины. Язык буквального женского молчания и буквальный физический запрет на женскую языковую репрезентацию были общим уделом женщин при тоталитаризме¹. Женское умолчание о травме было универсальным: так же молчали о трагедии интернирования японки США, и исследователем было отмечено, что они молчали, как молчит о совершенном насилии поруганная женщина², так же молчали армянки о событиях, ставших известными как геноцид армян 1915 г.

Когда я попросила маму рассказать о том, что она помнит об этих страшных годах, она согласилась. Я видела, что она пыталась скрыть волнение, но это ей не очень удалось, и мне даже стало как-то не по себе, пожалела, что спросила.

Некоторые авторы сочинений, чтобы лучше показать тяжелую повседневность ссылки и обреченность мирных людей, в которых государство увидело своих врагов, подсознательно используют грамматические конструкции, которые лучше передают субъектность народа. Например, они используют глаголы в форме, которую я бы назвала «неизбежное будущее время».

Предчувствие чего-то страшного, нереального не обманет мать моей бабушки, когда умрет от голода и холода Аркашка, когда будут отдиравать от холодного пола вагона труп ее брата, когда люди, точно мухи, будут падать со вторых полок замертво на головы сидящих внизу и когда она с ужасом увидит, что половина людей в вагоне уже не спит и не шевелится.

Другое характерное качество нарративов — преобладающее использование пассивных грамматических конструкций: *нас погнали, нас погрузили, нам сказали, раздали по колхозам.* Как известно, язык несет в себе символический порядок общества, отражает его законы и нормы³. Даже вспоминая давнее прошлое, рассказчики подсознательно возвращались в то сталинское общество и воспроизводили свой зависимый статус людей, удел которых — претерпевать, быть жертвой чужих решений и действий. Этим подчеркивается зависимая, пассивная роль человека и этнической группы, их субъектность в социальной жизни того периода,

¹ Жеребкина И. Страсть. СПб., 2001. С. 254.

² Takezawa Y. Breaking the Silence. Redress and Japanese American Ethnicity. Cornell University Press. Ithaca; London, 1995. P. 104.

³ Kristeva J. Revolution in Poetic Language. New York, 1984. P. 47–48.

потому что в пассивном залоге психологически точнее передается статус бесправия.

Стигма калмыцкой этничности вынуждала приспособляться к навязанным социальным условиям. Читатель увидит, как меняется такой этнический маркер, как личные имена, а в одном случае и фамилия. Калмыцкие имена принадлежат как бы старшему поколению и жизни до депортации или молодежи, внукам, третьему поколению. Обратите внимание на имена старших, такого разнообразия личных имен сейчас нет. И хотя большая часть авторов сочинений с калмыцкими фамилиями имеют калмыцкие имена, в наши дни почти весь именной от Алдара до Яны укладывается в тридцать имен. А в Сибири калмыцкие имена переделывались на русские, и важным было сохранение первой заглавной буквы, а 99% рожденных в Сибири детей получали русские имена. В приведенных сочинениях мы читаем имя Александры, которая на самом деле Шарка, и это один из частых случаев двойных имен. Многие ученики пишут: бабушка Ольга (Отхн), Анджа (Саша), Мария (Баина), Софья (Хоньда), а внук Баты Дорджиевича упоминул, что в Сибири деда звали Борисом Дмитриевичем.

Во многих случаях в метрике записывалось русское имя, но мать все-таки давала тайное, калмыцкое имя. В наши дни сибирские дети — так стали называть калмыков, рожденных или проведших детство в условиях депортации, — обычно объясняют свои русские имена случайным стечением обстоятельств, благодарностью русской соседке, которая спасла от голодной смерти, или акушерке, которая приняла роды, и их именами были названы дети.

Возможна и другая причина, связанная с традицией давать «чужие» имена детям, особенно если был повод опасаться за жизнь ребенка. Так делалось в старину, чтобы запутать злых духов, которые если и придут за ребенком, то решат, что он не из этой семьи. Детская смертность, особенно в первые годы депортации, была высокой. *По словам мамы, смерть детей была явлением частым, так как не было еды; у кормящих матерей не хватало молока, а дети с искусственным вскармливанием были слабы и очень быстро заболели.*

Но не менее реально и желание родителей облегчить жизнь ребенка, которому предстояло «навечно» жить в статусе репрессированного и каждый день объяснять, что означает его калмыцкое имя, встречать трудности с произношением и написанием в документах. Нерусское имя вызывало сразу же вопрос — к какому народу принадлежит его носитель. А быть калмыком означало относиться к наказанному народу и, следовательно, быть готовым ответить на вопрос, за что калмыков сослали. Приемлемого ответа, который был бы правдой и с которым можно было бы согласиться калмыку, не было. Поэтому проще было дать ребенку имя, привычное для большого общества. Однако и обращение к русскому имени не было чисто

механическим или вынужденным актом; как показывают устные истории, оно выбиралось с ориентацией на историю и идеологию доминирующего общества.

Все сочинения написаны по-русски, и калмыцкие слова в них встречаются очень редко. Это несколько терминов родства и редкие слова из семейных историй. Язык меняется на родной, когда надо сообщить что-то доверительное, по секрету, так, чтобы чужие не поняли. Калмыцкий язык был незаменим при описании статуса репрессированных, который как бы понятен только калмыкам.

Моя бабушка иногда говорит по-русски, но когда из года в год 28 декабря просишь ее рассказать об этом, на русском она говорить не может, потому что выразить свои чувства она может только на калмыцком языке.

Редуцировано использование терминов родства. Кроме *эджи*¹ и *авы*², используются еще *аака*³ и *һаһа*⁴, а слово *бергн* (сноха) становится именем собственным. Все остальные определения родства даются по-русски, хотя в переводе они не так точно отражают более сложную бифуркатно-коллатеральную систему родства калмыков. Видимо, это самые последние непереуверенные термины, которые еще используются молодежью.

Красной нитью в повествованиях проходит идея ценности родственных уз. Без родни выжить было почти невозможно. Но, как и в жизни, родня бывает и хорошей и плохой. Плохая также отражена в текстах, ведь это история народа, который состоит из разных людей. Поэтому от родственников, взявших сироту в семью для эксплуатации, девочка сбежала как с каторги.

Во многих сочинениях встречаются слова *приходилось воровать, для того чтобы выжить*. Люди, поставленные на грань жизни и смерти, лишенные возможности честно зарабатывать себе на еду и одежду, часто работавшие изо всех сил, но не получавшие ничего за свой тяжелый труд, пересматривали этические нормы мирного времени. Они вынуждены были красть, чтобы жить. Действия людей, зафиксированные в рассказах и письмах самими авторами как кражи, вряд ли можно квалифицировать как воровство. Ведь экстремальность ситуаций меняла нормы обычной этики благополучной жизни. На войне как на войне. Недаром о людях, унесенных депортацией, чаще говорят «погиб/ла», нежели «умер/ла». А на фронте использовали военный язык, сдвигавший семантику слов, при этом прямые значения многих слов табуировались. Одним из первых табуированных

¹ Эджа — бабушка (калм.).

² Ава — дедушка (калм.).

³ Аака — обращение к матери, здесь бабушка (калм.).

⁴ һаһа — тетя, старшая сестра отца (калм.).

слов было «украсть», при этом и красноармейцы, и солдаты вермахта применяли иносказания: спикировать, организовать¹. Но если фронтовики сознательно дистанцировались от мирной жизни, то калмыки в тылу и в мирной жизни, которая по обыденным опасностям вполне могла быть приравнена к фронту, своего иного языка не завели. Поэтому все трюки выживания они и спустя шестьдесят лет бесхитростно считали воровством.

Депортация калмыков в антропологическом отношении началась с момента, когда калмыки были исключены вначале из советского общества и почти сразу же — из сообщества человеческого. Это зафиксировано в воспоминаниях множеством слов, которые так или иначе отражали нечеловеческий статус репрессированных: *скотный двор, скотские вагоны, скотская еда, нечеловеческие условия, околевшие трупы... Привезли нас, мы сидели молча, озираясь, как звереныши в зоопарке... Жили в первую зиму в конюшне... Они устроились в амбаре для домашних животных... Даже мышей с крысами там уже не было, да и не могло быть — уж очень холодно было там... Тебя осматривают как какой-то скот... Если подыхала лошадь, ели мясо... Отец Батра Манджиевича, уйдя в лес за дровами, вскоре был найден околовшим... Ее, такую страшную дикарку, увидели дети и погнались по селу, как собачонку, с улюлюканьем... Местные подростки с огромными дворняжками ради забавы устраивали облаву на изголодавшихся людей... Глас калмыцкого народа был подобен свисту одинокого суслика в степи... Слово «людоеды» должно было закрепить практики исключения из человеческого ряда. Трагическая повседневность тех лет передана школьником словом *существовали*. Первые шаги в адаптации калмыков на новых местах начались, когда сибиряки увидели в нас людей.*

Во многих сочинениях упоминается, что приехавших калмыков боялись местные жители, которым было сказано, что везут людоедов. Случайны ли были обвинения народа в каннибализме — в самых разных селах во всех областях, куда их привезли, на огромной территории страны? Такое обвинение, позволявшее в свое время первым европейским колонизаторам безнаказанно творить с туземцами все что угодно и избегать порицания за жестокость в своей метрополии, было классическим проявлением колониального отношения к «дикарям». Потому что лица, нарушившие один из трех сформулированных Фрейдом позже основных запретов — на убийство, инцест и каннибализм, исключаются из человеческого общества как несущие ему прямую угрозу².

¹ Лотман Ю. М. Не-мемуары // Ю. М. Лотман. Воспитание души. СПб., 2003. С. 18–19.

² Из лекций И. Новиковой, прочитанных на летней школе в Форосе, 2002.

Этот же прием сознательно или подсознательно был использован службами, призванными идеологически обосновать операцию «Улусы», — ведь обвинение в «измене родине», столь нужное для партийных и правительственных документов, могло и не внушать враждебных чувств к калмыкам среди сибирского населения, привыкшего к разного рода каторжникам и выселенцам, неугодным Санкт-Петербургу и Москве. Среди сибиряков было немало политических ссыльных, и многие из них не столь легко поддавались официальной пропаганде и имели свое неафишируемое отношение к власти. Такие люди могли бы, наоборот, внутренне приветствовать калмыков и помогать им. К тому же о каком идеологическом обвинении могла идти речь, когда выселяли немощных стариков и неразумных младенцев, слабых женщин? Поэтому обвинить их надо было в чем-то простом и всем понятном и в то же время — особенно тяжелом, несовместимом с человеческим обликом. Это был проверенный временем миф о людоедах, который, однако, не мог не быть впоследствии развеянным.

В рассказах о годах, проведенных в депортации, пожилые люди независимо от возраста и образования легко упоминают названия совхозов и колхозов, районов и областей, имена друзей и соседей, учителей, врачей, директоров совхозов, школ, председателей колхозов, учетчиков. Эти имена запомнились, потому что были значимы для выживания в трудной ситуации.

Когда разговаривала с дедом, я очень удивлялась, как это он, такой старый, а без всякой запинки помнит все даты, все мелочи? Да, наш народ выселили, морили голодом и холодом, держали в тюрьмах и лагерях, многих расстреляли, но они не смогли уничтожить память людей и их веру, которая будет жить вечно.

В рассказах о том обществе присутствуют люди разных национальностей: татарин, поляк, немка, казах, эстонец, латышка. Их этническая принадлежность в каждом случае обозначается после упоминания имени, поскольку этнический фактор в сталинскую эпоху имел особое значение и во многом определял социальный статус человека. В сочинении Жени Кагалтынова среди других русских солдат выделяется кавказец, который отстраняется, во всяком случае внутренне, от тех, с кем пришел выселять. Автор приводит слова грузинской песни, которые, очевидно, отпечатались в памяти родственников. Из легенды, как из песни, слов не выкинешь, и действительно подтверждается, что в операции «Улусы» было задействовано грузинское подразделение. Но чеченец, ингуш или карачаевец (последний просто не мог в этом участвовать, их уже выслали) перечислены в сочинении не случайно, в контексте выселения для калмыка кавказец в первую очередь ассоциируется именно с этими, также наказанными народами.

Репрессирующая повседневность в те годы была нормой и как таковая практически не воспринималась сознанием. Повествуя о красноречивых фактах дискриминации, некоторые рассказчики уверены, что ущемленными они не были. Благодарность за то, что удалось выжить в Сибири, удалось создать семью, а некоторым даже получить образование — на фоне общих тяжелых утрат, — не позволяет человеку жаловаться на судьбу.

На мой вопрос: «Как вы там жили», вопреки сложившемуся мнению бабушка ответила: «Хорошо». Благодаря хорошим людям, которые были вокруг, жизнь не казалось тяжелой. И моя мама говорит, что они провели обычное для всех детей того времени детство. Учились, играли, лазили в чужие огороды за пасленом. Были такими же, как и все остальные дети, не были лишены маленьких детских радостей.

Один из основных вопросов при обсуждении депортации калмыков, который долгое время не был вербализован, — можно ли считать депортацию калмыков геноцидом? Что является основным критерием в определении геноцида — количество жертв, процент погибших или основания, по которым гибли люди? Мне приходилось слышать, что депортация калмыков, как и другие сталинские депортации на этнической основе, не может быть квалифицирована как геноцид, поскольку калмыки, чеченцы, ингуши в отличие от евреев во время Холокоста имели шанс выжить. Люди, придерживающиеся этого мнения, полагают, что депортация калмыков — большая трагедия, но все же ее масштабы не так чудовищны, чтобы называть ее геноцидом. Это, конечно, мнение некалмыков. Калмыки же в начале 90-х, когда о депортации заговорили, без сомнения квалифицировали ее геноцидом. Часто народы, пережившие геноцид, не замечают чужие геноциды, концентрируясь на своей трагедии. Однако изучая свою горькую историю, нельзя забывать о таких же событиях в жизни других народов. И вряд ли нравственно мериться геноцидами.

Красноречивым аргументом в этом споре является грустная статистика приведенных семейных рассказов.

Сто пятьдесят человек было завезено в то село — к весне осталось пятьдесят.

Бюри осталась в живых одна из одиннадцати детей.

Выжил один из девяти сыновей.

В Сибири бабушка потеряла десять братьев и сестру.

Моя бабушка — единственная выжившая девочка в семье, кроме нее было еще три сына, а всего девять детей. Никто не знает, как их звали.

У нее было семь детей, выжило только двое: мой дед и дед Евдоким.

В вагоны для скота погрузили по сорок человек. По прибытии осталось двадцать четыре человека.

Умерло восемь детей из шестнадцати, а также их отец.

Из этой группы, уехавшей на Север, человек сорок, в живых остался лишь один парень.

Бабушке было суждено лишиться мужа, родителей, единственной сестры и восьмерых детей.

В отличие от указанных исследователей школьники Элисты опираются на документы международного права и совершенно уверены, что депортация калмыков была по своей сути геноцидом.

Генеральная Ассамблея ООН определила геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо расовую или религиозную группу». А депортацию калмыков и других четырнадцати народов по-другому назвать нельзя...

Геноцид — это политика уничтожения отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Они в равной степени ужасны по своим масштабам и по последствиям.

Геноцид — это борьба не за победу, а за истребление. Амбиции главарей двух могущественных государств, сознательно подписывавших смертный приговор целым народам, погубили миллионы людей.

В приведенных цитатах руководители государств названы *главарями*, подсознательно автор акцентирует внеправовую природу политических режимов сталинизма и гитлеризма. Здесь же ставится вопрос об ответственности народа за деяния своих лидеров и формулируется вопрос об общественном покаянии.

В то же время история депортации относится молодыми людьми к давно прошедшей исторической эпохе, к истории СССР, страны, которой давно уже нет. Так, в рассмотренных сочинениях имя Сталина редко называется напрямую. Оно стало символом беззакония, символом государственного террора. Дети чаще использовали иносказания типа *человек, стоящий во главе государства... Почему так получилось: один человек решил, а другие подчинились!* Связано ли это с калмыцкой традицией табуации имени хана или с христианским правилом не поминать дьявола?

Советский штамп «враги народа» используется то в прямом, то в иносказательном смысле. «Врагами народа» именуется то кулаки, то калмыки, но когда мы читаем в сочинении: *тот, кто выселяет народы, и есть враг народа*, нам как будто заново открывается прямой — буквальный — смысл этого выражения. Десятилетие, в течение которого школьники писали свои работы (1993–2004), показывает, как освобождается общественное сознание от многих идеологических клише, постепенно отходя от текстов учебников советского времени. Некоторые ребята плохо ориентируются в советской действительности, поэтому упоминают *государственные колхозы, колхоз им. 13 борцов*, очевидно допуская, что в 40-х гг.

предприятие могло носить имя команды спортсменов (абсурдные времена — абсурдные имена).

Современные школьники не могут осознавать историю народа в отрыве от отечественной и всеобщей истории. Некоторые школьники сравнивают труд заключенных в Широклаге с рабским трудом в нацистском концлагере. Не зная работ Ханны Арендт, они интуитивно приходят к знаменитому положению об одинаковой тоталитарной сущности разных на первый взгляд политических режимов Сталина и Гитлера.

Думаю, что вина за все случившееся лежит на всех советских людях. У многих немцев есть «комплекс Гитлера», а из наших мало кто испытывает чувство вины за прошлое.

Не менее красноречивы описки. Особенно такая: Указ Президиума Верховного Совета о ликвидации калмыцкого народа. Детские уста глаголили истину, условия депортации были такими, что ликвидация государственности вполне могла привести к ликвидации народа, потому что человека можно убить штыком, пулей, но можно и погубить массу людей просто так, выгнав их из родных мест... Арслан Басанов написал в стихотворении *взошли на вагоны*. Современный читатель привык, что в вагон заходят, но в вагонах для перевозки скота порог был высокий, и в него надо было взбираться. Примененное из нашего сегодня слово *взошли* приравнивает вагон к эшафоту, к орудию смерти. Зная, сколько людей погибло в дороге, подсознание подсказывает глагол, который квалифицирует вагон как транспорт смерти.

Значимой опиской является фраза: *9 января 1957 г. выходит Указ об образовании Калмыцкой АССР*. В январе 1957 г. процесс воссоздания автономии только начался, республика была создана повторно только в июле 1958 г. Так же не случайна и похожая описка: в 1957 г. *репрессированные были реабилитированы*. Разрешение на выезд на родину не умудренные в юридической казуистике дети восприняли как реабилитацию. Им кажется, что наказали — выселили, простили — вернули. Но многие старшие жители республики как раз недовольны современной формулировкой проблемы, и вместо, по их словам, *амнистии* они жаждут указа о полной реабилитации, включая территориальную.

В целом депортация калмыков как всенародная трагедия уже освоена сознанием, пережита и отнесена к прошлому. Этот период оценивается как испытание народа на крепость духа, на верность родине. Несмотря на демографические и культурные утраты тех лет, Сибирь воспринимается не как сплошная черная полоса, а как отрезок жизни народа, в котором было много плохого, но и немало хорошего.

Безусловно, это черные страницы в истории нашего народа. Страшные годы ссылки, депортация навсегда «врезались» в нашу историческую память. Однако даже в самом ужасном, плохом,

страшном всегда интересно найти что-нибудь полезное, хорошее. Может быть, было хоть что-нибудь светлое, какие-то радостные мгновения, которые запомнились людям, которые это пережили. Я вовсе не хочу приукрасить, оправдать это страшное событие. Но все-таки нужно научиться видеть все не только в черном свете, а находить и белые, светлые пятна. Тогда наши знания, понимание будут более обширными, объективными.

Память о депортации, на взгляд учеников, выходит за пределы истории калмыцкого народа и становится частью истории человечества наряду с геноцидом в Руанде и в Тибете. Если старшее поколение говорило о ценности каждого народа, то современные дети уверены в ценности каждого человека.

Сталина уже давно нет, а его дела еще живут и, наверное, еще не скоро исчезнут. Но несмотря ни на что надо помнить о них, о том ужасе, страданиях, причиненных людям, чтобы этого больше не повторялось никогда, чтобы человечество больше не имело такого опыта. Ведь все зависит от нас. Почему человек, рожденный, чтобы жить, должен умирать только потому, что у него не такой цвет кожи, не такая форма глаз или носа? В чем виновен он? Да ни в чем. И давайте беречь каждого человека с его неповторимостью, ведь больше такого шанса у него не будет никогда.

Иррациональность депортации плохо поддается аргументам разума. Поэтому школьница и готова отказаться от вычитанной историко-мистической версии: *территория Калмыкии имеет свою особенность, у народов, что здесь проживали, каждые 200–250 лет происходят трагедии*.

Трагедия депортации прочно связана с другой драматической страницей истории страны — Великой Отечественной войной. Видимо, в сознании школьников они сплетаются, и в сочинениях вторник 28 декабря 43 г. становится воскресением подобно 22 июня 41 г., началу другой трагической эпопеи, и солдаты приходят в калмыцкий дом ровно в четыре утра.

Часть пришедших солдат напоминает знакомый образ врага. *Проснулись от стука в дверь. Дверь пинали сапогами, и дед подумал, что за ним пришли немцы, а оказалось не совсем так, то есть пришли за ними, но наши солдаты... В дом ворвались солдаты с автоматами, выстроили всю семью в ряд у двери и заставили поднять руки*. В сочинении используется слово *угоняли* — распространенный штамп при описании обращения оккупантов с мирным населением. Таким образом, при описании выселения дети используют лексику военного противостояния, только в образе врага выступает советский солдат на службе репрессирующего режима.

Считается, что одним из важнейших факторов переживания исторической травмы является религиозный. Хотя к этому периоду все буддийские храмы в Калмыкии были разрушены и учение не преподавалось, буддийская

этика в народе была жива. Буддийские нравственные основы помогали менее болезненно воспринимать испытания судьбы, и школьники начинают думать о том, *что жизнь — это действительно страдания, как говорится в буддийском писании*. Они уловили влияние мировоззрения на интерпретацию исторических событий: *люди безропотно повиновались судьбе. Так надо — утешали они себя*. Также они поняли после своих бесед со стариками: *в сердце этого доброго человека не осталось места для злобы, ненависти и обиды! Главное, не озлобляться, не делать зла, ведь не для этого живет на земле человек...*

Дети не раз приходят к выводу, что *история калмыков — непрерывная цепь страданий*. Буддийский смысл этих слов для современного школьника однозначен, а нам, их родителям, они хорошо известны из уже забытого обращения Ленина¹, который, может быть, трюкачески использовал здесь буддийскую риторику.

О чем бы ни рассказывали бабушки и дедушки, а тем более о своей жизни, они делали это в привычных выражениях, сообщая внукам о своих ценностях даже тогда, когда такой задачи намеренно не ставили. Такой важной информацией являются сведения об усилиях, которые предпринимали люди, чтобы доказывать свою лояльность государству, несмотря на его незаконные действия. *Две сестры впоследствии работали доярками и за то, что победили на Всесоюзной выставке сельского хозяйства дважды, им дали по две медали... За хороший труд о ней написали в местной газете и поместили ее фотографию, приведя в пример как отличника труда... Он был воспитан в коммунистическом духе, был награжден, несмотря на статус спецпереселенца, знаками отличия*.

Косвенной информацией просачиваются также сообщения о конструировании мужского и женского в их поколении, о том, что было важно в характеристиках мужчин и женщин в экстремальных условиях Сибири. Упоминаются разные качества, которые создавали образ идеальной женщины: *Только потому, что бабушка была скорая в работе, она была признана свекровью... Бабушка была шустрая... Из ослабленной девочки получилась красавица. Играла на домбре, пела, танцевала... Шесть братьев и сестер содержала хрупкая девушка*.

Требований к мужчине меньше, что отражает гендерную асимметрию патриархатного калмыцкого общества: *работяга, умелый, образованный, музыкально одаренный: не было такого дела, с которым он не мог справиться, окончил техникум с отличием, играл на гармошке, прекрасно*

¹ «Братья-калмыки! Вся история вашего народа — непрерывная цепь страданий!... Все — в ряды Красной Армии!» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 39)

пел, был превосходным оратором, танцевал, знал все обычаи своего народа.

Частым сибирским сюжетом был рассказ о непосильном мужском труде женщин. В русском языке даже слова не нашлось для обозначения женщины, выполнявшей работу лесоруба.

В рассказах старших совсем не было романтики, а только констатация — *бабушка вышла замуж, родилась моя мама... Соседи увидели, что им не хватает женской руки, и присватали ему девушку из «крепкой семьи» — бабаню*. Поэтому дети в ситуации знакомства по переписке жаждут увидеть романтическую историю и могут преподнести даже знакомство при ранении на лесоповале поэтически.

Неоднократно в сочинениях встречается сюжет о младенце. Вообще такой сюжет считается кочующим, так как часто встречается в фольклоре и литературе. Обычно он восходит к библейским сюжетам. Однако, судя по конкретным деталям, данные истории имеют реальное происхождение. В Большой книге депортации младенцы символизировали следующее поколение народа, а значит, его будущее, которое действительно решалось в дороге. Поэтому в рассказанных историях дети чаще выживают, а те, что погибли, символически намечают масштаб демографических потерь. Две истории не типичны: та, в которой мать отказывается от ребенка, оставляя его на снегу, и та, в которой ребенка оставили у соседей. В первом случае перед нами пример, как в экстремальной ситуации включается защитный индивидуальный механизм, который подавляет материнское поведение¹. В то же время для группы в целом, если ресурсы резко ограничены, чтобы сохранить народ, надо сохранить женщин. Во втором — грудной ребенок был оставлен у соседей и спустя многие годы не признал родных. Здесь мы видим, как границей идентичности становится отказ от ребенка, означавший спасение от депортации, и девочка, удочеренная соседями-некалмыками, не признает калмыцкую родню.

Бабушка рассказывала мне, что в их вагоне была женщина с двухмесячным ребенком на руках. Но так как было нечего есть, у нее не было молока, ей нечем было кормить ребенка, она на одной из станций вынесла ребенка из вагона и положила его на снег, такого беззащитного и маленького, но что поделаешь, если не освободиться от ребенка, то умрут оба...

Этот путь был ужасный: много людей умерло от холода и голода. Но даже здесь жизнь продолжалась: на одной из станций прошел слух, что в одном вагоне у одной женщины родилась двойня (эти дети выжили, выросли и сейчас живут)...

Алексей Балакаев рассказывал о Бобиш Шатиновой и ее сыне. Во время пути у нее пропало молоко, и все, как могли, помогли.

¹ Частная переписка с доктором исторических наук этологом М. Л. Бутовской.

Но когда у мальчика расстроился желудок, в вагоне началась паника. Каждый, заботясь о своем чаде, настаивал на том, что он обречен. «Выброси Баатра, ведь у тебя останется Борька! Одно-го легче выкормить!» — такие страшные слова кричала одна из обезумевших матерей. Загнанная в тупик Бобиш не хотела и не могла выкинуть живого ребенка, но, обезумев от горя, мать решилась на чудовищный шаг и, завернув ребенка в полушубок, шагнула к двери вагона. Но преградила ей дорогу женщина, старше по возрасту. «Сядь на место!»... Ребенку становилось все хуже и хуже, а соседи по вагону накинулись на ребенка, ругая самыми последними словами. Однажды во время остановки она оставила свою кровинку в сугробе и, зажав уши, вернулась в вагон. Но не выдержало сердце матери, выбежала она из вагона, обняла своего ребенка. По вагону разнеслись вести об этом случае, и люди отдавали все, что у них осталось, и мальчик выжил, благодаря своей матери, и людям, принесившим бараний жир и масло¹.

Частый, практически обязательный сюжет любого повествования о Сибири — благодарность «лучшим русским», сибирякам. В частном проявлении это естественная человеческая реакция за помощь в трудную минуту — конкретным людям за конкретную помощь, которая становилась символическим актом поддержки и сопереживания гораздо позже, когда работа сознания позволила увидеть реальность в терминах символа.

Благодарность русским людям — это еще и отражение официального дискурса родины, в котором дружба народов была священной (а ставить под сомнение «святыни» было невозможно), и если бы такой поддержки не было, то и калмыцкий народ оказался бы среди недругов одиноким, символически утратил бы родину, не покидая ее государственных границ. Сочувствие сограждан-некалмыков, а именно русских, которые количественно доминировали в СССР, а также были «первыми среди равных», отвечало ожидаемой реакции со стороны «большой» аудитории и подтверждало представление о нравственном чутье русского народа, который был умнее и добрее руководителей партии и государства. Даже задействованные в операции «Улусы» солдаты, воплощенное мужество Родины, демонстрировали другую имманентную черту советского солдата — доброту. Примеры того, как солдаты, направленные для репрессии, помогали тем, кого пришли наказывать, — частый сюжет при описании 28 декабря 43 года. Хорошие солдаты символизировали советский народ, ведь народ и армия едины:

Было ей 32 года, когда рано утром 28 декабря к ним в дом вошел русский солдат и сказал, чтобы она быстро собрала теплые вещи:

¹ Это сочинение не подписано, поэтому, к сожалению, мы его не могли включить в книгу.

их отправляют в Сибирь — всех! Потом солдат помог им собрать вещи, принес из амбара мешок муки и мешок зерна и донес все это до луба, где собирали всех жителей. Бабушка говорит, что ей очень повезло, что к ним пришел такой добрый солдат. Она всю дорогу потом молилась за него, ведь мука и зерно им очень пригодились в первое время...

В их дом постучали в три часа ночи. В дом вошли офицер и два вооруженных солдата. Зачитали указ и дали тридцать минут на сборы. На столе стояла фотокарточка отца моей бабушки. Он воевал на фронте, был в звании офицера. Когда они увидели ее, то, видимо, им стало чуть-чуть не по себе. И тогда офицер сказал: «Это не мой указ, я нахожусь в подчинении».

Вот еще примеры личного сопротивления — это и сопротивление тех, кто должен был карать. *Добрый им попался дядька-офицер: он все время отводил глаза в сторону, молчал. Незаметно передал: возьмите теплые вещи...* Даже работникам репрессивной системы удавалось оставаться человеком, если человек этого желал.

Стереотипный образ современной Калмыкии — весенняя в тюльпанах степь. Видимо, этот образ формируется в противовес выжженной летом и промозглой зимой степи. А в сочинениях мы встречаем другой образ калмыцкой земли: *знойное лето, знойная республика, солнечная родина... И даже жара нас не смущала.* Противоположные коннотации имеет Сибирь: *незнакомая, вечно холодная, ледяная земля..., страшная сибирская зима, лютые морозы... Холод, которым повеяло с улицы, сильно и надолго изменил судьбы многих людей, сибирский мороз словно бы заморозил живой дух... Тысячи жизней, занесенных метелью и ветром холодной Сибири...*

Дети подсознательно ассоциируют солнце с жизнью и родиной, а холод — со смертью и изгнанием. *До чего же может оледенеть душа, если человек, стоящий во главе государства, истребляет направленно и неуклонно свой же народ... Протянут свои охладевшие в Сибири руки к солнцу и жаркое степное солнце отогреет их.*

Родина воспринимается как место, где калмыку хорошо по определению, поэтому *у бабушки в течение этих тринадцати лет открывалась рана, а когда они в 1957 г. вернулись, раны зажили.*

Образ Родины и образ народа в некоторых рассказах мифологизированы, и мы встречаем образцы мифологического освоения недавних исторических событий. Перед нами в разных вариантах появляется родина, представленная в желтых и красно-желтых цветах, символах солнца, символах учения.

В пути калмыки делились последним: в вагоне люди переживали, думая, что по прибытии их убьют. Под Семипалатинском бабушке приснилось, будто она с подружкой нашла красный шарф, расшитый

золотом. Подруга предложила его поделить, но баба сказала, что если его разрезать, то он рассыпется, и забрала. На том и проснулась. Сон вызвал усмешку со стороны студентов, и только умудренный жизнью старик, убеленный сединами, попросил повторить приснившееся. Выслушав бабушку, он со слезами на глазах расцеловал ее, объяснив, что калмыки не погибнут, но выживут и вернуться на родину...

Когда они ехали на машине, моя бабушка увидела лису, которая бежала за машиной. Про себя бабушка с грустью подумала, что это родная земля прощается с ними. Лиса долго бежала, а потом исчезла... Моя бабушка со своими детьми возвратилась все-таки домой. И опять она увидела лису, бегущую за машиной. Теперь она уже рассказала моему папе о прошлой встрече с лисой. Это означало, что наша земля в образе лисы встречает нас и радуется нашему возвращению...

Другая незатейливая житейская история о возвращении на родину означала возвращение калмыков в семью советских народов, а добрая русская девушка, москвичка, символизировала саму Родину:

Весной 1957 г. семья, как и многие калмыки, возвращалась на Родину. Путь был длинным. В Москве была пересадка. Впервые они попали в метро. Здесь одна девушка с удивлением долго смотрела на маленьких калмычат, моего дядю Володю и отца, одному из которых было 6 лет, а другому — 4 года. Они выглядели потешно: кирзовые сапоги, широкие шаровары, вельветовые курточки и маленькие картузики, а под мышкой каждый держал фуфайку, так как было жарко. Она рассмеялась. От умиления подарила им книжку «Русские народные сказки». Всю дорогу до Астрахани дед читал им сказки, и они вспоминали добрую девушку.

Тексты сочинений говорят многое об этничности современных авторов, ведь идентичность инструментальна, это в первую очередь личный выбор человека.

Я, как и многие из моих ровесников, не могу назвать себя калмычкой, хотя бы потому, что я не знаю калмыцкого языка. Культура калмыцкого народа для меня, признаться честно, значит не больше, чем культура любого другого — русского, английского, французского, японского — народа. Я говорю об этом с сожалением, но это не значит, что от этого во мне станет больше «калмыцкого». Это «сожаление» не заставит меня изучать родной язык или уделять больше внимания эдже и аве. Все, что я могу и обязана сделать, — знать историю калмыцкого народа, чтобы попытаться разобраться, прежде всего, в своих корнях.

В одном сочинении отражается появившееся в республике в последнее десятилетие явление, названное Эдвардом Саидом ориентализмом. Его ярким примером являются возведенные в городе китайские ворота и ро-

тонды, которые как бы символизируют «восточность» калмыцкой столицы на фоне ее до того безликого архитектурного облика. Ориентализм конструировался исходя из ожиданий и представлений западного человека о Востоке. Конечно, он должен был импонировать кому-то из молодежи, которая ищет не просто отличительность, но и черты, объединяющие с восточными буддийскими цивилизациями. *Поднеси старику чашку джомбы¹, сядь с ним рядом на циновку, вырвись из вечного круговорота сансары и задумайся над жизнью...*

Дети смогли увидеть сибирские годы не только через драматизированную подачу СМИ, а иначе, сквозь мудрый опыт старших, поэтому они замечают, что *жажда жизни была сильнее... молодость, полная энергии, надежд, веры, боролась за свое существование... Именно большое желание выжить, любовь к жизни, такой, какая она есть, помогли пережить моей бабушке все эти годы.*

Для многих авторов характерна эмпатия: *пока моя эдэя работала санитаркой, поваром, медсестрой, школьным учителем — об этом я пишу с облегчением, потому что в эти годы стало жить намного лучше. Уже не вспоминаются голодные дни, обмороженные пальцы, унижения и оскорбления.* Многие сравнивают свои силы с опытом старших: *я слушала бабушку и думала, смогла бы я выдержать то, что выдержала она, а ведь бабушка была такого же возраста, что и я сейчас.* А кое-кто признается, что теперь на историю депортации он смотрит *бабушкиными глазами.*

Орфография также красноречива. Дети, родившиеся еще при советской власти, пишут эпитет «советский» с большой буквы, но в то же время название села Улан-Хол пишут с двумя л, поскольку глазу привычнее слово *холл/hall*, нежели калмыцкое *хол*.

На уровне данных сочинений показаны масштаб государственного давления на отдельного человека и на весь калмыцкий народ, лишение свобод, скрытое в практиках повседневности, и стратегии сопротивления им. Именно формы личного сопротивления насыщают содержанием микроисторию, поскольку знание о социально изобретенных стратегиях сопротивления тоталитарному режиму передается лишь изустно². Поэтому каждое сочинение о депортации ценно само по себе и содержит гораздо больше знаний об истории депортации, об истории России, о самом новом поколении, чем это может показаться.

¹ Джомба — калмыцкий чай.

² Мещеркина Е. Устная история и биография: женский взгляд // Устная история и биография: женский взгляд. М., 2004. С. 35.

С. И. Шевенова

Тема депортации в школьной программе

Элистинский лицей известен в республике как одно из лучших образовательных учреждений для школьников. Через несколько лет работы распоряжением от 2 февраля 1999 г. Президента республики он получил статус Центра образования одаренных детей Республики Калмыкия и воспринимается не только как школа, где дают глубокие и прочные знания, достаточные для поступления в престижные вузы страны, но и место, где формируется современный человек, гражданин, личность. Несмотря на то что лицей существует с 1990 г., он достиг хороших результатов и по рейтингу журнала «Профиль» в 1995 г. занял восьмое место в России среди лицеев и школ. Ребята достойно представляют образование республики на Всероссийских олимпиадах, занимая призовые места по многим предметам. Лицей гордится выпускником физико-математического отделения 1996 г. Борисом Бадмаевым, занявшим третье место в международной олимпиаде по математике. На Всероссийской олимпиаде по английскому языку в 2000 г. заняла первое место десятиклассница гуманитарного отделения Даяна Бадмаева. Призерами Всероссийских олимпиад разных лет стали: по основам правоведения — Илья Баранов, Александр Сенин, Нина Маливанова, Савр Дякиев, по экономике — Очир Джамбинов, по английскому языку — Анна Бугакова, по литературе — Алексей Василенко. В 2005 г. Никита Цветов и Булгун Хулхачиева показали блестящие результаты на Всероссийской конференции одаренных школьников «Intel — Авангард», выиграв в семи из семи номинаций. Ребята также принимают участие и побеждают в различных российских и международных конкурсах: «Акт в поддержку свободы», «Человек в истории. XX век», «Научный потенциал XXI века» и др. Поэтому не случайно, что ежегодно большая часть выпускников поступают в престижные вузы страны — МГУ, МГИМО, ВШЭ-ГУ, МГЮА, МФТИ. Например, в 2004 г. 22% учащихся стали студентами Московского государственного университета.

Таких выпускников готовят не менее талантливые педагоги. Коллектив учителей небольшой, 39 человек, но уже есть свой «Учитель года» республики — А. Е. Синев, учителями года города Элисты и призерами в профессиональном конкурсе республики были Т. И. Питкиева, И. Б. Давыдова. Прошли стажировку в школах США победители американско-российских конкурсов В. А. Улюмджиева, Г. А. Шарапова, С. И. Шевенова, О. Д. Габунщина. Четыре педагога получили ученые степени кандидатов наук, в том числе директор ЦООД «Элистинский лицей» В. Б. Манджиева.

Контингент учащихся лицея небольшой, так как обучение ведется только в старших классах. Мы принимаем ребят, окончивших седьмой класс, после экзаменационного отбора. Они сдают вступительные экзамены по профильным предметам, проходят психологическое тестирование. Конкурс всегда высокий, так как многие школьники в республике хотели бы учиться в Элистинском лицее. Это для них — гарантия получения хорошего образования и поступления в престижные вузы страны.

Ребята получают образование по четырем направлениям: физико-математическому, химико-биологическому, гуманитарному и историко-юридическому. Но и внутри направлений они могут специализироваться, выбирая два-три предмета для углубленного изучения по своему усмотрению. В качестве дополнения предлагаются различные спецкурсы, факультативы, клубы, студии, секции, которые проводят лучшие в республике специалисты. Театральная студия лицея занимает ведущие позиции среди школьных театров Элисты. В 2004 г. за постановку спектакля «Плаха» по роману Ч. Айтматова она заняла первое место. У нас лучшая в республике школьная библиотека, располагающая компьютерами, множительной техникой. Ежегодно выписывается до семидесяти наименований периодических научных, учебных, методических изданий. Учреждение заинтересовано, чтобы ребята занимались не только изучением общеобразовательных предметов, но и развивались всесторонне. Они являются постоянными участниками и победителями республиканских, городских музыкальных, художественных и спортивных соревнований и конкурсов.

Лицейстам предоставлено небольшое, но уютное здание в центре города. Отдельное помещение спортивного зала с тренажерами, хореографический класс, два компьютерных класса с Интернетом, компьютеры в классах для занятий по предметам — все это создает рабочую обстановку. В 2004–2005 учебном году в лицее открыт центр традиционной культуры воспитания, в состав которого входит музейный комплекс, состоящий из трех залов: «Жизненный цикл человека», «Память. Депортация» и «Современное искусство». Научно-исследовательская деятельность является приоритетной, поэтому не случайно на базе лицея работает Малая академия школьников Республики Калмыкия «Первые шаги в науку». Не ошибусь, если скажу, что в лицее царит культ наук. Лицей постоянно развивается,

совершенствуется в сотрудничестве с достижениями педагогической науки. Изменения, происходящие в обществе, определяют новые требования к отечественной системе образования. Утвержденная правительством Концепция модернизации российского образования ориентирует на подготовку образованных, нравственных и предприимчивых людей, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, которые должны быть способны к сотрудничеству и отличаться динамизмом, конструктивностью, обладать развитым чувством ответственности за судьбу страны.

В этой связи приоритетными направлениями деятельности лица являются не только формирование системы знаний, умений и навыков в соответствии со школьной программой, но и компетентности в интеллектуальной, гражданско-правовой, коммуникационной, информационной и других сферах. Ведущими целями образования в нашем учебном заведении являются следующие:

- формирование глубоких и прочных знаний;
- развитие самостоятельности и способности к самоорганизации;
- готовность к сотрудничеству, развитие способности к созидательной деятельности;
- терпимость к чужому мнению, другой культуре;
- умение вести диалог, искать и находить содержательные компромиссы.

Как реализовать эти цели на практике? Как научить детей быть сопричастными ко всему, что происходит вокруг? Несмотря на опыт, накопленный за долгие годы педагогической работы, я тоже стою перед решением различных проблем, одну из которых определяю как внесение демократических отношений в саму ткань школьной жизни.

Гражданское воспитание я понимаю как внедрение идеи полноценного участия школьников в решении общественно значимых проблем страны. Методика учебно-воспитательной работы в школе предусматривает различные формы участия ребят в обсуждении проблем общественной, политической, экономической жизни. Такой устоявшейся практикой в лицее является дискуссионный клуб — место открытого выражения мнений. Мы обсуждаем проблемы, насущные для общества и для самих ребят. Об этом свидетельствуют темы дискуссий: «Мода и молодежь», «Легко ли быть молодым», «Как обустроить Россию», «Свобода и необходимость», «Если бы я был президентом Калмыкии», «Соблюдаются ли права ребенка». На заседания приходят не только лицеисты, но и взрослые, приглашаем интересных людей. Одну из дискуссий на тему «Калмыки в Сибири» транслировало республиканское телевидение.

Поскольку урок является главной формой учебно-воспитательного процесса, то все его содержание подвергается ревизии с учетом целей

образования и воспитания. Сохраняя в процессе обучения устоявшиеся общечеловеческие ценности и приоритеты научности, четкости, доступности и т. п., все же приходится отказываться от формально-традиционного подхода к передаче знаний. Благодатным материалом для развития гражданственности, сопричастности к истории своего народа является тема депортации калмыцкого народа. В республике она изучается в школьном курсе истории. Хочу отметить работу моей коллеги, учительницы истории К. Э. Манцевой, которая провела интересный урок по теме «Депортация народов СССР — геноцид по национальному признаку» на основе методики деятельностного обучения.

Все население нашей республики знает, что такое депортация и как несправедливо поступила Советская власть с калмыцким и другими депортированными народами. Ежегодно в республике 28 декабря, день депортации, отмечается как День памяти. Совершается молебен, старики закликают: только бы такое больше не повторилось! В каждой калмыцкой семье зажигается лампадка по тем, кто остался лежать в холодной сибирской земле. В газетах печатаются истории-были, бабушки и дедушки рассказывают, как это было. Слушать их без слез трудно! Никого эта трагедия не оставляет равнодушным.

Но так было не всегда. Я помню времена, когда мы, учителя истории, стыдливо молчали. Долгое время в истории Калмыкии были табуированные темы, которые мы старались не затрагивать, так как нам казалось, что калмыки там не просматривались достойно. Это такие темы, как коллаборационизм в Калмыкии во время оккупации республики, калмыцкое зарубежье, депортация и жизнь калмыков в ссылке. Да что говорить о нас, учителях. Эта тема была запрещена не нами. Сверху было указание, не затрагивать эти темы, чтобы не вызывать негативных последствий, — якобы они вызывают националистические чувства у населения. Но если не говорилось официально, то на бытовом уровне все равно возникали разговоры и споры на эти темы. Порой они выливались в обидные обвинения в предательстве народа, в том, что «мало калмыков наказали, не надо было их прощать». По крайней мере, мои детские воспоминания сохранили такие впечатления.

Шло время, но проблемы, загнанные вглубь без должного объяснения, только аккумуляровались до поры до времени. Люди боялись режима и молчали. Я помню заседание кафедры истории СССР в Калмыцком университете в 1986 г., когда обсуждался проект учебного пособия для учащихся. Пришли к выводу, что нецелесообразно затрагивать такие болезненные для калмыцкого народа темы, как депортация и сибирский период, — решили в будущем учебнике оставить пробел. Да и во всех учебных пособиях, даже в академическом двухтомнике по истории Калмыцкой

АССР, этот период пропущался. На калмыках долго оставалось клеймо наказанного народа.

Все изменилось с началом перестройки. Вместе с ней пришли свобода и гласность. В стране стали говорить о многих закрытых ранее темах и среди них о «белых пятнах истории». У калмыков была своя болезненная тема — депортация. Потрясением для меня лично и, думаю, для многих калмыков была презентация фильма «Гадание на бараньей лопатке» во Дворце культуры профсоюзов 27 декабря 1988 г. Зал был набит битком. После фильма повисла долгая и скорбная пауза. Режиссер фильма Ада Неретниче рассказала о сценарии, о работе над фильмом и представила актеров. Впоследствии любимцем калмыцкой публики стал исполнитель главной роли Лиджухи Церен Цатхланов. В тот вечер народ как «прорвало», один за другим стали выходить на сцену зрители и рассказывать, сколько горя они хлебнули в те времена. Зал слушал напряженно и с пониманием, потому что у многих судьба сложилась подобным образом. Я помню, что на следующий день после этого фильма на площади перед кинотеатром «Родина» прошел первый митинг памяти жертвам депортации. Мне кажется, что этот декабрь был рубежом: от «великой немоты» народ оправился, и мы постепенно стали говорить об этих скорбных датах.

С тех пор прошло не так уж много времени, но свобода слова дала нам многое, и в первую очередь возможность высказаться. В стране были проведены конференции о депортированных народах (самая первая в Элисте). Из печати вышли Книги памяти, появились научные публикации, воспоминания репрессированных. Но, пожалуй, самыми востребованными в республике являются работы Н. Ф. Бугая «Операция «Улусы»¹ и В. Б. Убушаева «Калмыки: выселение и возвращение»². В средствах массовой информации — теле- и радиопередачах, в газетах и журналах — широко освещается тема депортации.

В Элистинском лицее сложилась особая традиция поминания. Рано утром звучит в коридорах лицея скорбная народная калмыцкая музыка о депортации. Мы приглашаем людей, подвергшихся депортации, или тех, кто прожил эти годы в Сибири. Они встречаются с учениками и ведут неторопливую беседу. Она всегда поучительна, и ребята после таких уроков выходят посерьезневшими. У нас сложился определенный круг друзей лицея, которые всегда готовы общаться с подрастающим поколением. Они рассказывают не только о своих тяготах и трудностях, но и о простых сибиряках: русских, немцах и других народах, которые помогли им выжить в непривычных сибирских условиях. Это поэт В. Нуоров, журналист

¹ Бугай. Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991.

² Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста, 1991.

П. О. Годяев, исполнительный директор общественного фонда по увековечению памяти Б. Б. Городовикова А. К. Убушиев, преподаватели Калмыцкого университета В. Б. Убушаев, Ю. О. Оглаев и С. И. Убушиева, депутат Верховного Совета РФ В. П. Дорджиев, известный экономист и публицист П. Д. Бакаев и многие другие.

Когда я рассказываю ребятам о тех страшных временах, то сама внутренне собираюсь, чтобы не раскиснуть, не поддаться чувствам и не превратить все в сплошную слезливую драму. На уроках истории, частично и на уроках права и обществознания, ребята изучают причины и особенности депортации калмыцкого народа, говорят о перенесенных трудностях и последствиях. Мы читаем сочинения лицеистов предыдущих выпусков, и затем уже они сами пишут сочинения о депортации своих родных или близких родственников. Сочинения бывают разными, но встречаются пронзительно-искренние, трогательные, которые спокойно читать невозможно. Я и плачу, и удивляюсь, и восхищаюсь своим народом, который в нечеловеческих условиях депортации остался мудрым и стойким. Отношение ребят к заданию различно. Конечно, встречаются такие, которые ворчат: «Вот, опять нас нагружают очередным заданием, а как его писать, если все мои родственники, познавшие депортацию, умерли?» Приходится сталкиваться с ситуацией, когда ребята отказываются под различными предлогами и не пишут. Слава Богу, таких отказов немного. Насильно никого не заставляю, хотя огорчаюсь. Зато очень радует, когда ребята относятся серьезно и понимают, что это их вклад в память поколений и что они вносят свою лепту в ее сохранение. Особенно меня трогает, когда сочинения пишут русские ребята. Юлия Копылова, Дима Карпенко, Алена Савченко, Артем Демиденко, Катя Гайворонская, Юлия Ольховская... Их родных не задела эта трагедия, они не обязаны писать сочинения, но они воспринимают ее как свою боль и не обходятся общими фразами, отписками. Они действительно сопереживают, описывая судьбу своих соседей-калмыков, знакомых. Размышления, раздумья, философские эссе — так можно охарактеризовать сочинения Яны Шушуновой, Эдуарда Санджиева, Бамбы Номинхановой, Инны Сангаджиевой, Ольги Гонцуковой... Некоторые ребята выразили свое отношение в художественной форме: Чингиз Ханташов, Цаган Москуева, Арслан Басанов написали стихи, а Дана Харченко, Стас Джаврунов, Галина Манджиева, Хонгр Замбаев, Баина Басанова, Соня Коваль, Боря Худогулов нарисовали рисунки. Спасибо им! Неважно, в какой форме выражено отношение ребят. Главное — они поняли страшный урок истории: депортация калмыцкого народа — это трагедия, которая никогда не должна повториться!

Урок по этой теме обычно мы начинаем с просмотра фильма «Знаки ранящих мгновений» (авторы Б. Харлуева и У. Наминова), который для нас давно стал учебным пособием. Фильм захватывает сразу, с начальных

фрагментов, когда жители исчезнувшего после депортации села Цекерта поминают духов предков, а затем со слезами на глазах вспоминают, как их выслали из этих мест. Они рассказывают, пытаются спеть песню, сочиненную народом о выселении, но не выдерживают — заливаются слезами, плачут.

Затем мы пробуем ответить на вопросы: почему именно калмыков сослали в Сибирь. Были ли серьезные основания для обвинения всего народа в измене Родине? В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. отмечается, что «многие калмыки изменили Родине». Что означает «многие калмыки»? Это может быть и 10%, и 20%, а может и 80–90%... В Указе точно не прописано, сколько. Следовательно, сами авторы документа не располагали точными данными, поэтому дали неконкретную формулировку.

Просматривая литературу по проблемам депортации, хочется отметить, что есть авторы, которые не пытаются разобраться, насколько были оправданы обвинения в адрес депортированных народов, и повторяют только причины, которые перечислялись в правительственных документах еще тех, сталинских времен. Так, в учебнике для вузов «Новейшая история Отечества XX в.»¹, рекомендованном Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История», отмечаются, какие народы были депортированы, и перечисляются официальные причины выселения, которые, по моему мнению, взяты из не так давно выброшенных, но почему-то опять востребованных советских формулировок. Вызывает удивление, когда авторы называют в качестве одной из причин «стабилизацию политической обстановки в этом регионе». Неужели изгнание целых народов из своих родных мест укрепило стабильность и принесло покой в эти места? Неужели такой жестокой ценой одни народы должны платить за спокойствие других? А что стоит за таким определением причины депортации, как «очистка территории от антисоветских шпионских элементов, наказание за пособничество фашистам и выступление против Советской власти»? Не желание ли подтвердить официальные формулировки сталинских документов в обвинении целых народов в предательстве? Если руководствоваться той же логикой, получается, что те четырнадцать народов, которые выслали, — это предатели, а у тех народов, которые не были депортированы, не было предателей и изменников? Мне кажется, что это результат невнимательности авторов. Я не думаю, что они хотели оскорбить депортированные

¹ Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов. Т. 2 / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М. 1998. С. 207.

народы, однако такая невнимательность косвенно способствует пренебрежительному отношению одних народов к другим и может иметь очень опасные последствия.

Во время обсуждения этой проблемы ребята считают, что более обоснованной является позиция известного историка А. М. Некрича: депортация была попыткой переложить ошибки центра в неудачах на фронтах на малые народы. Судите сами: от 40 до 50 тысяч наших земляков воевало на фронтах войны, и многие из них сражались героически. Среди наций и народностей СССР, которые дали в годы войны стране Героев Советского Союза, были и калмыки. По количеству героев они стоят далеко впереди многих народов. Мы уверенно можем сказать, что калмыки достойно воевали и защищали свою Родину.

Главный вопрос на уроке по теме о депортации калмыцкого народа — как на территории КАССР осуществлялась операция «Улусы», почему она проходила в 4 этапа, насколько население было подготовлено к депортации, какие возникали трудности? При рассмотрении этих вопросов используем документальный материал, воспоминания депортированных, научную и научно-популярную литературу. Большое эмоциональное воздействие оказывает на ребят музей о депортации калмыков, который функционирует в лицее. Ребята могут увидеть вагон почти в натуральную величину. Они удивляются: как там могли поместиться 40–45 человек? Еще тяжелее им представить, как в таких условиях можно было жить полмесяца и более, да еще на страшном морозе.

Заключительным этапом работы лицеистов по этой теме является обсуждение следующих вопросов: Какова была специфика депортации калмыков и в чем состояли ее последствия? Как она повлияла на развитие народа? В результате обсуждения выводим с детьми следующие особенности депортации калмыцкого народа.

1. *Дисперсность расселения калмыков.* Они были раздроблены на малые группы по огромной территории Сибири, Севера, Казахстана, Средней Азии и Дальнего Востока.

2. *Тяжелые условия переселения.* Если в начале войны немцы Поволжья были предупреждены за несколько дней о предстоящем переселении и им разрешалось подготовиться, то в 1943 г. уже не церемонились с населением, и, как свидетельствуют спецпереселенцы, люди погибали в дороге из-за того, что не смогли взять достаточно вещей и продуктов. Были люди, совершенно не имевшие багажа по различным сложившимся обстоятельствам. Во многих воспоминаниях говорится, что людей перевозили в непригодных вагонах, в тяжелых условиях. Как выразился один из учеников, «скот и то в лучших условиях перевозится».

3. *Тяжелые условия проживания в новых местах.* Почти все спецпереселенцы в своих воспоминаниях отмечают особые трудности в начальный

период их проживания на новом месте. Их поселяли или в продуваемом насквозь бараке, в заброшенных сараях или в нетопленном, выстуженном доме, где всем приходилось спать на полу, на соломе. Они вынуждены были рыть землянки, чтобы как-то спастись от лютого холода. Надо было зарабатывать на пропитание, еще не оправившись от ужасов в вагонах. Многие ведь не могли работать, потому что одеты были легко, быстро простывали и заболели от холода и голода. Раз нет заработка — нет еды. Многие питались отбросами, а весной, когда поля оголились, мерзлой картошкой, оставшейся с прошлого урожая на полях.

Ребята перечисляют многие факты, которые привели к высокой смертности среди калмыков в первые годы. Сибирская зима для южан была невыносимой, тяжелый непривычный труд в тайге добивал многих. А моральный шок, когда их называли людоедами, прятали от них детей, боялись с ними общаться? Многие долго не могли оправиться, смириться с новым статусом! К тому же как преступникам им необходимо было ежемесячно отмечаться в комендатуре и не дай Бог уехать куда-либо, даже в соседнее село, без разрешения коменданта! Конечно, такие условия и трудности режима спецпереселенца лишали их элементарных прав. Постоянное попрание человеческого достоинства на протяжении 13 лет депортации и клеймо «народа-предателя» еще на протяжении почти полувека тяжело сказались на моральном и физическом развитии калмыков.

4. Самым тяжелым последствием ребята считают *сокращение численности народа*. По данным преподавателя Калмыцкого государственного университета, известного в республике историка, профессора В. Б. Убушаева, смертность калмыцкого населения в дороге и в первые год-полтора после выселения составляла не менее 55–60 %. Если сравнивать калмыцкое народонаселение с дореволюционным периодом (по данным Всероссийской переписи 1897 г., калмыков было более 200 тысяч), то за прошедшие 100 лет (целый век!) калмыки, наверное, почти единственный народ, не достигший своего дореволюционного уровня, пишет В. Б. Убушаев. В 1959 г. три народа в СССР (из более и менее крупных) — евреи, белорусы и калмыки — не достигли по численности довоенного уровня. С белорусами и евреями вполне объяснимо и понятно — всему виной страшная война, а в Калмыкии, где не было почти полной фашистской оккупации и она продержалась в ряде районов всего 5 месяцев, казалось бы, должна быть совсем другая картина¹. Эта точка зрения не является безусловной. Возможно, здесь и есть преувеличение, но сам факт большой гибели калмыков, особенно в первые годы, подтверждают все: и ученые, и сами спецпереселенцы. Сегодня есть достаточно оснований утверждать, что умень-

¹ Убушаев В. Б. Указ.соч. С. 41.

шение численности калмыцкого населения связано с последствиями насильственной депортации калмыков, хотя это не единственная причина.

5. *КАССР не восстановила довоенную территорию*. До сих пор Лиманский и Приволжский районы — наиболее экономически развитые и географически выгодно расположенные территории находятся в составе Астраханской области. Остался за пределами Калмыцкой Республики Калмыцкий район, который в 1944 г. вошел по частям в 4 района Ростовской области: Пролетарский, Мартыновский, Романовский и Зимовниковский.

6. Тяжелой утратой для народа явилось *прерывание преемственности поколений, утрата многовековых традиций, и в первую очередь языка*. Это и неудивительно, ведь от трудностей погибали вначале старики и дети. А старшее поколение было хранителем народной мудрости, памяти, традиций и обычаев. Безвозвратно утеряны многие культурные ценности: бурханы, книги, ювелирные украшения, культовые предметы и инвентарь.

7. Невозможно подсчитать *экономические и политические последствия депортации*. Возвратившимся на Родину калмыкам на многих территориях приходилось восстанавливать экономику почти с нуля, а часть сел так и исчезла с карты страны. Практически по уровню производства Калмыкия и сегодня является слаборазвитой дотационной окраиной России. Чтобы легче было выбивать дотации из центра, в Калмыкии сложилась практика избирать депутатом Государственной думы, представителем от республики в Совет Федерации людей, не проживающих в Калмыкии, но имеющих политический вес в центре.

Эти и другие проблемы, связанные с депортацией, проговоренные и осмысленные ребятами, помогают им на многое посмотреть иными глазами, почувствовать себя ответственными за все, что происходит вокруг, поэтому к написанию сочинений они подходят серьезно.

Сочинения многих учащихся — это свидетельство их неформального отношения к этому дню в истории калмыцкого народа. Мне приятно, что ни разу не встречала высказываний экстремистского характера, не встречала сочинений с националистическими лозунгами. Наоборот, во многих работах приводятся примеры сострадания и помощи со стороны сибиряков. Во многих работах прослеживается мысль, что депортация — это явление, больше характерное для тоталитарных режимов, чем демократических, что сталинизм, как и фашизм, национализм — по природе опасные идеологии.

Я думаю, что ребята правильно оценивают эти сложные проблемы, и в этом вижу свой долг учителя, воспитателя. Возможно, то, что Калмыкия — спокойный оазис на юге России, что у нас не любят противопоставлений по национальному признаку связано с тем, что мы — буддисты

и у нас сложились традиции ненасилия. Отсюда прослеживается философский подход ко многим проблемам. Но в глубине души теплится мысль, что здесь есть небольшая толика вклада и нас, учителей, нашего стремления воспитывать интернационалистов, ответственных за свои поступки граждан.

Я верю: они понимают, что история народа — это не только успехи и победы, но и проблемы, трудности, страдания, которые всегда можно преодолеть!

К. Э. Манцева

Тема урока: Депортация народов СССР — геноцид по национальному признаку

Цели урока:

1. Образовательная — усвоение следующих знаний:
 - депортация,
 - депортация народов СССР.
2. Воспитательная — учащиеся после урока будут понимать, что депортация народов СССР была геноцидом по национальному признаку.
3. Оборудование — карта СССР, видеофильм «Знаки ранящих мгновений».

Сценарий урока — деятельностный подход

Время	Действия учителя	Действия учеников
I 5 минут	<p>Говорю:</p> <p>Тема нашего урока: Депортация народов СССР — геноцид по национальному признаку.</p> <p>Прежде чем подойти к исследованию депортации народов СССР, необходимо выяснить, что же означает этот термин. Что же значит депортация?</p> <p>Знакома ли вам такая историческая ситуация, где явление депортации имело место?</p> <p>Учитель записывает примеры на доске после сообщений групп.</p>	<p>Слушают:</p> <p>Сегодня мы будем изучать феномен депортации в исторической перспективе.</p> <p>Говорят:</p> <p>депортация — изгнание, политика насильственного переселения.</p> <p>Работа в группах: приводят примеры из истории (Овидий, Вергилий, Никон, декабристы, яковинцы, народники и др.)</p>

II	А теперь, глядя на запись на доске, давайте вместе выявим причины данного явления. Запись на доске — возможные причины депортации: 1. Политическая оппозиция. 2. Участие в заговорах против режима. 3. Создание тайных обществ.	Класс работает в группах Обозначили причины депортации в мировой истории
5 минут	4. Подготовка вооруженных восстаний, ведущих к смене существующего порядка. 5. Религиозные противоречия. 6. Написание критических стихотворений.	
III	Следующий этап нашей работы — изучение депортаций народов СССР. Назовите известные вам депортированные народы	Устное перечисление народов
5 минут	Использование медиа (см. приложение). – Могли бы вы определить время депортации этих народов. Проверка: медиа Чтобы проверить правильность ваших ответов, обратимся к схеме «Депортированные народы СССР».	Называют время депортаций
Карточки	В этой схеме отмечены только те народы, которые подверглись депортации большими группами или всем народом. Обратите особое внимание на даты начала массовой депортации и конечного этапа, что пригодится вам в следующей работе	Использование медиа
5 минут	Сейчас мы будем работать в группах. Вам розданы конверты, где определены возможные причины депортации народов СССР. Ваша задача: группой обсудить все варианты и выяснить наиболее важные, на ваш взгляд, причины депортации.	Обсуждают и выявляют причины депортации народов СССР (карточки — россыпь.)
2 минуты	Называйте № вашей карточки	Диктуют выбранные варианты причин депортации
5 минут	Следующий этап нашей работы. Каждый из вас получает карточку, где должен напротив перечисленных в ней народов поставить номер главной причины депортации. Учитель собирает индивидуальные карточки	Самостоятельно выявляют причины депортации конкретно по каждому народу. Карточка — «Переселение народов»

IV	Говоря сегодня о депортациях народов СССР, мы не можем не остановиться конкретно на депортации калмыцкого народа. Прошло более 60 лет, когда свершилась чудовищная несправедливость	
3 минуты	Сейчас мы посмотрим фрагмент в/ф «Знаки ранящих мгновений», который посвящен этому периоду в жизни калмыков.	Смотрят отрывок из в/ф «Знаки ранящих мгновений»
10 минут	Итак, Указ ВС СССР от 27 декабря 1943 г. поставил задачу переселения калмыков в Сибирь и ликвидации КАССР, поделив республику между соседними областями. Выселение калмыцкого народа проводилось в 4 этапа: Первые 3 этапа — выселение гражданского населения. 4 этап — отзыв с фронта солдат и офицеров калмыцкой национальности. В годы войны трудящиеся Калмыкии внесли значительный вклад в победу советского народа над гитлеровским фашизмом. Плечом к плечу с другими народами нашей страны сражались сыны и дочери Калмыкии на всех фронтах войны. 22 уроженца Калмыкии были удостоены высокого звания Героя СССР. Какой вывод вы можете сделать? Обратите внимание на схему. Проследите географию высылки калмыков. В 1943 г. из Калмыкии были депортированы 93 тыс. чел. Для организации спецпереселения было мобилизовано 10 тыс. военного контингента. В чем же провинились калмыки? За что был наказан весь народ? Для выяснения причин депортации калмыцкого народа вам розданы карточки, по которым вы определите причины депортации калмыков. Обведите кружком варианты причин депортации	Где проживали калмыки? Используем карту СССР. Хронологические рамки (показать схему по медиа). Сколько Героев СССР — земляков вы знаете? Назовите их фамилии. Читают схему. Перечисляют регионы депортации калмыков (Красноярский край, Алтайский край, Новосибирская, Тюменская, Омская, Томская области, Хакасия, Сахалин) Фрагмент в/ф. Выявляют причины депортации калмыцкого народа. Работа с карточками
V	Подведем общий итог. Массовые депортации народов — тягчайшее по трагическим последствиям преступление против человека и его свободы.	

	<p>Анализ причин и условий депортации показывает наличие разных факторов, вызвавших это событие.</p> <p>Какие выводы можно сделать о причинах депортации?</p> <p>Как мы сегодня выяснили, все причины этого явления коренятся в природе общественного строя, в системе тоталитарной власти, утвердившейся в нашей стране в тот период.</p> <p>Массовые депортации народов имели тяжелые трагические последствия. (Какие?)</p> <p>1. Народы обречены на физическое вымирание в силу условий жизни.</p> <p>2. Утрата материальной и духовной культуры, национальных традиций, праздников, ремесел и народного творчества.</p> <p>3. Утрата роли национального языка как средства общения.</p> <p>4. В национально-государственном отношении — лишение государственности, национальной территории, гражданских прав.</p> <p>Таким образом, массовые депортации народов СССР есть геноцид, осуществившийся в двух формах:</p> <p>1) неприкрытое физическое уничтожение;</p> <p>2) ассимиляция народов.</p> <p>Сегодня на нашем книжном стенде вы видите выставку работ лицеистов, посвященных депортации, а также воспоминания и исследования ученых. А самое главное — Книга памяти.</p> <p>Память — вот что может и должно оградить наше общество от повторения трагедии</p>	<p>Перечисляют причины.</p> <p>Перечисляют последствия депортации народов.</p> <p>Записывают на доске.</p>
VI Д/задание	<p>Перейдем к домашнему заданию.</p> <p>Используя знания по курсу всеобщей истории, приведите примеры депортаций. Выделяем три государства (СССР, Франция, США).</p> <p>Составляем сравнительную таблицу по депортации в других странах.</p> <p>Спасибо всем за активность на уроке</p>	<p>Приводят примеры из курса всеобщей истории</p>

Сочинения лицеистов

Мингиян Батнасунов

Будучи совсем маленьким, я часто огорчался из-за малочисленности моих близких родственников. Ведь, по рассказам моей мамы, ее семья до войны и депортации была довольно большой.

Трудно сказать, как решился старший брат Эрдня оставить младшую сестру и братьев одних. Но в то страшное время не спрашивали — наступил 1941 г. Эрдню призвали в армию. Служил в пограничных войсках на самом краю нашей родины и погиб при обороне Брестской крепости. Жить было трудно. Тетя Боова, мой дед и дядя Бяява в то время были совсем маленькими. До войны умерли отец и мать. Сиротам помогали соседи и дальние родственники. Так потихоньку перебивались до 1943 г.

О том дне мой дед не рассказывал. И вообще, наверное, ему очень больно вспоминать не только это. Кое-что мне поведала моя мама...

Они прибыли на станцию села Веселое Москаленского района Омской области в январе 1944 г. Местные жители сторонились незваных гостей, закрывали ставни и двери, только увидев «людоедов». Группу калмыков поселили в бараки на краю села. Хрупкой девушке с несмышленими братьями еще повезло — их поселили в отдельном сарае, с печкой. Но и люди были милосердны к калмыкам. Спустя время, не видя злых намерений, изголодавшимся людям сибиряки «дарили» кожуру от картофеля. Правда, от систематического недоедания и холода гибло много людей. И приходилось гордым степнякам идти и просить или обменивать вещи на съестное. Но не только этим занимались наши предки. Шли в сельсовет — просить работу. Работа в то время означала жизнь. Просились на работу и тетя Боова и Бадма, мой дед. Так вспоминает его товарищ по работе. Бадма Джиджиевич Колаев пришел десятилетним мальчишкой: «хочу работать в овцеводстве».

Работал подпаском сельской отары. Старшим чабаном был русский мужчина — Василий. Зарплаты как таковой все равно не хватало на пропитание. Однажды ночью весной 1944 г. Боова, Бадма и Бяява выкрали из сельского стада бычка. Зарезали и поставили варить мясо на печку. На следующий день управляющий с надсмотрщиком объезжали и проверяли всех в ближайших селах... Тетя Боова сидела и что-то шила, вдруг дверь открывается и слышатся голоса. Вскочив, подхватила ведро с мясом. Перевернула и села на него. И дальше стала шить как ни в чем не бывало.

Управляющий вошел и почувствовал все равно запах вареного мяса. Маленький Бяява промолвил: «Дядя, а вы зачем пришли?» Начальник ответил: «Да вот бычка ищу». — «А его у нас нету». Бадма сидел, не промолвив ни слова. Управляющий улыбнулся и ушел.

Мама рассказывала, что дед с благодарностью вспоминал этого старого русского мужчину. Ведь этого бычка им хватило на целый месяц сытой жизни. Но не подумайте, что тетя Боова, Бадма и Бяява жили только, воруя чужой скот. Нет. Мой дед работал на совесть. Ему доверяло управление совета. Его даже назначили управляющим фермой номер четыре, что в то время было большим почетом.

Не любит мой дед рассказывать о прошлом. Несмотря ни на что, тетя Боова и дядя Бяява обзавелись семьями и прожили свой небольшой жизненный век.

Р. С. Дед сейчас хочет привить нам, внукам, любовь к труду, объясняя, что только своими руками и трудом можно прожить на этом свете.

1993

Галина Босхонджиева

Судьбы людей, перенесших военное время, очень трагичны. Их нельзя забывать хотя бы потому, что без прошлого нет настоящего и наша жизнь находится в прямой зависимости от предыдущих поколений. И очень грустно, что многие люди погибли или умерли, не оставив никаких мемуаров или записок о своей жизни в необычное, решающее для страны время.

Я никогда не знала своей бабушки. Она умерла так давно, что даже мой отец не может хорошо вспомнить рассказы своей матери о годах, проведенных в Сибири. Иногда мой отец рассказывает мне об этом, и хотя сведений очень немного, я бы хотела рассказать кое-что из его воспоминаний. Например, от отца я узнала, что мой дедушка потерял на войне обе ноги, несколько месяцев пролежал в госпитале, а, вернувшись на родину, вскоре оказался в числе репрессированных. Дорога в Сибирь оказалась очень трудной: было очень холодно, не хватало продуктов, и дедушка, который все время болел, подхватил воспаление легких. Утешением было одно — это то, что вся семья оказалась вместе, а всем вместе — всегда легче. В пути погибло огромное количество людей, среди них была и сестра моего отца, которой тогда было около шести лет. До сих пор могила девочки не найдена (ее похоронили очень быстро на одной из многочисленных станций). Но и у тех, кто смог дожить до места прибытия, шансов на выживание практически не было. Спаслись лишь немногие — те, кто владел хотя бы лопатой, с помощью которой было возможно вырыть в снегу яму, чтобы на первое время спастись от холода, а потом — сделать зем-

лянку, а весной — вскопать землю и посадить что-нибудь. К счастью, некоторые из жителей села Емельяново в Красноярском крае (а именно туда попали мои родственники) оказались очень добрыми людьми и помогли с жильем до весны. К тому времени удалось найти постоянное жилище — что-то вроде землянки, в которой и жили до реабилитации. Конечно же, жилось очень тяжело, как и всем калмыкам. Только положение усложнялось тем, что дедушка абсолютно не мог ходить и, следовательно, работать, поэтому бабушке приходилось работать одной. Чтобы как-то помочь семье, дедушка сколачивал ящики. За каждый ящик платили по копейке, а сил у него было мало даже для заработка в 50 коп. за день. По вечерам, вернувшись с работы, бабушка также помогала управляться с ящиками, но и этого не хватало на жизнь: деньги почти не ценились, а еды так и не хватало. Кроме того, болезнь дедушки быстро прогрессировала и долгое время ему грозила смерть, но все кончилось хорошо: «местная» женщина достала необходимые лекарства, и жизнь деда смогла продлиться до конца 53 г.

Может быть, для тех, кто никогда не соприкасался с холодом, с голодом и жизнью, полной страха и опасений за жизнь близких, понять подвиг и мужество репрессированных трудно, но я думаю, что помнить о них мы должны. Ведь если бы этого не произошло, мне кажется, наш город был бы и красивым, и богатым, и уровень жизни людей был бы значительно выше. Да и сами люди были бы более открытыми, потому что время, проведенное в местах высылки, не могло не повлиять и на характер людей, которые весь этот период чувствовали себя угнетенными. И я думаю, что люди учтут этот опыт и постараются быстрее возродить национальные традиции, обычаи и язык, который в наше время может исчезнуть. И я надеюсь на то, что новое поколение будет любить свою родину, не меньше ценить ее достоинства, чем их родители, и делать все возможное для ее процветания.

1993

Эльдар Гаджиев

Меня давно беспокоила эта тема, и я решил расспросить о ней Бембева Очира Цереновича — друга отца и моего дедушки. Он наотрез отказался рассказывать, так как не любил вспоминать то время, но после моих просьб согласился и поведал мне историю нашего народа. Он начал с того дня, когда их репрессировали.

«Я запомнил этот день на всю жизнь. 28 декабря 1943 г. в четыре утра в наши степи прибыли солдаты, так называемые Части особого назначения. Они даже не объяснили нам, в чем дело, сказали, чтобы мы брали только

теплые вещи и ценности. Они грабили нас, заходили в дома, все переворачивали вверх дном, брали все, что попадало им в руки. Затем нас погнали к пункту сбора для отправки. В Элисте таким пунктом был кинотеатр «Родина». После того как все мы были собраны, нас на автобусах, на машинах повезли на ближайшую станцию в поселке Дивное. Там нас ждали товарные вагоны и вагоны для перевозки скота и военных. Нас: меня, восьмилетнего мальчика, мою бабушку Тевкю и моего дедушку Эренцена — посадили в теплушку, в которой были деревянные нары и печка-буржуйка. В вагоне нас было очень много. Людей пихали, пока были свободные места. Мы не знали, как пользоваться печками, мы также не знали, как пользоваться углем. Был такой случай, что вместо угля старики засунули туда смолу, она вся выскочила из печки и обожгла многих. С тех пор мы не использовали печки, да и негде было взять дров, так как наш поезд останавливался на короткое время, и то чтобы выбросить трупы людей. А людей погибало много: кто от холода, кто от голода. Много было трудностей в пути. Мы не могли сходить по нужде, так как поезд не останавливался. Тогда старики в углу пробили дырку, и мы все туда ходили: мальчишки, наши матери и старики. На моих глазах умер друг, соседский мальчик Баатр. В пути у него умерли все: мать, бабушка и дед. Сам он умер от голода. Даже сейчас я вспоминаю его вспухший живот, впалую спину и большую голову. Его выбросили прямо на станции, на рельсы. Нам не разрешалось хоронить людей, так как не было времени. Сам я чудом выжил... На станциях разрешали брать кипяток. Я помню, это был небольшой домик, где в четырех углах стояли краны. Наверху была вывеска «Кипяток». Все мы, хлебнув кипятка, согрев свой желудок, ложились спать. Но это бывало трудно. Все время нам представлялось мясо, лепешки, и мы не могли избавиться от мысли, что мы не можем поесть... К тому времени, как мы прибыли на конечный пункт, нас осталось очень мало.

Когда мы приехали на станцию, мы все увидели подводы с людьми. Они стояли совсем далеко от нашего эшелона. Они, наверное, боялись нас, потому что мы были врагами народа. Как выяснилось позже — мне рассказали местные мальчишки, — им говорили, что мы людоеды, что мы убиваем их отцов, дедов на войне. Они стояли в стороне, ожидая увидеть своих врагов — страшных, уродливых мужиков. Но когда они увидели, что среди нас старики, женщины, дети, они подошли поближе. Нас всех брали по очереди. Мою семью, вернее то, что от нее осталось — умер дедушка, — отвезли в Табунский район в село Новиково.

Это была страшная сибирская зима, лютые морозы. Нас, меня и бабушку, поселили в бане. Сибирская баня представляла собой деревянный домик с деревянным полом, в котором были огромные щели для стока воды. Она топилась «по-черному». Не было дымохода, и весь дым, смрад выходил через эти щели и окна. Местное население сначала относилось к нам недружелюбно. Были случаи, что пьяные русские мужики приходили.

Узнав, что мы за народ и что мы не виновны и такие же люди, как и они, жители начали нам всячески помогать. Они оказались очень дружелюбными, отзывчивыми людьми. Весной они давали нам картошку на посадку; кстати, картошка — единственный продукт, благодаря которому мы жили и выжили. Обучали нас, как сажать, земледелию. А потом они помогали нам строиться. Я помню дядю Ваню — доброго русского мужика. Он почти на свои средства и своими силами построил нам дом. Мы жили там вчетвером: я, бабушка, двенадцатилетняя девочка Баирта и мой ровесник Эрдня. Наши старики работали коневодами, скотоводами, пастухами, так как знали это дело. И местное население было спокойно за свой скот.

Бывали также случаи краж. Помню, как сосед, дедушка Церен, украл несколько колосков с поля, чтобы прокормить свою семью. Его поймали и посадили за решетку, и с тех пор я его не видел.

В 1954 г. умерла моя бабушка. Как жаль, что она не дожила до возвращения на Родину. Мы остались втроем. Мы с Эрдней пасли скот. А Баирта шила... Мы жили на гроши эти два года. В 1955 г., кажется в феврале, мы все отмечались у коменданта — и вдруг по радио начали передавать калмыцкие песни. Бабки, старики, все — танцевали, пели, плакали. Они понимали, что это все, мы возвращаемся на Родину!

Потом сказали, что вышел указ о возвращении калмыков. Но что меня больше всего удивило, это то, что жители не хотели отпускать нас. Говорили, что если не понравится у нас или нас не примут, они очень рады опять жить с нами. Как мы с ними прощались! Было много слез, но вместе с этим и радость от мысли о возвращении домой...

Элиста встретила нас развалинами. Но сама мысль о том, что мы возвратились, дала нам силы...»

Меня поразил рассказ Очира Цереновича. Несмотря на сталинскую пропаганду, сибиряки увидели в нас прежде всего людей, а не тех людоедов, которыми нас выставляла пропаганда. Они, несмотря на темноту нашу, учили и помогали нам по мере своих сил. И также надо воздать должное нашему народу, который, несмотря на всю эту обстановку, нашел в себе силы выжить и восстановить все, что было разрушено в эти трудные годы сталинщины.

1993

Юра Горяев

Я хочу рассказать историю моих авы и эджи, которую мне поведала моя мама.

Мою эджи зовут Дорджиева Таисья Санджиевна. Отец ее, Санджиев Дорджи, был милиционером в селе Малые Дербеты. Когда началась война,

он пошел на фронт, но погиб еще в самом начале войны, под Керчью. У эджи не было ни братьев, ни сестер. И они остались одни с матерью.

В тот зимний день, когда началось выселение калмыков, к ним утром пришли солдаты и приказали одеться. Никто ничего не понимал; сборы были короткими — времени не было. Солдаты начали погрузку на машины людей. Кто не успевал, того подгоняли прикладами. Затем их повезли на станцию. Уже по дороге туда люди продрогли. Там их посадили в холодные вагоны и отправили в долгий, мучительный путь, в Сибирь. Этот путь был ужасный: много людей умерло от холода и голода. Но даже здесь жизнь продолжалась: на одной из станций прошел слух, что в одном вагоне у одной женщины родилась двойня (эти дети выжили, выросли и сейчас живы). Люди прибыли в Алтайский край. Их поселили в бараках, в ужасных условиях. Вначале местные жители относились к калмыкам с недоверием, но потом отношения наладились.

Эджю с матерью поселили в совхозе «Семеновод». Ей тогда было четырнадцать лет, и она пошла работать, чтобы прокормить себя и мать. Но для матери не прошла бесследно дорога в Сибирь — она тяжело заболела и слегла. Вскоре ее послали в какой-то дом для инвалидов. С тех пор эджя не видела ее. Эджю взял к себе ее дядя.

Моего аву зовут Эрдниев Церен Буляевич. До войны он работал в райкоме. Семнадцатилетним юношей пошел он на фронт. Служил писарем в штабе. Но вот в 1944 г. начали отзывать солдат с фронта. Ава был сослан на Урал. Сосланные работали на стройках важных предприятий, жили в бараках, гибли, умирали от болезней. В 1946 г. аву отпустили к семье. К тому времени его отец умер, и мой ава стал старшим в семье. Ава и эджя еще в Калмыкии были соседями, и здесь, встретившись, они полюбили друг друга и поженились. Вскоре у них родилась дочь. Но из-за плохих условий, в которых жили калмыки, девочка заболела и умерла, когда ей было одиннадцать месяцев. В 1952 г. родилась моя мама.

Постепенно жизнь наладилась, калмыки обжились в Сибири. Сибиряки относились к ним хорошо, калмыцкие дети учились вместе с русскими. До калмыков туда поселили немцев, эстонцев. С ними они очень сильно сдружились. Часты были смешанные браки. Даже сейчас наши ава и эджя поддерживают отношения, переписываются со своими сибирскими товарищами, недавно ездили к ним в гости. Но, несмотря на все это калмыки тосковали по своей родине. И когда разрешили возвращаться, они ринулись к себе на родину.

Так люди выдержали это выселение.

Депортация — самая страшная страница истории моего народа, когда всех калмыков объявили врагами и предателями. Выселение унесло множество жизней; мы потеряли очень многое из нашей культуры — нужны многие годы, чтобы восстановить все потери, понесенные из-за этой депортации. Мы должны помнить этот период нашей истории.

Мой прадед, Санджиев Д., погибший под Керчью, отличался исключительной храбростью. С фронта, из его части, в малодербетовский военкомат пришло письмо — благодарность. Это письмо напечатано в книге «Калмыки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1993

Кермен Дарбакова

28 декабря 1943 г. — страшный день для калмыцкого народа. В этот день калмыков объявили врагами народа и сослали в Сибирь. Сама операция по выселению была проведена с особой бесчеловечностью, жестокостью. Калмыков-степняков, привыкших к теплему климату, среди зимы вдруг отправляют в далекую, неизвестную и холодную Сибирь. Времени на сборы даже не давали. А ведь у многих было, пусть и небольшое, но хозяйство. И разве могут шесть тысяч рублей, которые выдают в качестве компенсации за годы ссылки, унижения, возместить хотя бы материальный ущерб?! Не говоря уже об ущербе моральном. За годы ссылки от холода, голода погибло больше половины калмыков. До сих пор не восстановлена довоенная численность населения Калмыкии.

Мой отец мог бы пополнить список безвинно погибших по пути в Сибирь. Его, маленького мальчика, первого года от роду, забрали вместе с его бабушкой и дедушкой, у которых он тогда находился. Когда его родители, узнав о случившемся, прибежали на вокзал, людей уже посчитали — всех, от маленьких детей до стариков, — и разогнали по вагонам. Они стали просить охранника отдать им ребенка, потому что без матери такому малышу трудно было бы выжить. Но охранник не разрешал, и тогда дядя отца, Дарбаков Александр Савельевич, которому было 14–15 лет, предложил себя в обмен на ребенка. Он и поехал вместо моего отца. К счастью, он выжил, и до сих пор отец питает особое чувство к своему дяде.

Я долго не решалась спросить своих бабушек о выселении, не хотела беречь старые раны, ведь это очень тяжелые воспоминания. Они уже немолодые люди, и для них эти разговоры не проходят бесследно. У бабушки, матери отца, в Сибири умер маленький сын. И эта боль — через столько лет — не забылась.

Я расскажу о судьбе моей бабушки по маме — Менкеновой Марии Санчировны.

Выселяли из Кетченер. Бабушка работала в больнице главврачом. В Сталинградском мединституте она училась с Тамарой Хахлыновой¹.

¹ Т. Хахлынова — партизанка, герой Великой Отечественной войны.

В 1942 г. вернулся с войны муж, Солдусов Гаря Боргукович, — из-за ранения не действовала левая рука. Он воевал на Украине, в Крыму, девять дней по горло в воде вместе с другими солдатами сидел в Сиваше, награжден медалью «За отвагу». 28 декабря 1943 г. бабушке исполнилось 23 года. «В день рождения и выселили», — горько улыбается она. С мужем и пятимесячной дочкой — ценой каких усилий она выжила! — приехала молодая, даже не молодая, а юная Маша (23 года — это не возраст) в небольшое село в Алтайском крае. Поселили их к четверым детям, отец которых был на фронте, а мать умерла, так что, кроме себя, кормили они четверых чужих детей. По приезде бабушка стала заведующей медпунктом. За день принимала 40–45 человек. В это время узнали, что бабушкины родители попали в Рубцовск. Целый год ушел, пока добились разрешения на переезд туда. Когда, наконец, переехали в Рубцовск, родителей, оказалось, отправили в соседнее село. В Рубцовске и обосновалась бабушка со всей семьей. Благодаря медицинскому образованию проблем с работой не было. Стала работать участковым врачом. Целыми днями ходила по вызовам. А дома ждали ее трое детей: Зина, Валя и Алла, которые сами учили уроки, занимались хозяйством, варили. Жили они на квартире. Отношение к ним со стороны коренных жителей было нормальным. Никто не оскорблял, не унижал. Сказалась, наверное, тут и профессия — врач. Врачей всегда уважают — они сохраняют людям жизнь. Да и не всегда нас окружают плохие люди. На мой вопрос: «Как вы там жили», вопреки сложившемуся мнению бабушка ответила: «Хорошо». Благодаря хорошим людям, которые были вокруг, жизнь не казалась тяжелой. И моя мама говорит, что они провели обычное для всех детей того времени детство. Учились, играли, лазили в чужие огороды за пасленом. Были такими же, как и все остальные дети, не были лишены маленьких детских радостей.

В 1957 г. вернулись в родные Кетченеры, потом переехали в Элисту. Жизнь стала понемногу налаживаться. Выросли дети, появились внуки, правнуки, но за будничными заботами не забылись те тринадцать лет, проведенные вдали от Родины, и не забудутся никогда...

Геноцид народа — это акт, незаконность которого не подлежит сомнению. Кроме того, за ним всегда стоит трагедия народа: уменьшается численность и без того малых народностей, теряется культура, накопленная веками, и национальный язык. Это страшно. И я считаю, что мы, люди, живущие сейчас, не должны допустить повторения этой трагедии.

1993

Юлия Копылова

Живет в нашем доме пожилая женщина. Одинокая и беспомощная. Часто я ее вижу на скамейке у моего подъезда. Не видно улыбки на лице старой калмычки. Неулыбчивым ее лицо сделала величайшая несправедливость в жизни калмыцкого народа — его депортация.

Как-то я разговаривала с ней. Разговор пошел о сегодняшней жизни, но быстро перешел на другую тему — выселение калмыков. Я заговорила об ее семье, и лицо старушки заблестело от слез, и она поведала историю своей тяжелой жизни.

Родилась она, Булгун Очировна Санджикова, в 1933 г. Семья ее не была зажиточной, но и не бедствовала. Отец до войны работал на конезаводе, мать была дояркой. Кроме Булгун в семье было еще трое детей, самому старшему, брату, было 12 лет, когда началась война. Булгун Очировна вспоминает, как рвался защищать Родину этот мальчишка, несмотря на юные годы.

Отца забрали сразу на фронт. Осталась мать с четырьмя детьми одна. В войну жили тяжело, но все равно старались помочь другим, оказавшимся в еще худшем положении. Ждали победы, как все.

Но вот 28 декабря 1943 г. случилось то, о чем никто в их селе не мог даже и предположить: прибыли солдаты и приказали идти с ними. Куда? Зачем? Конечно, никто и не думал, что придется уезжать надолго: ни зимней одежды, ни продуктов на долгое время не взяли. Булгун Очировна рассказывала о бесцеремонном поведении солдат, которые ходили из дома в дом и воровали все, что могли, кричали на хозяев.

Посадили их всех, кроме старшего брата, который уехал в другое село по каким-то делам, в товарный вагон... Помнит еще, что мать плакала и что-то кричала вслед солдатам. Может быть, чувствовала, что это выселение затянется на долгие годы, может, не зная о судьбе сына, просила найти и вернуть его. Она не помнит, о чем кричала мать. Запомнила лишь, что ей было очень жаль маму и она пыталась ее успокоить. Дорога была очень тяжелой. Трупы, много трупов — вот что она запомнила. Их выбрасывали прямо из поезда по дороге. В дороге умер и младший братик Булгун — Бата, ему не исполнилось и двух лет. Но на этом страдания семьи не закончились.

Поселили их и еще несколько семей в селе Ивановка Красноярского края. Сначала даже не нашлось и маленького домишка — жили в ремонтной мастерской. Правда, через два месяца им нашли захудалый домик на краю села. Мать устроилась дояркой в колхозе, за работу получала скудный паек: 300 граммов хлеба и 3–4 картофелины. Почти весь паек мать отдавала детям, сама сильно исхудала и заболела. Через год ее не стало. Осталось их двое: братишка и она. Брату повезло — его забрали в детский дом

не без помощи председателя колхоза, который оказался понимающим человеком. А Булгун взяла к себе одна старая русская женщина. Детей у нее не было, и она стала заботиться о ней, как о родной.

В семнадцать лет Булгун полюбила парня, который был на несколько лет старше ее. Он работал на лесоповале. Они мечтали пожениться, но судьба распорядилась по-другому. Этот день в декабре стал для Булгун самым ненавистным днем в году. На парня рухнуло дерево, и он сразу же, не приходя в сознание, скончался. Булгун Очировна через всю жизнь пронесла эту любовь. Не смогла она больше никого полюбить.

Время шло, но не было никаких вестей ни от отца, ни о старшем, ни о младшем брате. Она рассказала мне, что много калмыков умерло в те годы: все время болели от непосильного труда, от голода, от тоски по Родине. Ее хозяйка — русская женщина, которая стала для нее матерью, умерла через несколько лет от тифа. Чудом осталась жить Булгун, но жизнь после смерти любимого человека утратила для нее все свои краски, ей все стало безразлично.

В год, когда им разрешили вернуться на Родину, она не раздумывая вернулась, надеясь, что встреча с родными поможет ей забыть всю горечь утраты. Время идет, но она не может их забыть, до сих пор она ничего не знает о старшем и младшем братьях. Ей только известно, что отец погиб в 44-м. Множество писем пишет она в различные инстанции, чтобы узнать о судьбе братьев, но пока безрезультатно. Живет она, ни на что не надеясь, и все это из-за этой трагедии в 1943 г., когда вся жизнь ее и ее родных была исковеркана.

Слушая эту старую женщину, я думала, что такое никогда не должно повториться. Мы, молодое поколение, зная из истории все ужасы геноцида, не должны допустить фашизм. Пусть будет проклята эта война!

1993

Соня Манджиева

В своем беге стремительном,
Коль увидишь калмыка на бегу,
Не спеши, поговори с ним,
Подскажи, куда путь держать.
Если спросит, где калмыки,
Скажи, что ушли за Алтай.
Если будет допытываться,
Скажи, что они в Сибири.
Здесь в дали дальней
С любовью воспою тебя.
Настанет время другое,
И я окажусь у тебя....

Этот отрывок взят из большого стихотворения «Иджл»¹, которое было написано 15 сентября 1944 г. на теплоходе «Тарас Шевченко» моим дедушкой Лиджи-Горяевым Бадмой Манджиевичем. Эти и другие стихи и песни мне довелось услышать несколько лет назад. Тогда я еще не понимала их значения, а только видела грустные глаза своей бабушки. Эта беда вторглась в дом каждого калмыка. И также не обошла стороной и моих родственников.

Во время войны мой дедушка Бадма работал на Каспии комиссаром Калмыцкой базы флота. Но недолго ему довелось там работать. Его, как всех калмыков, выселили с семьей в Сибирь. Сейчас у меня в памяти всплывают слова моей бабушки Сони (его жены): «На сборы нам дали пятнадцать минут. Мы даже не понимали, что случилось. Спасибо, что солдаты сказали нам взять теплые вещи, а то мы, как и многие, погибли бы в пути. Быстро в матрацы покидали что было под рукой, и нас повезли на сбор».

Так они оказались в Хакасии, где царили и холод, и голод. Вот что пишет мой дед в своих дневниках: «Выбора не было, чтобы сохранить семью и выжить, надо было идти работать. Не мешкая, устраиваюсь откатчиком шахты “Золотогорская” треста “Хакасзолото”, где снабжение по тому времени было более-менее сносное. Работы я не чурался, мне не привыкать, сыну бедного промыслового рабочего, рано познавшему, что такое подневольный труд».

Через три месяца, в апреле 1945 г., дедушку назначили замом управляющего Таймыргосрыбтреста. Через полгода его перевели в Колпалиево на ту же должность для укрепления Томского госрыбтреста. Благодаря случаю ему довелось встретиться с друзьями, которые жили и в Казахстане, и в Узбекистане. В сентябре 1946 г. он добился переезда в город Аральск. Здесь он стал сначала замом директора, затем директором МТС², начальником Аралрыбснаба, замом управляющего Аралгосрыбтреста...

Там же в Кызыл-Орде, недалеко от Аральского моря, и родилась моя мама. Семья была большая. Но судьба так распорядилась, что в ней осталось только шестеро детей. Мне очень жаль, что я не могу сейчас узнать больше из жизни моего деда. После себя он оставил много записей, стихов, песен, которыми дорожит наша семья.

Другому же моему деду пришлось узнать о выселении намного позже, чем остальным. Из госпиталя его выписали 15 августа 1944 г. и из Вологодской области Кадуйского района отправили домой. Сначала он оказался в Москве, потом поехал в Сталинград, где продал свои продукты, купил гражданскую одежду и, довольный, решил ехать на Родину. Но не тут-то было. Случайно дедушка встретил первого калмыка (тоже возвращался

¹ Волга (калм.)

² МТС — машинно-тракторная станция

домой), который и сообщил ему эту страшную новость. Тогда молодой, холостой солдат решил вновь пойти на фронт, но ему ответили, что калмыки им больше не нужны и что ему следует ехать в Сибирь. Переночевав на вокзале, он пешком отправился в свое родное село Малые Дербеты. Там он встретил своих старых друзей (русских), погостил у них и вновь, пешком, пошел обратно в Волгоград.

А его русские друзья из Малых Дербет сказали ему: «Когда калмыки были, всем жилось хорошо. Мясо было. А сейчас — ничего. Из-за тысячи человек весь народ погубили». Прodelав такой путь, 1 сентября 1944 г. мой дед наконец-то приехал в Новосибирск. А родня его вся жила в колхозе «1 Мая». Вновь пришлось ему идти пешком. Вот было радости и удивления, когда сестра увидела своего брата, которого все считали погибшим! Все годы, до 7 мая 1957 г., когда он выехал на родную землю, Манджиев Александр Музраевич работал бухгалтером. Когда разговаривала с дедом, я очень удивлялась, как это он, такой старый, а без всякой запинки называет все даты, помнит все мелочи? Да, наш народ выселили, морили голодом и холодом, держали в тюрьмах и лагерях, многих расстреляли, но не смогли уничтожить память людей и их веру, которая будет жить вечно. И закончить свое сочинение мне хотелось бы стихами своего деда:

Трудно сказать, когда и где
Начнут нас собирать.
Но в том, что соберут,
Я лично не сомневаюсь...
Не страшусь дальних далей,
Печалюсь лишь по родным местам.
Не боюсь, не сгину нигде,
Печалюсь лишь, что Родиной обижен.

Перевод Т. Бембеева

1993

Гриша Мурмылюк

Превратившись в отлаженную систему, творимое в стране беззаконие привело к тягчайшему обвинению не только людей, групп людей, но и народов в измене Родине. С карты Советского Союза стали исчезать отдельные национальные образования. Так, 27 декабря 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была упразднена Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика, и калмыки в одночасье были вывезены конвойными частями НКВД СССР в разные места. Калмыков предполагалось распределить в Алтайском и Красноярском краях и Новосибирской и Омской областях. Но не все смогли выжить по пути в Си-

бирь. Из сообщения сотрудника НКВД Петровского: «На начало февраля 1944 г. были приняты и расселены в области 16379 калмыков. Все прибывшие эшелоны находились в антисанитарном состоянии, было выявлено 224 больных. По пути следования умерли 193 человека. На местах расселения умерли 39 человек». Житель станции Неилькуль Омской области о прибытии в начале 1944 г. очередного эшелона с калмыками писал: «И вот открылись двери вагона: там стояли люди, притоптывая ногами от холода. Один из солдат влез в вагон и стал выталкивать людей. Высаженных завели в помещение вокзала, но я видел, что на полу вагона остались лежать мертвые». Из всех переселяемых калмыков умерли 14343 человека. Из них 61,5 процента умерли от туберкулеза и легочно-простудных заболеваний. Рождаемость среди калмыков была чрезвычайно низкой. Так, в Новосибирской области детей родилось в девять раз меньше, чем умерло.

Первое время спецпоселенцы бедствовали, голодали, в основном из-за неимения работы, но, хотя и с большими трудностями, все-таки решались проблемы трудоустройства как взрослого калмыцкого населения, так и детей. Значительная часть спецпоселенцев-калмыков была занята в колхозах, в том числе рыболовецких, а также в совхозах и на лесозаготовках. Помогало местное население.

Народ Калмыкии понес утрату, которую ничем не восполнить, но лишь недавно были обнародованы документы, долгие годы хранившиеся под грифом «совершенно секретно», и наконец-то 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял указ «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

1993

Баира Наранкаева

«В декабре 1943 г. мою маму, Наранкаеву Марию Тимофеевну, и отца, Наранкаева Улана Босхомджиевича, выслали в Сибирь» — так начала свой рассказ моя тетя, Наранкаева Вера Улановна. Думаю, что почти так же начинают все дедушки и бабушки свой рассказ о событии декабря 1943 г., событии, которое перевернуло все в жизни моего народа, каждой семьи. Многие семьи были вынуждены в считанные минуты собраться и уехать из Родины неведомо куда и на сколько времени. Большинство переселенцев считали это какой-то ошибкой. Но, увы, эта ошибка продлилась тринадцать лет, для некоторых — больше. Высланы были не только калмыки, но и латыши, немцы, эстонцы и другие нации. По дороге в Сибирь почти каждая семья потеряла брата, сына, сестру и даже мать, отца.

А ведь это самое страшное — потеря родных. Когда кругом все незнакомое и нет родных, близких, то человек может потерять опору и веру.

«Мою маму, — рассказывает дальше моя тетя, — Наранкаеву Марию Тимофеевну, 1921 года рождения, уроженку Астраханской области, Харабалинского района, села Заволжье, и брата Толика, 1940 года рождения, бабушку и дедушку выслали на север, в Красноярский край, Туруханский район, село Туруханск. По дороге умер от голода брат Толик.

Папа же, Наранкаев Улан Босхомджиевич, воевал на фронте. После окончания Великой Отечественной войны он приехал в Астраханскую область, где раньше жил с семьей. Но так как семьи нашей там не оказалось, поехал на поиски в Сибирь. В 1946 г. он нашел их в Туруханске. Вскоре, спустя год, от воспаления легких умер мой двухмесячный брат. Вообще, по словам мамы, смерть детей была явлением частым, так как не было еды; у кормящих матерей не хватало молока, а дети с искусственным вскармливанием были слабы и очень быстро заболели.

Мама работала немного весовщицей зерна, папа — бухгалтером. Жить было трудно. Родители часто вспоминали Родину, но надо было держаться, не падать духом, чтобы преодолеть все жизненные трудности. Тяжело и морально, и физически. Зимой было очень холодно: температура достигала минус пятидесяти, мели метели, полярная ночь длилась около трех месяцев. Лето же было короткое, всего полтора месяца. Особенно трудно было весной: таял снег, отходил лед, вода затопливала все село; нас всех: детей, женщин, стариков — вывозили на вертолете в другое село.

Вообще наше село было небольшим. Калмыцких семей насчитывалось всего четыре. Кроме нас в селе жили немцы, греки, эстонцы, латыши, русские. Жили, насколько я помню, все дружно. Я никогда не слышала, чтоб наши семьи враждовали, ругались с другими семьями. Не слышала также в наш адрес оскорблений типа “враги народа”, “предатели”. Жили в основном за счет даров природы: дичи, ягод, трав и так далее. В тайге водились волки, медведи и россомахи, которых все боялись. Были даже случаи, когда россомахи приходили в наше село.

Так прошло тринадцать лет с момента выселения. Люди работали и ждали с нетерпением возвращения на Родину. Многие возвратились в 1956–1957 гг. Мы вернулись в мае 1958 г. Вода, как обычно, затопила все дома, виднелись только крыши, на верхушке своего дома нам пришлось ждать прихода самохода. Когда я смотрела на затопленные дома, у меня почему-то появилось ощущение, что мой народ никогда сюда больше не вернется. Не дай Бог испытать все это нашим детям, внукам, правнукам. Помню: до Красноярска ехали на пароходе, и, хотя мне было всего десять лет, я запомнила название парохода — “Антон Рубинштейн”. Я думаю, вернее, уверена в том, что нельзя по поступку нескольких людей наложить клеймо на других, тем более на нацию — это бесчеловечно. Выселе-

ние моих дедов и родителей было невероятной ошибкой, ужасным деянием» — так закончила свой рассказ моя тетя, Наранкаева Вера Улановна. Я присоединяюсь к ее словам. Ведь действительно, наш народ был брошен на произвол судьбы, совсем не приспособленный к сибирской жизни. Мы гордимся своим народом, тем, что он все-таки выжил, несмотря на все невзгоды и несчастья. Знаете, я долго думала, как бы вам объяснить, доказать, насколько я люблю свою Родину, свой калмыцкий народ, но все же не смогла выразить словами. История моего немногочисленного народа еще полностью не изучена, но то, что явилось открытием для меня, уверена, помогло мне лучше узнать ее, глубже понять еще не совсем изученные вехи истории народа, сложные перипетии его судьбы.

1993

Семен Немгиров

Это сочинение пишу со слов своей бабушки Манджиевой Галины Шургучиевны.

«Мы жили в Астраханской области, в селе Бантир Лиманского района¹. В моей семье было шесть человек. Мои родители, я, мой муж, сын и дочь.

В декабре 1943 г. рано утром к нам в село пришли солдаты с оружием в руках. Они ходили по домам, заставляли всех собираться и выгоняли из домов. Некоторые не успели даже взять самое необходимое. Часть вещей солдаты отбирали.

Потом, когда всех собрали, то погрузили в большой грузовик и привезли в Астрахань на железнодорожный вокзал, а там уже было очень много калмыков. Везде ходили солдаты. Начали всех грузить в вагоны, предназначенные для перевозки скота. В вагонах было холодно, печки-буржуйки, которые стояли в вагонах, почти не давали тепла. Вагоны были битком набиты людьми. Больше всего страдали старики и маленькие дети. В дороге многие умирали от голода и болезней.

Через несколько дней² нас привезли. Очень много калмыков не доехало. И прибыли мы в село Канда Ханты-Мансийского округа. Поселили нас в какие-то бараки. Никуда нам уходить не разрешали, да и местность мы не знали. Чтобы куда-нибудь уйти, надо было спрашивать разрешение у коменданта. Питались мы мерзлой картошкой, ловили рыбу. Хлеб давали по карточкам за работу, но очень мало. Там умерли мои родители, и умерли

¹ Лиманский район — один из двух невозвращенных районов, оставшихся в пределах Астраханской области.

² Путь в среднем длился 2–3 недели.

сестра и брат, оставив на нас двоих детей. Теперь на наших плечах, вместе с нашими детьми, были еще и мои племянники, всего пять детей.

В 1948 г. нас отправили на Сахалин. Там мы работали сначала в лесу на заготовке леса, с утра до ночи рубили лес. Потом работали в копилке, коптили рыбу. В конце ссылки устроились на рыбный завод. Работали много, женщины работали наравне с мужчинами. Местные жители относились к нам с пониманием, помогали в трудные минуты. Дети учились в местной школе. У нас был свой дом, домашний скот. Так на Сахалине прожили больше десяти лет. В 1960 г. вернулись на Родину и поселились в Элисте».

1993

Бамба Номинханова

Долгие годы тема депортации была закрытой, было запрещено даже вспоминать о тех страшных днях 1943 г. Калмыки пережили тяжелое горе, оно было всеобщим, но у каждого оно выражалось по-разному. В те минуты все зависело от случая и людей, с которыми им пришлось столкнуться в своих домах рано утром 28 декабря.

Этот день не просто черная дата для калмыцкого народа, но и глубокая рана на его сердце. Из поколения в поколение, из уст в уста передавались воспоминания наших бабушек и дедушек, которые тогда были еще детьми, но запомнили это на всю жизнь. И никогда не узнать бы нам правды, если бы не они...

Мне посчастливилось беседовать со многими пожилыми людьми, которые поделились со мной своими горькими воспоминаниями. Горе усугубляла жестокость. Солдаты-конвоиры, исполнявшие приказ, могли следовать дословно приказу, могли проявить особое рвение, а могли даже в такой жестокой ситуации остаться людьми, хотя и над ними существовал контроль в лице вышестоящих командиров. Согласно приказу о выселении, каждый калмык мог взять до 200 кг багажа. Но кто об этом знал? Как правило, на сборы обычно давалось не более получаса. Но и в эти считанные минуты не каждый мог взять самое необходимое или просто-напросто сосредоточиться.

Со слезами на глазах рассказывала бабушка в одной из передач калмыцкого телевидения, посвященных калмыкам, сосланным на Таймыр. Она вспоминает о том, что толком даже ничего не поняла, когда в дом вошли два солдата и приказали быстро собираться. Отведенное ей на сборы время она проплакала, едва собрав двух детей, одному из которых было 2 годика, а другому 2 месяца. И в этой суматохе она взяла с собой только несколько пеленок и практически ничего из еды. Было больно смотреть на

нее, когда она вспоминала, как умирал ее двухмесячный ребенок. Он замерз. Но мать держала его на руках, прижав к сердцу, еще целую станцию. На ее глазах замерзали слезы.

Мой ава тоже помнит, как в вагоне молодая мать все качала умирающего ребенка и приговаривала: «*Муурчана, муурчана...*»¹, а через несколько станций конвоир сунул маленькое безжизненное тело в сугроб, и поезд двинулся дальше.

Еще один случай мне рассказала подруга моей бабушки. В то время ее отец был в командировке в Кетченеровском улусе, а его жена с детьми находилась дома. И день 28 декабря застал их именно в такой ситуации, когда они находились далеко друг от друга. Этой женщине дали всего несколько минут, чтобы собрать все необходимое, а у нее было шестеро детей. Заботясь о муже, она стала складывать в чемодан его вещи, которые выглядели прилично и привлекли внимание любопытных и жестоких солдат. В связи с чем конвоиры стали запрещать ей брать именно этот чемодан. Какая-то случайность позволила ей послушаться их, и в суматохе все вещи были взяты с собой. Семью отвезли на госконюшню — это было второе место сбора выселяемых калмыков в городе Элисте (хотя обычно упоминается только кинотеатр «Родина»). И уже среди толпы людей, на большой госконюшне, располагавшейся в районе старых цехов завода «Звезда», около нынешней православной церкви, офицер, особо заинтересовавшийся гардеробом ее мужа, все-таки выследил многодетную мать и конфисковал чемодан.

Для некоторых людей утро 28 декабря было последним. Одна бабушка возмутилась мародерством молодого офицера, на ее глазах присвоившего золотые часы, которые раньше принадлежали ее мужу. Застреливший ее офицер объявил родственникам, что сделал это при попытке оказать сопротивление. Так простая случайность лишила жизни бедную старушку.

Но все-таки были и такие солдаты, которые не утратили человеческих чувств, и в глазах калмыков они остались людьми. Именно об одном из них вспоминает уже пожилая тетя Оля, которую вместе с матерью и ее маленькими сестрами выселяли из поселка Ушаковка. Они встретились не просто с солдатом, который выполнял приказ, а с человеком. Он честно сказал им об их будущем и дал совет запастись продуктами и теплой одеждой. Мать тети Оли поразилась тому, что даже семьи фронтовиков подлежат высылке. Тот факт, что муж женщины сражается на фронте с врагом, пробудил в солдате истинно человеческую сущность. И он, засучив рукава, зарезал им их единственного барана, разделал тушу и помог засолить мясо. Гуманный поступок мог быть наказуем. К счастью, его начальству было не до каждого конвоира. Но у тети Оли до сих пор стоит

¹ Слабее, слабеет (калм.).

перед глазами молодой белокурый парнишка, который подвергал себя риску во имя своего брата-фронтовика. И сейчас, вспоминая молодого солдата, тетя Оля с теплотой в голосе говорит о нем.

А как относились к калмыкам соседи, которые не подлежали высылке? Тоже по-разному. Мой ава вспоминает, что как только их вывели на улицу, соседи прямо на глазах стали выносить из их дома вещи: большой старый сундук, швейную машинку, стол, стулья и многое другое. Не в вещах дело, потрясает то, что вместо того, чтобы увидеть сочувствие в глазах соседей, они встретили в них злобу и жадность. Но были и такие, которые очень переживали: как народ, привыкший к теплему климату, сможет жить в Сибири.

Мне рассказывали про бабушку, едва знавшую русский язык. Вернувшись на родину, она взяла своих внуков и повела их к своим бывшим соседям. Когда они вошли в дом, то она, указывая на вещи, говорила: «Эт мой, эт мой». Да, память ее не подвела. Соседи не могли что-либо возразить, потому что это действительно были ее вещи. Доходило даже до того, что калмыки, приезжая домой, видели спинки от кроватей, на которых когда-то они спали, теперь воткнутыми в землю вместо забора. И смешно, и грустно...

Самые трудные годы, которые выпали на долю калмыцкого народа, — это первые годы, проведенные в Сибири.

Мне хотелось бы записать воспоминания моего дедушки, которому было тогда 13 лет. После долгой дороги их привезли в колхоз имени 13 борцов. На станции его родителей с тремя маленькими детьми пожалела русская женщина, которая прямо на станции сняла с себя тулуп и укутала детей. Так потихоньку они добрались до клуба, куда поселили целый вагон. Здесь они прожили больше месяца. Есть было нечего, они очень страдали от голода. Два брата вынуждены были воровать бензин со стеклозавода, который они потом меняли на картошку. Так и выкручивались первое время. Но на одном керосине не проживешь. Мой дед работал пастухом.

Прошел год. Вроде бы все входило в нормальную колею, но тут пропал теленок, и аву лишили зарплаты на год. Осталась единственная надежда — золотые карманные часы, которые раньше принадлежали деду моему авы. Дорджи Бакаев — глава семьи послал Намру, одного из сыновей, на базар продать часы и взамен привезти продукты. Но и тут не повезло. Намру обокрали. Для семьи наступили самые черные времена, и как они выжили, трудно понять.

Наступил 1945 г. С фронта после тяжелого ранения вернулся их старший брат — Бембет Бакаев. С одной стороны горестно, что он получил такое ранение, но с другой — это его спасло, иначе бы его отправили в Широклаг — концентрационный лагерь для калмыков-фронтовиков. Так

как Бембет оказался единственным грамотным человеком в селе, то его назначили учителем в школу села Ильинка. И Бакаевы переехали к нему.

Школа размещалась в маленькой комнатухе, в которой стояло два ряда парт и несколько стульев. Бембету приходилось трудно. Зарплаты не хватало, чтобы прокормить большую семью. Но он был веселым молодым парнем, который никогда не унывал и не терял надежды. Впрочем, он и сейчас такой, несмотря на его годы...

Как молодого преподавателя его пригласили на районный совет учителей, который проходил в соседнем селе. Там учителям выдали по талону, на который они могли купить какую-либо вещь. У Бембета не было ботинок и ему хотелось их купить, но вдруг он увидел мандолину и неожиданно для всех купил ее. После уроков в маленькой школе Бембет стал устраивать танцы для молодежи, которая собиралась на звуки его мандолины, и таким образом он смог заработать на пропитание. Дело в том, что молодежь не имела денег и каждый приносил с собой что-либо из еды вместо входного билета. Так натуроплата прокормила целую семью.

1 января 1946 г. умер отец деда Дорджи Бакаев. В Казахстане жила его сестра Бамба Бакаева, она и ее муж были хорошими врачами. Только благодаря им семье Бакаевых удалось выбраться в Казахстан. Им повезло, что они успели до 1948 г., когда вышел указ, ужесточающий проживание спецпереселенцев, а также запрещающий всякие переезды.

У Дорджи Бакаева был еще один сын, которого звали Сумьяном. Он женился в Сибири на калмычке Эльзе и не смог переехать в Казахстан. У них родилось четверо детей. Ему приходилось много работать, и он надорвал свое здоровье. Когда в 1957 г. после отмены режима спецпереселения он соединился со своей родней, то он находился в тяжелом состоянии. У него был рак. Мой ава вспоминал: «Сумьян стал совсем худым и серым. Он умирал мучительной смертью, а мы стояли рядом и ничем не могли помочь».

Нужно сказать, что условия поселения калмыков были разными. В Казахстане им стало жить намного легче, было много фруктов и овощей, теплый климат и особенно согревало доброе отношение казахов. А в Сибири калмыки были расселены небольшими группами по необъятным просторам. В 1946 г. калмыков стали вербовать на Диксон. Они там стали работать по прежней специальности рыбаками. Многие, вылавливая ценные и редкие породы рыб, перевыполняли план и получали премии. Премия шла в виде продуктов, не выданных доселе: тушенки, сгущенки, топленого масла. Тем же, кто не справлялся с планом, приходилось туго. Некоторые погибли.

Многие калмыки соглашались, что труднее пришлось тем, кто попал в Красноярский край и Омскую область. Им пришлось столкнуться с непривычной работой. Они, степняки, работали на лесоповале.

Положение калмыков улучшилось после смерти Сталина. А после XX съезда они могли вернуться на Родину. Это было счастье — вернуться в родные места. Мои предки поселились в Элисте. Но многие пожилые люди вспоминают родные пепелища. В 1991 г. мой ава ездил в Астрахань. Он нашел дом, в котором прошло его детство и откуда они были насильно выселены. Новый хозяин дома испугался, что он хочет отобрать его дом, но когда узнал, что человек приехал отдать дань памяти своим предкам, то пригласил его в дом. «Сердце замирало при виде родных стен, к глазам подступали слезы...» — вспоминал дед. Следуя старому калмыцкому обычаю, ава бросил во двор две белые монеты как жертвоприношение духам предков. Такой обряд, я знаю, совершали возвратившиеся калмыки, бросая монеты в Волгу. Мне рассказывали, что в начале войны жителями тех мест, в том числе калмыками, был построен мост через Волгу. Когда поезд с депортированными калмыками отправлялся в Сибирь, то они первыми проехали по тому мосту и власти еще раз удостоверились, что он прочен и через него можно перевозить грузы.

Да, много трудностей пережил наш народ, но остался верным старым традициям гостеприимства, добра. Для любого человека найдется пиала с горячим калмыцким чаем.

1993

Баира Нюденова

Сибирь... Это слово для каждого калмыка звучит по-особому. С ним ассоциируются холод теплушек, увозящих из Калмыкии в неизвестность, голод и страх, страдания и унижения, потеря близких, страх за своих родных.

Пятнадцатилетним мальчиком уезжал в ссылку в Сибирь мой дедушка. В ночь, когда выселяли калмыков из поселка Цорос Городовиковского района, мой дедушка был в гостях у своей тети в Башанте. И ничего не зная о судьбе матери и братьев, испуганный мальчишка под дулами ружей был загнан в вагон и отправлен в далекую Сибирь, вместе со своим многострадальным народом.

Судьба разделила моего дедушку и его семью. Но он не смирился. Он жил вместе с остальными калмыками, привезенными в Омскую область, в Щербакульский район. Они, сами ничего не имея, помогали одинокому мальчику. И именно кто-то из них и посоветовал мальчику написать отцу на фронт. Дедушка часто говорит о том, что ему повезло, так как его отцу написала также и его мать. Так, с помощью своего отца дедушка, наконец, узнал, где поселились его мать и братья. Они жили в соседнем районе этой же области. И только через год дедушка смог встретиться со своими род-

ными. И это ему стоило нечеловеческих усилий. Он прошел через унижение, насилие, постоянные оскорбления. Но дедушка часто говорит, что народ в Омской области все же был более гуманным, чем в других районах. И дедушка часто вспоминает о русских людях, которые, несмотря ни на что, помогали ссыльным.

А мои родители относятся к тому поколению, которое в наше время называют «сибиряками». Они родились в Сибири. Какая ни есть, но это была их родина. А о настоящей Родине, о Калмыкии, они знали только по рассказам родителей. Они рассказывали своим детям о тюльпанах, о больших арбузах, о раздольной степи. В те времена местное население уже более терпимо относилось к переселенцам. Многие даже не боялись дружить с калмыками, в них они видели настоящих друзей. Моей маме было только пять лет, но она прекрасно помнит, как один раз группа детского сада, проходя мимо их дома, стала дразнить ее «калмычкой». Только по этим окрикам мама узнала, кто она по национальности.

И поэтому, когда у моих родных появилась возможность возвратиться назад на Родину, никто не задумывался. У людей была одна мечта: «Быстрее назад, в родные степи!»

1993

Таня Перфильева

Мою бабушку зовут Дорджиева Булгун Алукаевна. Родилась она в 1931 г. До войны их семья жила хорошо, было свое хозяйство. В семье было семь человек. Отец, Артемов Алука Чонаевич, работал тогда зоотехником в колхозе «Красноармеец» Малодербетовского района. Мать, Галина Санджиевна, работала в колхозном детском садике. Дядя преподавал в местной школе. Булгун была самой старшей из сестер, ходила в школу, а Дуся и Галя оставались дома с бабушкой Мацк Кекевной.

В 1941 г. началась война. На фронт ушел отец, а затем и дядя. Прекратились занятия в школе. Булгун было двенадцать лет, она училась в четвертом классе, а младшие сестры так и не пошли в школу. В 1942 г. немцы захватили село Тундутово и село Плодовитое. И местное население эвакуировали к Волге. Вскоре вернулся отец, его отослали из-за плохого зрения.

В 1943 г. 28 декабря в шесть часов утра в дом ворвались солдаты с автоматами, выстроили всю семью в ряд у двери и заставили поднять руки. Они обыскали весь дом, а затем сказали, что всех высылают в Сибирь. Вещи не брали, в чем были, в том и уехали. На одну грузовую машину сажали по двадцать четыре человека. Довезли до станции Абганерово, а там стали сажать в телячьи вагоны с двухъярусными нарами, сделанными

из досок. В дороге было холодно, топить было нечем, на станциях выдавали мелкий уголь, но калмыки не могли топить углем, поэтому они отдирали доски от нар и ими топили. Им выдавали похлебку и хлеб. Но этого не хватало, люди умирали от голода и холода. Каждое утро приходили солдаты с оружием и собаками, стучали в двери и спрашивали: «Мертвые есть?» В вагоне умерла тетя, остались ее трое детей, впоследствии их отдадут в детдом. Ее за ногу вытащили из вагона и вместе с другими замерзшими трупами людей уложили штабелями возле железной дороги. Они ехали восемнадцать суток до Сибири. К счастью, дорогой никто из семьи не умер. На восемнадцатые сутки их вагон отцепили на станции Зональной Алтайского края. Со станции их повезли в леспромхоз. Детей и стариков сажали на подводы, а все остальные, в основном женщины и подростки, бежали следом. Их привезли в барак. Это длинный дом с нарами, как в телячьих вагонах, раньше там жили ссыльные кулаки и тюремщики. В бараке топились две печки с котлами для воды. У каждой семьи были свои нары. Их, шестерых, тоже уместили на нары. Отец сломал ногу, его ударила лошадь, так он пролежал всю зиму. А когда нога зажила, он стал работать на лесопилке, и там снова бревнами ему раздробило колено, его отвезли в город Бийск, там ему ампутировали ногу. В бараках было много клопов и вшей. Люди умирали от дизентерии и тифа.

Все женщины работали на лесоповале за пятьсот граммов хлеба. На работу собирали силой. Нужно было вставать засветло и идти несколько километров до места. В 1945 г. умерла мать от голода, холода и тяжелой работы. Еще через год, в 1946 г., умерла бабушка. В 1947 г. отца посадили в тюрьму на семь лет вместо двоюродного брата матери — подростка. С этого времени Булгун, чтобы прокормить семью, зимой и весной побиралась по другим деревням, осенью собирали остатки свеклы, картофеля и зерна, летом собирали ягоды. Так и жили. С шестнадцати лет пошла на работу за четыреста граммов хлеба, пилить дрова для машин-лесовозов. Эти машины топили дровами, так как все горючее уходило на фронт.

В 1950 г. всех калмыков и советских немцев, которые жили с ними, переселили в Горный Алтай к Телецкому озеру. Там тоже жили в бараках. Кругом была тайга, поблизости не было селений. Приходилось таскать на себе продукты из дальних районов, где жили алтайцы.

В 1955 г. из тюрьмы вернулся отец, так как после смерти Сталина заключенных амнистировали. В 1956 г. калмыкам было разрешено вернуться на родину. В 1957 г. они вернулись в Калмыкию. А дядя, который ушел на фронт сапером, пропал без вести.

Я считаю, что судьба калмыцкого народа была одной из самых трагических, и это доказывает власть и силу Сталина в то время, его жестокость к малым народам. Наш народ утерял в ссылке почти все свои обычаи и традиции, и нам, новому поколению, достались лишь отголоски. И поэто-

му на нас возлагаются большие надежды, мы должны возродить национальную культуру своего народа.

1993

Эдуард Санджиев

«...Ехали мы долго, голод и холод преследовали людей. Закоченевшие трупы отдирали от металлического пола вагона прикладами ружей. Иногда приходилось отрезать часть трупа и выносить его, часто без руки или ноги, — а иначе нельзя: металл примерзал к телу так, что отодрать было невозможно». Эта страшная картина «путешествия» калмыков из родных мест, описанная мне моей бабушкой, представляет то, на что долгие годы люди закрывали глаза. Страшное преступление, совершенное Сталиным и его окружением, навсегда оставило отпечаток на судьбе калмыцкого народа. Теплолюбивые степняки, совершенно не приспособленные к суровым холодам Сибири, были просто вышвырнуты из своих мест. В дороге люди умирали на глазах. Без теплой одежды, в товарном вагоне, греясь о спину другого, переносили дальнюю дорогу калмыки, незащищенные, подобно цветам, выброшенным на холодный снег... «Рядом сидел Аркашка. Он часто вздрагивал во сне и просыпался от очередного плача и причитаний женщин, оплакивающих своих детей, мужей, отцов, матерей, которые, медленно закрывая глаза, уходили из этой жизни. Я уснула на минутку от тепла материнского тела, которая сидела рядом, обнимая меня и Аркашку. Моя мать была совершенно непохожа на калмычку, в селе ее часто называли “хальмг Василиса”¹ из-за белой нежной кожи и нежных светлых волос. Таковую не часто встретишь у калмыков. И теперь здесь, в вагоне, уже не было той легкой и веселой улыбки на ее лице, а лишь строгое и тревожное предчувствие чего-то страшного, нереального». И потом это предчувствие не обманет мать моей бабушки, когда умрет от голода и холода Аркашка, когда будут отдиравать от холодного пола вагона труп ее брата, когда люди, точно мухи, будут падать со вторых полок замертво на головы сидящих внизу и когда она с ужасом увидит, что половина людей в вагоне уже и не спит, и не шевелится. Так, часто и в условиях хуже, чем в том вагоне, ехали калмыки дорогой протяженностью в 13 лет.

«...Привезли нас на какую-то станцию, было холодно, нас заставили собраться в кучу и ждать распоряжений. Мы сидели молча, озираясь, как звереныши в зоопарке. Несколько молодых парней вышли из дверей станции и, увидев нас, стали кричать на нас и кидать заледенелым снегом.

¹ Калмыцкая Василиса.

А один подбежал к корыту и достал оттуда мокрый лед. Он дал его двоим, и они стали кидать его в нашего старика, который кричал им что-то. Они долго кидали в него, но он чудом уворачивался, и тогда один из них, разозлившись, подбежал и пнул его в лицо сапогом, старик ударил его клюкой с самодельной резной ручкой. После этого на старика набросилось еще трое, к ним присоединился и наш конвоир. Били долго, пока старик не затих и не захрипел, глотая кровь». Такой была первая встреча «новоселов». Затем их погоняют, точно скот, в спецпомещение, которое с трудом можно так назвать. Ветхий, насквозь продуваемый барак до отказа набьют людьми, которые уже мало чем были похожи на людей. «...Нас набили в овощехранилище, которое перестало действовать еще до нашего приезда. Даже мышей с крысами там уже не было, да и не могло быть — уж очень холодно было там. Мне с матерью повезло, нам достался угол, где доски были замазаны дегтем, который не пропускал сырости и ветра. Нам едва хватало места, чтобы лечь. Но у других не было даже этого. Многие больные лежали на холодном полу и дожидались последнего часа. Среди нас оказался лама, он ходил среди лежащих, читал молитву, и только изредка раздавалось его “Ом мани падме хум”¹. Этот день запомнится калмыкам как день начала их каторги и непосильного труда.

На следующий день к ним придут несколько человек в военной форме и заберут работать на рудник еще стоящих на ногах мужчин. И так изо дня в день. Калмыки переживут зиму, начнется весна, осень, опять вернется зима и так 13 лет.

«...Наши мальчишки ходили на машинный двор и приносили оттуда то пружины, то винты с гайками, иногда керосин. Это все они меняли на молоко, еду, хлеб. Иногда к нам приходили местные жители из поселка и оставляли на улице старые вещи: валенки без подошв, телогрейки с прожженными местами, шапки изорванные, но еще державшиеся на голове. Потом мы начали копать землянки и потихоньку перебрались в них. С нами поселились еще одна женщина с дочерью. Ее дочь умерла уже на следующую зиму. Мы с ней дружили, ходили в тайгу, собирали там яйца тетеревов и других птиц, ягоды, ловили рыбу. Взрослые работали на рудниках».

Время шло, а жизнь продолжалась и продолжается. Умер «великий монарх», калмыки стали забывать свои невзгоды. Некоторые начали возвращаться домой, на Родину. Вернулась и семья, состоявшая из одного человека — моей бабушки.

Много горя и бед приносит нам жизнь, не всегда мы принимаем это как неизбежное. Да, хотелось бы верить, что все беды и несчастья калмыков забудутся. Разве болел калмык туберкулезом, от которого страдают многие дети сейчас? Нет, это принес воздух Сибири, оставивший глубокий

¹ Буддийская мантра.

след на судьбе калмыков. И уже не залечить тех обид и огорчений, потому что жизнь, какой бы она ни была, никому не дано отнимать.

1993

Наташа Цеденова

Сибирь... при одном этом слове на глазах стариков появляются слезы.

Сибирь... это слово в сердцах людей ассоциируется с их искалеченной судьбой, отцветшей молодостью, безотцовщиной.

Моей бабушке, Оконовой Баян Бамбаевне, было двадцать два года, когда ее с матерью и родственниками мужа посадили в вагон и отправили в Сибирь, в незнакомый, чужой сердцу край. А дома осталось все: и скотина, и хозяйство, и то добро, которое они нажили с мужем за пять лет совместной жизни. А муж, мой дед, Оконов Александр Очирович, воевал в то время на фронте и не знал, что стало со всей его семьей. Бабушка вспоминает, что дорога была трудная, за одиннадцать дней пути они столкнулись со многим: она видела смерть и голод, болезни и холод, и все это она до сих пор не любит вспоминать.

Ну вот и сама Сибирь, ставшая их домом на тринадцать лет тревог и надежд. По распределению они попали в Алтайский край, Благовещенский район, сельсовет Ягоринский, колхоз «Белгородка». Это была зима, первая зима в Сибири, унесшая сотни, тысячи жизней...

Бабушка вспоминает, что их поселили в комнате, где жили семнадцать человек. И эти семнадцать человек мало того, что жили под одной крышей, еще делили одежду, делились последней крошкой хлеба. И эта помощь переросла в дружбу, которая длилась в течение долгих лет.

Моя бабушка одна из этих семнадцати человек, она работала старшей обозщицей. Она должна была из колхоза, в котором работала, возить зерно в город. Этот труд был изматывающим, ведь трудно представить себе — каждый день в страшный тридцатиградусный мороз ходить по неизвестной земле, темной тайге, в метель и стужу, в ночь и без отдыха — это был ад. Но надо было работать, ведь необходимо было содержать семью. Бабушка говорит, что ночью, когда они останавливались на отдых, она пересыпала из колхозных мешков зерно в свой мешок, а утром продавала его на рынке. На вырученные деньги она покупала масло, сало, молоко и все необходимое для пропитания. Тем они и жили до 1945 г. Приходилось воровать, для того чтобы выжить.

В 1945 г. вернулся муж. Не зная, что случилось с семьей, он поехал в Волгоград¹, оттуда его послали в Новосибирск. Появилась дочь, купили

¹ Тогда Сталинград.

скотину. Жизнь вроде налаживалась. Но всей своей душой они рвались на Родину, и как только разрешили вернуться, они бросили все и вернулись...

Моя бабушка не любит вспоминать то время, но ведь это не вычеркнуть, не выкинуть из жизни это страшное для них слово — Сибирь.

1993

Сумьян Артаев

Я хочу рассказать, как ссылали семью моего отца. Они жили в Цаган Нуре. Семья была большая: у моего дедушки с бабушкой было девять детей. Жили они довольно зажиточно. У них был большой деревянный дом. Дедушка по тем временам считался образованным человеком, поэтому был всеми уважаем.

Случилось это в 1943 г., накануне нового 1944 г. В село рано утром приехали большие грузовые машины немецких марок и подразделение солдат с тремя офицерами. Семья моего отца спала, когда в дом ворвались трое солдат. Они сказали, что все калмыки — враги народа и подлежат ссылке. Один из солдат предупредил дедушку, что ехать придется далеко и надолго и что надо запастись теплыми вещами. Другой солдат в это время отбирал у моего отца — тогда ему было шесть лет — большой красивый компас. Отец укусил его, за что получил удар ногой. Семья сумела взять много теплых вещей, ковры, офицер разрешил дедушке взять лишний груз. Эти теплые вещи и ковры помогли им выжить в дороге.

Все население села привезли на какую-то станцию и стали погружать в вагоны-теплушки. Семья моего отца с родственниками сумела занять хороший вагон, во всяком случае он был целым, в отличие от других вагонов. После этого была долгая и изнурительная дорога. Через полтора месяца их привезли в Сибирь. Половина эшелона погибла в пути. Мертвых калмыков складывали штабелями вдоль дороги.

Семью моего дедушки поселили в Красноярском крае на станции Мир. Дедушка был образованным и сумел устроиться учетчиком на руднике. Отец с братьями работали в совхозе: пасли и ухаживали за табуном лошадей, работали на сенокосе, строили и ремонтировали бараки. Через некоторое время умерли от болезни две сестренки отца. Потом одна за другой приходили вести, что два брата деда были расстреляны, что другого брата убили в перестрелке, что еще один был убит при попытке к бегству. Так прошло тринадцать лет. Когда пришла радостная весть о том, что можно вернуться в родные степи, семья сразу же вернулась в родные края.

1994

Света Бадмаева

В то время
Гнев несправедливый дикий
Нас подавил...
И свет для нас потух,
И даже слово самое — «калмыки»
Произносить боялись люди вслух.

Д. Кугультинов

И скот ревел, и вдовы выли.
Над Волгой мчались поезда,
Людей насильно увозили
В Сибирь на долгие года!

С. Мазуркевич

Откровенно говоря, я плохо представляю всю страшную сцену выселения моего народа. Не могу понять, как мог написанный на бумаге указ так просто изменить жизнь народа, обречь на муки, страдания, унижения.

Мую семью тоже постигла такая участь, только не зимой 1943 г., а в июле 1944 г. Это был третий этап депортации калмыков, проживавших в Сталинградской области. В это время мой дедушка был на фронте, как и многие другие калмыки. Дома оставались его жена и жена старшего брата дедушки. Немного расскажу о брате деда. До войны он был председателем колхоза, его очень уважали за честность и порядочность, несмотря на то, что больше половины населения были другой национальности. Но началась война, и он ушел на фронт, где воевал и погиб командиром отряда. В день уважения к нему новый председатель очень помог нашей семье. Он предупредил семью о том, что идет массовое выселение калмыцкого народа в Сибирь и что нужно хорошенько запастись продуктами, теплыми вещами, деньгами и так далее. Жена дедушки собрала все, что было необходимо, но, к сожалению, солдаты не позволили взять даже половины собранных вещей. Жена брата дедушки была по национальности русская, но, как написано в инструкции, «женщина русской национальности, состоящая в замужестве с калмыком, подлежит выселению на общем основании», и она была тоже выселена со всеми калмыцкими семьями сперва на Урал, а потом в Алтайский край. По дороге на Урал в товарном вагоне умер брат моего отца. Ему было всего 3 годика. В Сибири семья папы жила впроголодь: собирали мерзлую картошку, ели лесные ягоды, благо в Сибири много лесов. Мой дедушка хорошо отзывался о сибиряках. Когда в нашу семью пришло горе — умерла моя бабушка, сибиряки помогли нашей семье выжить в первое время, до тех пор пока не подросла дочь бабушки. Мои родители родились далеко от Родины. Отец в Алтай-

ском крае, Зональном районе, в селе Буланиха, а мама в городе Тюмень. Сибирь забрала двух братьев и сестру моего отца.

Сколько еще семей, которые также понесли потери! Не счесть. Сколько умерло калмыков далеко от Родины! И оставшиеся в живых понимают, как ужасно быть оторванными от родной земли. Сейчас просто необходимо, чтобы вся молодежь Калмыкии знала всю горечь плода, который пришлось вкусить нашему народу. Нельзя допустить, чтобы все, что было в те годы репрессий, считалось небылицей и было забыто.

1994

Кема Батырева

Депортация калмыцкого народа — акт сталинского геноцида. Несомненно, это трагедия для всего народа. Калмыков, как сорную траву, вырвали и выбросили к черту на кулички. Я не буду говорить высокопарных слов, писать о том, что вам и многим и без меня известно и ясно: о результатах, последствиях и т. д. Я, наверное, просто выскажу свое мнение. Но может быть, мнением это нельзя назвать, поскольку мне трудно об этом судить. Вообще, для меня очень сложно осознать, понять это, так как прежде чем что-либо понять и принять, нужно на себе это почувствовать, испробовать на собственной шкуре, ведь так? А я пока слишком мала и не созрела умом, чтобы охватить и воспринять всю эту несоизмеримую ни с чем трагедию моего родного народа. Для меня это, если честно, где-то далеко-далеко, ведь очень многие ощущают лишь то, что находится в окружении, в досягаемом для них поле зрения, я, наверное, тоже в их числе. Я просто «закладываю информацию» внутрь себя, может быть, со временем, когда повзрослею, эта информация найдет отражение в моем мозге, обработается и выдаст результаты. А сейчас я где-то слышу, вижу, запоминаю. Но и это как-то вытесняется повседневной суетой, личными делами и проблемами. Лишь иногда я слышу небольшие обрывки — эпизоды из «Большой книги депортации», из уст своей бабушки. Однажды я попросила рассказать мне о выселении, но она отмахнулась, и я уловила тень на ее лице. Я ее не стала утомлять, а потом я выждала случай, и она мне вкратце рассказала о своей жизни в Сибири.

Бабушка работала учительницей в школе, была завучем Ергенинской школы. Пришел тот памятный день. Как ни удивительно, она даже успела заколоть теленка, что ей дало возможность не умереть с голода. А с ней были ее сестры с малыми детьми. В вагоне у них была печка-буржуйка, не было жертв. По приезде она устроилась на работу в местной школе учительницей, в общем устроилась довольно неплохо. С местного завода рыбной промышленности она имела право брать рыбу и даже черную икру,

рыбачкую спецодежду для своих близких. Вот и все, что она рассказала: жила, работала, кормила всю семью. Я была удивлена, когда узнала, что бабушка устроилась там сравнительно хорошо. Но это не все, что она там видела, какие трудности встречали ее, видно, не хочет вспоминать, будоражить свою память, вскрывать то неприятное, что давно схоронила на дне своего сердца. Благодаря своим личным качествам, нужной в то время своей профессии она выжила. Но это случай один на сто, может на тысячу и больше. В целом — это загубленные жизни, жертвы. Когда слышишь страшные рассказы о том, как везли людей в Сибирь, трудно поверить, что это было с нашими родными. Я просто даже не могу представить себя на их месте. А это факт, история нашего народа.

Сейчас мало кому есть дело до таких проблем, как депортация, мы стремимся к собственному благополучию, и основной массе наплевать, извините за выражение, на эту депортацию, исключая стариков и людей, специально занимающихся этой проблемой. Согласитесь, ведь это так. И только лишь когда все утрясется, наступит экономическая стабильность, мы придем к осознанию всего происшедшего, происходящего. А в настоящее время — не до этого, как говорится.

1994

Алтана Васькина

В те годы злые леденящей стужи
 Что не бывало?..
 В то время
 Гнев несправедливый, дикий
 Нас подавил... И свет для нас потух,
 И даже слово самое — «калмыки»
 Произносить боялись люди вслух...

Д. Кугультинов

Мое представление о Сибири крайне неточно и обрывисто. Мы все время спешим в этой жизни, торопимся куда-то, а главное, близкое ускользает от нас незаметно. Все меньше и меньше остается людей старшего поколения. Когда-нибудь я мечтаю сесть рядом с дедушкой и бабушкой и записать их длинный, горький рассказ о Сибири. Мне кажется, для этого нужно подобрать особый момент состояния их души: не так легко вспоминать годы унижений и страданий...

На момент выселения моей бабушке было восемь лет. Шли бои... Маленькая Бюри помнит поле, усеянное трупами освободителей и захватчиков. Ей страшно, она едет на бричке, в которую запряжена тощая коровенка. Была суровая зима. Комендант объявил о срочном сборе всех людей

у сельсовета. Их должны были отправить в неведомые края. Куда? За что? Почему? Все вопросы остались без ответа. Добрый им попался дядька — комендант: он все время отводил глаза в сторону, молчал. Незаметно передал: «Возьмите теплые вещи».

Дорогу в Сибирь Бюри плохо запомнила. И вот они прибыли. Сельчане приняли их враждебно и недоуменно. Редко кто из них читал или слышал о калмыках. Самые смелые детишки выбегали на улицу и кричали: «Людоеды приехали!» Сто пятьдесят человек было завезено в то село — к весне осталось пятьдесят.

Кругом стояли огромные сугробы. У калмыков не было сил и возможности прорубить замерзшую землю, поэтому они хоронили своих родных в этих сугробах. Люди стали болеть цингой, малярией, туберкулезом.

Прибывшие «людоеды» оказались неприспособленными к проживанию в суровых условиях Сибири. Мешало незнание русского языка.

Бюри осталась в живых одна из одиннадцати детей. Матери лишилась она еще в трехмесячном возрасте. Мой прадедущка, Джалка, видя страдания семьи, совершил по тем временам крайне необдуманное преступление: он поймал и зарезал чужого теленка. Его арестовали, маленького сына сдали в детский дом доброжелательные власти, ведь кормилец был арестован. До войны мой прадед был учителем начальных классов; потом он не раз обращался в детские дома в поисках сына, но безуспешно. Оказываете, Джалка был очень талантливым человеком: не было такого дела, с которым бы он не мог справиться, был превосходным оратором, виртуозно играл на саратовской гармошке, пел, танцевал, знал все обычаи своего народа; ни одна свадьба не проходила без него, люди любили его.

Итак, он арестован, но свет не без добрых людей, следовательно оказался очень добропорядочным человеком и, зная о содеянном, он ведет дело так, что выпускает Джалку на свободу. Бюри помнит до сих пор этого добрейшего человека, который впоследствии стал большим другом ее отца, более того, он выдавал замуж мою бабушку Заяну, а при расставании эти два немолодых уже человека плакали.

В двенадцать лет Бюри пошла в первый класс, проучилась семь лет. Работала стрелочницей в городе Тюмень. Из ослабленной девочки получилась красавица. Переписывались две семьи родственников, проживавших в разных местах. Ни те, ни другие не умели писать¹. Одной семье помогала писать бабушка, а другой — дедушка. Такое романтическое знакомство! А дедушка к тому времени окончил восьмилетку и ветеринарный техникум с отличием, умел играть на гармошке, прекрасно пел. Кстати, моя бабушка тоже не промах: она играла на домбре, пела, танцевала. Ба-

¹ Неграмотность была следствием неоднократной смены алфавита: в 1941 г. был введен четвертый алфавит на русской основе и шестой по счету.

бушка моя до сих пор шутит: «Ваш дедушка чуть не женился на немочке!» Первый ребенок появился на обратном пути из Сибири, на территории Ростовской области — это была моя мама, единственная ее дочь, но не единственный ее ребенок, следом родились еще пятеро мальчиков. Я считаю, что они прожили свою жизнь достойно и, несмотря на все страдания, они остались истинными калмыками. Но почему-то, когда они поют, в их песнях преобладает грусть. Без слез их слушать невозможно.

Наш народ пережил жестокий геноцид, но верится, что у него есть будущее.

Дыханье жизни у другого
Никто не вправе отнимать...
Об этом, смертный, не забудь...
И пред тобою — белый путь.

1994

Ольга Гонцукова

Думая об этом сочинении, я не знала, о чем буду писать. Конечно, можно было бы отделаться общими фразами, написать, что это была великая трагедия калмыцкого народа, но мне не хочется идти на это. Мне неловко было подходить и говорить с людьми о том, о чем они хотели бы забыть, но я решилась! Я сказала о том, что мы пишем это сочинение, своей бабушке (она не совсем мне бабушка, она сестра моего деда, но мы считаем ее бабушкой), и она согласилась рассказать о своей жизни. Ее зовут Мария Александровна Гонцукова, 1923 г. рождения. К моменту выселения ей было 20 лет, за ее плечами уже было педагогическое училище. Она работала учительницей в селе Полынном. Ее брат, т. е. мой дед, был на фронте, мать с семилетней дочкой Шурой — в селе Кануково (бывшем Кирбазаре). Вся семья была разбросана.

В Полынном она жила с русской девушкой, медсестрой Надей. Примерно за два месяца до выселения в село приехал русский военный в чине капитана. Так как в селе никто, кроме них, не знал русского языка, его поселили к ним. Бабушка вспоминала, что его звали Виктор Малабонин. Задолго до выселения он начал говорить ей о дальних краях и о том, что ей придется ехать. Но, естественно, бабушка не поняла намеков. Мария Александровна видела планы, которые он чертил, спрашивала, но он говорил, что это его работа. Она опять не поняла, что это был план их села. А для чего он был составлен?

22–23 декабря в село съехалось много военных. Они заняли школу и сельсовет. Виктор объяснил: «Это солдаты приехали с боя на отдых». Они начали ломать деревянные заборы у домов и у школы. На возмущенные

замечания смеялись, отвечали, что построят лучше. Эти несколько дней Виктор дома не бывал, он основал штаб и распределял участки солдатам.

28-го утром, в воскресенье, в дверь постучали. Вышла Надя, но попросили позвать Гонцукову. Ей сказали: «Собирайтесь, вас сейчас увезут», на что она ответила, что никуда не поедет и что ей нужно к матери и сестре. Виктор, видимо, предупредил, чтобы с ней обращались поосторожнее, и она, в отличие от других, могла свободно передвигаться по селу. Она побежала в штаб и спросила Виктора. Он вышел и сказал, что все калмыки будут переселены. Он предложил бабушке сделать фиктивный брак с русским военным, но она, испугавшись, отказалась. Тогда он приказал солдатам ее сопровождать и разрешил ей взять из магазина то, что захочет. Мария Александровна попросила чаю для матери, с которой она предполагала встретиться на железной дороге в Астрахани. Несмотря на угрозы Виктора, она больше ничего не взяла.

Я описываю это так подробно потому, что хочу показать, что не все люди из НКВД были злыми и жестокими. Некоторые были вполне человечны, но их работа была такова и они как могли старались ее очеловечить.

Их погрузили в крытую машину и повезли неизвестно куда. 29–30 декабря они были на Астраханской железной дороге. Вопреки уверениям Виктора, она не встретила ни с матерью, ни с сестренкой. Потом выяснилось, что они ехали в разное время.

В вагонах было ужасно холодно. Вечером бабушка прислонила голову к стенке вагона, утром волосы примерзли. Ей запомнилось, что каждое утро и вечер открывали вагон и спрашивали: «Умершие есть? Больные есть?» Если были, то их выносили. Все думали, что больные попадали в госпиталь, но бабушка видела один раз — больных складывали штабелями прямо на снег.

В вагонах мужчины и женщины ехали вместе, и это создавало определенные проблемы бытового характера. Особенно они были невыносимы для калмычек, которые были воспитаны в строгих буддийских традициях. Когда состав останавливался на станциях, то женщины перелезали на другую сторону пути и прятались под поездами, чтобы справить нужду. Многие из-за этого были перерезаны поездами или искалечены. Я знаю одну такую бабушку, которая лишилась руки в возрасте 18 лет.

Моя прабабушка, сердечница, болела. Она не знала, где обе ее дочери. Однажды она выпила, приняв за воду, жидкость, текущую с паровоза, и заболела дизентерией. 14 января бабушка приехала в Красноярск. Сразу начала искать мать. Обойдя почти все госпитали, бабушка нашла ее очень больной и ослабевшей. Мария Александровна ухаживала за матерью до ее выписки. Через неделю после выписки всех выгнали на работу. Выдали красный и оранжевый бушлат, также шапку и валенки. Работа была ка-

торжной и совершенно безвозмездной. Работа начиналась в 6 часов утра. По щиколотки в воде они вырубали изо льда бревна. В совершенно холодных и мокрых валенках они шли домой. В невысохших валенках отправлялись на работу. Именно отсюда болезни наших бабушек и дедушек. Раз в неделю или в месяц им делали «санобработку», т. е. мыли, парили одежду, искали вшей. Если находили, лишали еды. Я представила, насколько это унижительно: стоять раздетой, когда тебя осматривают как какой-то скот.

Потом разнесся слух, что их, калмыков, не бывших под оккупацией, через месяц отпустят. Все знали, что за ними вины нет, и радовались, что ошибка будет исправляться. Все поздравляли друг друга. К сожалению, как мы знаем, ничего подобного не случилось.

Потом бабушка заболела тифом. Скрывая это, она ходила на работу и скоро совсем слегла. Она потеряла сознание, попала в госпиталь. Очнувшись через два с половиной месяца, первым делом поспешила узнать что-нибудь о матери. Это было уже в марте 1944 г. Моя прабабушка умерла в феврале 1944 г., и мы до сих пор не знаем, где она похоронена. Мария Александровна до сих пор чувствует вину перед своей матерью, моей прабабушкой. Вспоминая о сестренке, бабушка опять плачет. При выселении Шура оказалась у чужих людей и ехала в другом вагоне. Она пропала, и сколько ни искала бабушка ее по детдомам, не нашла. Только спустя много лет стало известно, что Шура умерла от воспаления легких. После болезни бабушка устроилась по своей специальности — учительницей. В 1946 г. вернулся брат, мой дед. Они стали жить, как все.

Вот и весь рассказ. Я знала о депортации из книг, слышала на уроках истории, но только теперь, после рассказа бабушки, почувствовала всю трагедию этого события. Этот рассказ останется навсегда в моей памяти.

Может быть, я передала те события, не сгладив их, но таковой была реальность.

1994

Роман Дуляев

Мое сочинение будет кратким. Я не буду говорить, каких жертв стоило это переселение. Я просто расскажу историю своей семьи. До выселения баба жила вместе с тремя детьми (девочка и два мальчика), а дед с первых дней войны был на фронте.

В этот день в село загнали большегрузные «студебеккеры», погрузили всех и увезли на железнодорожный вокзал, там погрузили в товарные вагоны. Так начался этот долгий путь.

В пути умерла девочка, а два мальчика умерли, уже когда приехали в Сургут, туда сослали мою семью. Дед был демобилизован из рядов РККА

в 1944 г. Но временно. Нашел семью и стал работать в Сургуте. Там родились моя тетья и моя мама. В 1952 г. ввиду болезни моей тети, получив разрешение в комендатуре, переехали в Новосибирск. Там и жили до возвращения на Родину. Мой дед с 5 июля 1941 г. в рядах РККА. В 1944 г. в звании гвардии капитана был переведен в резерв Сибирского военного округа. Затем преподавал тактику в белорусском пехотном училище в Томске. Потом работал в Киргизии. В 1957 г. приехал работать в Калмыкию. Он был один из шести человек, которые приехали в Москву и пошли к Городовикову О. И., бывшему уже тогда в отставке, и вместе с ним ходатайствовали о возвращении статуса Калмыцкой АССР. Чего они и добились. Вот и все, о чем я хотел рассказать.

Моему другому деду, когда его выселяли, было 15 лет, а бабушке — 13. Они жили в Цаган-Нуре, Кетченеровском районе. Бабушка рассказывает: «Я тогда была у соседей, в соседнем селе, и рано утром, часа в четыре, застучали в дверь. Открывают, а там солдаты НКВД. Я так и вытаращила глаза. Солдаты зачитали какой-то указ, о том, что калмыки — предатели и все выселяются. Я решила, выселяются только в этом селе, а сама говорю, что не здесь, а в Цаган-Нуре живу. Думала, что мой отец — директор школы, и он не предатель. Ну и три километра бежала домой. А по дороге “студебеккеры”, и в них людей сажают. Прибежала домой — и там НКВД, будто мой отец взял школьное имущество! Обыскали — нету. Повезли на станцию Абганерово и, кажется, 12 дней везли. Приехали в городок Ужур Красноярской области и раздали по колхозам». По дороге в Сибирь у бабушки в вагоне никто не умер, зато в других — очень много. Было страшно холодно. Холод и снег.

Еще более трудная судьба выпала деду. Во время выселения он уехал без отца. Отец поехал за родственником в Сталинградскую область. А когда вернулся, то попал в один эшелон с дедушкой, но в разных вагонах. А потом при распределении совсем потерял жену и сына, заболел и умер. Так мой дед в 15 лет остался единственным кормильцем своей матери. В колхоз «Ужур» он попал вместе с родственниками, человек 7–8, и стал самым «ушлым». Он говорил по-русски, немного читал и писал, поэтому его взяли учетчиком скота и урожая. В селе его называли Андрюшей, очень любили. Но однажды, когда был набор в Ханты-Мансийск, его чуть не забрали. Дело было так: его двоюродный брат переписал дедушкину мать на себя! То есть он «семейный». А мой дед — одиночка! Когда ему сообщили о том, что он поедет на Север, то он загордился, обрадовался. Но слава Богу, главный зоотехник совхоза дознался, в чем дело, надавал деду «на орехи» и отбил парня. Кстати, из этой группы, уехавшей на Север, человек сорок, в живых остался лишь один парень.

Вообще мой дед — замечательная личность. Темный калмыцкий мальчик, сейчас он — начальник отдела внутрибанковского контроля калмыц-

кого отделения Россельхозбанка! А до этого — главбух СП «Агроинжиниринга». Бабушка рассказывала, что когда он хотел пойти в школу, родители не хотели отпускать и спрятали портфель у соседа. Утром дедушка проснулся и начал скандалить до тех пор, пока ему не отдали портфель. Такая же история и с его портками. Он очень хотел учиться, это и спасло его в Сибири.

Бабушке приходилось собирать колоски, мерзлые овощи, а теперь она — тоже бухгалтер какой-то фирмы, не помню.

Мой прадед, отец бабушки, Бушкиев Бадма Бушкиевич, был женат на женщине из рода князей Талтаевых, за что гоняли и красные и еще какие-то. Хотя Талтаевы — князья лишь по названию. Эта привилегия была выдана им за боевые заслуги в 1812 г. Бадма Бушкиевич — заслуженный учитель РСФСР.

Когда родился я, в газете «Советская Калмыкия» было написано про семью моего прадеда и про меня. Мне было уже дано предсказание, что буду строителем коммунизма. Мда!

Мне горько за тех людей, кто безвинно погиб в ссылке. Сколько талантов погибло в Сибири! Без них мы — как скакун без ноги. И думаю, что вина за все случившееся лежит на всех советских людях. У многих немцев — «комплекс Гитлера», а из наших людей, по-моему, мало кто испытывает чувство вины за прошлое.

1994

Наташа Зунгруева

Калмыков депортировали 28 декабря 1943 г. Это была тщательно подготовленная операция под кодовым названием «Улусы». Тот день, когда в каждый калмыцкий дом пришли военные, исполнявшие эту страшную миссию, не смог забыть ни один калмык. С этого дня началась другая жизнь. Тогда, в декабре 1943 г., из теплой, солнечной Калмыкии коренное население выслали в суровые необжитые места. Где только не жили калмыки: в Сибири, Казахстане, на Сахалине. Но за что? Думаю, даже сейчас нам не понять «отца народов» Сталина и его верного подчиненного Берия.

В чем же вина калмыков? Что они сделали такого, что заставило правительство подвергнуть их такому унижению и оскорблению? Почему из-за жалкой кучки предателей судили весь народ? Но у каждого народа были свои предатели. Многие из калмыков воевали, уходили на фронт добровольцами. Калмыки в тылу старались, оказывали помощь фронту. «Все для фронта! Все для победы!» И эта депортация — акт чудовищного геноцида была «благодарностью» властей.

Историю невозможно изменить. Но то унижение, которому подверглось наше старшее поколение, не забывается. Как результат этой депортации у нас существует опасность исчезновения языка, уменьшилась численность народа. Многие калмыки не вынесли долгого переезда в неизвестность. Наши родители были рождены там, а не на Родине. И все это «благодаря» выселению. Долгое время калмыки не имели возможности развивать свою культуру. И приятно видеть, что в наше время все же началось возрождение народа, его языка и культуры, несмотря на все лишения, которые пришлось испытать. И не дай бог перенести их опять!

1994

Жанна Иванова

Это произошло 28 декабря 1943 г., шел третий год Великой Отечественной войны. Войны, которая унесла миллионы жизней, ужасной войны, в ходе которой были депортированы многие народы.

Выселение калмыков было лишено каких-либо «поблажек» по сравнению с выселением немцев Поволжья. Вся подготовка операции «Улусы» проводилась тайно и жестоко. Проведение этой операции было хорошо организовано, было задействовано большое количество советских войск, несмотря на то, что на фронтах не хватало боевых частей.

Помню, когда мне было десять лет, мне моя бабушка (папина мама) рассказала о выселении калмыков, о всех несчастьях, постигших их в годы войны.

Она запомнила навсегда этот холодный, суровый день декабря. Бабушке было одиннадцать лет тогда. Ранним утром в их хотон¹ пришли солдаты и стали собирать людей. В бабушкин дом вошли два солдата и приказали собираться в дорогу, их прокатят на поезде туда и обратно. Но куда, этого они не объяснили.

Бабушка в этот день, 28 декабря, была с братишкой дома без родителей. Родители в двадцатых числах уехали в Астрахань, чтобы продать зарезанную корову. Село, в котором они жили, называлось Восточный Кесин (ныне совхоз «Восточный») Астраханской области². Бабушка не знала, что ей делать. Она вышла на улицу, а там люди бегают, что-то собирают, упаковывают. До прихода солдат она варила мясо, солдаты посоветовали ей взять это мясо. Но были случаи, когда люди варили суп, приходили солдаты, торопили их, выливали суп. Бабушка говорила, что

¹ Хотон — небольшой населенный пункт.

² Часть территории Калмыцкой АССР, которая после 1943 г. вошла в состав Астраханской области.

солдаты, которые пришли, были добры к ним, посоветовали взять еду и побольше теплых вещей. Может быть, благодаря им бабушка с братишкой выжили в столь суровых условиях без присмотра родителей.

Родителей они встретили не в Астрахани, а в Красноярском крае, во время остановки на одной из станций, дальше ехали вместе в Сибирь. Дорога была очень трудной. Ехали они в телячьих вагонах. Пол и стены были с большими щелями, откуда дул холодный ветер. Ехали они в неизвестном направлении, долго и мучительно. Было очень тесно, грязно, сыро. Люди умирали от холода, голода и дистрофии. Каждое утро из вагона вытаскивали окоченевшие трупы. Бабушка рассказывала мне, что в их вагоне была женщина с двухмесячным ребенком на руках. Но так как было нечего есть, у нее не было молока, ей нечем было кормить ребенка, она на одной из станций вынесла ребенка из вагона и положила его на снег, такого беззащитного и маленького, но что поделаешь, если не освободиться от ребенка, то умрут оба.

Когда привезли их в одно из сел Сибири, люди встретили их с большим пониманием и сочувствием. Очень им помогали. Дали им работу, поделились одеждой, продуктами. Но сколько калмыков, и не только калмыков, других «изменников родины» — немцев, карачаевцев, не были приняты. Они зарабатывали себе на жизнь тяжким трудом, голодали, нищенствовали. Каких только слухов ни распускали, будто калмыки — это дикари и предатели. Люди боялись их пускать в дом, оберегали своих детей. Сырой, холодный, суровый климат очень неблагоприятно действовал на калмыков, которые привыкли к сухому, полупустынному климату, степному воздуху, в результате смены климата организм калмыков оказался подвержен такой страшной болезни, как туберкулез. И сейчас Калмыкия занимает одно из первых мест по количеству больных туберкулезом¹. Сколько детей стали сиротами при живых родителях! Сколько людей потеряли своих родных и близких!

Нет, люди не должны допустить такого самоуправства со стороны правительственных кругов больше никогда. Нельзя повторять ошибки, которые несут горе, несчастья, уничтожение, депортацию многих народов. Виновный в этих злодеяниях Л. Берия был разоблачен и расстрелян, за ним закрепилось позорное клеймо «враг народа» и «агент империализма». И так будет с каждым, кто ради карьеры, авторитета и наград не побрезгует уничтожением целых народов!

1994

¹ Официальных данных по этому вопросу найти не удалось.

Кермен Каляева

28 декабря — трагический день для калмыков. В этот день весь народ был выслан в далекую Сибирь, где все условия жизни были противоположны условиям, к которым привыкли калмыки. Их ожидало трудное и тяжелое испытание.

Моя бабушка часто вспоминала о своей жизни в Сибири. 28 декабря, говорила она, было ясное, морозное утро. Тишину и спокойствие нарушил гул машин. Но люди в совхозе ничего не подозревали. В дом вошли солдаты, один из которых начал что-то читать. Моя бабушка довольно хорошо знала русский язык и поэтому сразу поняла, в чем дело. Она стала собирать вещи, самые необходимые и нужные. Когда все были готовы, их собрали у сельсовета и повезли на машинах до ближайшей станции. Повезло тем, кто в этот день был дома, с родными. Другие же, кто по каким-то причинам уехал из дому, были разлучены на многие годы. Быть может, многие так и не встретились больше.

Когда они ехали на машине, моя бабушка увидела лису, которая бежала за машиной. Про себя бабушка с грустью подумала, что это родная земля прощается с ними. Лиса долго бежала, а потом исчезла. Потом они приехали на железнодорожную станцию, где их ждал эшелон. Дорога, казалось, длилась вечность. Погибло очень много людей. Голод и холод убивали их. Но моя бабушка со своими детьми смогли доехать до конечного пункта. Это была какая-то деревушка. Там их поселили у молодой семьи Метелкиных. Муж был весь в ожогах, поэтому производил страшное впечатление, хотя хозяева были добрыми. Хозяйка вытащила лепешку и дала самому младшему ребенку. Он с жадностью вцепился в нее и не хотел делиться с матерью и сестрой. Но мать забрала у него и поделила на равные части.

Так началась тяжелая жизнь для моих родных. Бабушке и ее дочке приходилось работать. А мой папа рос среди местных ребят. Много смешных ситуаций рассказывала мне бабушка про моего папу. Он совершенно не понимал русский язык, и ему было очень трудно общаться с ребятами. Однажды, когда они бегали с ребятами, стоял очень сильный мороз, и все приговаривали: «Ух, холодно!», тогда они решили спрятаться от холода в сарайчик. Когда все зашли туда, мой папа сказал: «Ух, холодно!», а они все рассмеялись и говорят: «Дубина, не холодно, а тепло». Так, постепенно, русский язык стал уже как родной. Дети учились в школах, вступали в комсомол, но не все. Косые взгляды сопровождали калмыков везде. Вступившие в ВЛКСМ говорили, что комсомольцы — будущие коммунисты, но только калмыки ими не могут стать. Это говорилось с грустью, а не с усмешкой.

Жизнь текла медленно и однообразно, уверенности в хорошем будущем не было. Время уносило с собой безвинные души. Постоянная борьба за выживание терзала людей. Калмыки теряли язык, культуру, фольклор. Но все же, несмотря ни на какие трудности, калмыцкая душа осталась жить. Через 13 лет многие возвращались домой, все еще не веря в это. Дети, которые родились в Сибири и еще не видели Родины, смотрели на все с удивлением. Было непривычно видеть после густых лесов просторную, широкую степь.

Моя бабушка со своими детьми возвратилась все-таки домой. И опять она увидела лису, бегущую за машиной. Теперь она уже рассказала моему папе о прошлой встрече с лисой. Это означало, что наша земля в образе лисы встречает нас и радуется нашему возвращению. Но тогда папа не понял значения этих слов. Только потом он понял, что все это было правдой.

Сколько горя и бед вытерпел наш народ за годы депортации! Сколько слез пролили наши бабушки! Сколько еще нам нужно узнать об этом! И никто и никогда не сможет искупить вину перед калмыцким народом!

Это останется в памяти народа навсегда как черные страницы жизни...
1994

Инна Лепетикова

На улице идет снег, холодно, а ведь сейчас еще только ноябрь! Что же говорить о том вдвойне холодном дне конца декабря, когда вся республика была разбужена настойчивым стуком безжалостной руки в дверь... До чего же безжалостен человек! Хотя бы тот, кого послал НКВД, или тот, кто грузил людей, не разрешая взять необходимейшее, нужнейшее. До чего же может оледенеть душа, если человек, стоящий во главе государства, истребляет направленно и неуклонно свой же народ, если он способен недрогнувшей рукой послать целый народ с его неповторимой культурой, историей на неминуемую смерть. И глупому ясно, что отправлять в далекую Сибирь все депортированные народы, особенно калмыков, привыкших к совершенно другому климату, не подготовленных к суровым зимним морозам, — это отправлять на верную смерть. Причем выселяли не врагов идеологии, не врагов народа, а сам народ.

Мне кажется, что даже выселение кулаков и так называемых «врагов народа» — недопустимая мера, но выселение целого народа — это уму непостижимо! Тысячи ни в чем не повинных людей погибли в застенках лагерей и тюрем, тысячи были расстреляны, а другие объявлены без вины виноватыми. А тут целые народы послали умирать в далекие земли. Мы на уроках истории и культуры родного края изучали причины утраты истинного калмыцкого наследия, как в искусстве, так и в жизни, и пришли

к выводу, что существенную роль здесь сыграли годы культурного штурма — установления нового образа жизни, новой идеи, но самый большой удар нанесла, конечно же, депортация.

Моей семье почти не коснулась эта трагедия, за исключением того, что бабушка по маминой линии была переселена из Ставропольского края в Прикаспийский район без имущества, с маленькими детьми на руках, но не об этом сейчас речь. Я просто хочу сказать, что, несмотря на то, что я мало знакома с очевидцами, почти ничего не знаю из первых уст, но и меня, как и многих других, ужасно возмущает эта несправедливость! И ничем, увы, не искупить вину перед всеми этими народами! Ничем, увы, не восполнить утерянного!

Не нужно говорить, что это был акт величайшего насилия, глумления над человеческой жизнью, нет нужды упоминать о попрании прав человека! Это был настоящий геноцид! Если сравнивать цифры, то в 1959 г., после возвращения, после бурного подъема рождаемости, количество людей не достигло и уровня 1939 г. Что тут еще сказать? Если бы да кабы... Но история не терпит сослагательного наклонения. Что написано в книге истории, не вычеркнешь, не вырубешь ни годами, ни десятилетиями. Как ни старались скрыть правду о Сталине и его окружении, о войне и ее цене, о репрессиях и их последствиях, но люди помнят, и, слава Богу, сейчас уже можно говорить не потихоньку на кухне (как 15–20 лет назад), а открыто и во всеуслышанье. Поэтому я говорю прямо: «Я ужасаюсь этой трагедии и скорблю по тысячам погибших. Я обвиняю тот строй. Это моя позиция. История и народ уже знают, кто есть кто, и по заслугам оценивают каждого».

В каком-то журнале я читала, что территория Калмыкии имеет свою особенность. Ученые утверждают, что у народа, который живет здесь, каждые 200–250 лет происходят трагедии. Так, у скифов была какая-то бойня, Хазарский каганат резал русских, а те в свою очередь вырезали хазар. Но не дай бог повториться такой трагедии опять, ни у калмыцкого, ни у русского народов! Да у любого народа! Разве это нормально? Пусть это предположение останется лишь версией и никогда не воплотится в жизнь. Пусть наша земля навсегда останется оплотом мира! Люди, думайте, что творите, помните о тех трагических днях и не допустите похожего ни с кем!

1994

Мингиян Манджиев

Сибирь... Моя бабушка не любит говорить о тех далеких суровых годах. Слишком тяжелы воспоминания.

Ей было всего пятнадцать лет, когда она вместе с сестрами и матерью попала в холодный вагон. Он был забит стариками и детьми, женщинами с грудными младенцами. В течение двух недель их везли неизвестно куда. Остановились где-то на глухой станции, никто ничего не знал. Солдаты, которые сопровождали вагоны, ничего не говорили. Всех загнали в какой-то заброшенный барак, раздали кусочки хлеба. И только утром увидели, что кругом стоит лес, рядом протекает большая река. Это была Обь. Деревня называлась Мулигорт. Жили там рыбаки, охотники. В первые дни люди боялись выходить из барака. Но нужда и голод выгнали на суровый мороз. Местные жители тоже не проявляли особой радости: двери домов были закрыты. И только председатель колхоза объяснил приезжим в чем дело: все боялись людоедов с одним глазом. Он же расставил их по бригадам, дал наряды на работу.

Бабушка попала в рыболовецкую бригаду. В первый же день ей дали кирку и велели рубить лед. Она не знала для чего это, но тем не менее рубила лед усердно. Потом пришли еще две женщины, уже русские. Они с опаской подошли к ней, увидели, что она нормальный человек, объяснили, что надо делать и как. Так они проработали целый день. Стоя в холодной воде, сачком выбирали ледяное крошево, рубили лунки для подводного лова рыбы. Рыбы было много, работать приходилось от зари и дотемна, получая за это 800 граммов хлеба. Их надо было еще разделить на двух сестер, которые не работали, и на мать, которая болела. Так она работала до весны. Весной бабушку посадили на весла лодки, которая раскидывала сети недалеко от берега. Было очень тяжело вытаскивать из воды мокрые сети, полные рыбы. Затем эту рыбу отвозили на приемный пункт, распределяли по видам, взвешивали и сдавали. В зависимости от выполнения плана им оплачивали наряд продуктами. Так она проработала два года. Затем ее перевели работать на молочно-товарную ферму. Но уже болели руки, ноги, поясница — она заболела ревматизмом.

Так в свои молодые годы бабушка стала инвалидом. Но жизнь шла своим чередом, и надо было продолжать жить и работать.

1994

Басанг Муев

Во времена сталинского геноцида пострадало много народов, в том числе и наш народ — калмыцкий. 28 декабря 1943 г. был полностью выселен калмыцкий народ. Калмыков погрузили в товарные вагоны, в которых возили скот, и отправили в Сибирь, объявив всех врагами народа. Причем времени на сборы практически не давалось, давали полчаса или час максимум, в зависимости от того, какой солдат попадется. Некоторые солдаты объясняли, что случилось, советовали, что взять с собой, и помогали чем

могли, другие, наоборот, отбирали все драгоценности и даже не говорили, что их отправляют в Сибирь. И лишь малая часть вернулась обратно через 13 лет. В результате этого калмыки утратили и культуру, и язык, и традиции, и до сих пор калмыцкий народ страдает хроническими заболеваниями, такими как туберкулез. Все эти страдания, унижения, оскорбления, нищету, болезни перенесли на своих плечах и мои родные: дедушка, бабушка, отец и мать.

Поэтому на примерах отца и матери я хотел бы описать момент выселения и жизнь калмыков вдали от своей Родины.

Из воспоминаний отца. 28 декабря 1943 г. к ним пришли солдаты, сказали, что выселяют калмыков, дали один час на сборы. Их семья из шести человек (моя бабушка, четверо детей, из них самый младший — мой отец) была погружена в грузовик, а старшего дядю погрузили на другой грузовик. Тогда бабушка растолкала солдат, подбежала к тому грузовику и вытащила дядю, тем самым она второй раз не дала разлучить их. Первый раз это было, когда камышатники¹ ходили по селу и насильно забирали к себе в камыши оставшихся мужчин и юношей, они хотели забрать шестнадцатилетнего дядю, так как он подходил по возрасту, но бабушка спрятала его. Затем их погрузили в товарняки на станции Абганерово и отправили в Сибирь. Многие калмыки не видели раньше железных дорог и удивлялись: почему эти железяки лежат здесь? На станциях останавливались, чтобы выгрузить трупы, а их было очень много. Мой отец до сих пор удивляется, как он выжил, и благодарит свою мать, ведь бабушка была шустрая — на станциях ей удавалось раздобыть кипяток, который согревал семью. Выгрузили их в Алтайском крае, Рубцовском районе. Поселили их и еще одиннадцать семей в бараке, размером приблизительно восемь на восемь. Условия были ужасные: зимой умерших людей не хоронили, а складывали в коридоре до весны, только весной трупы хоронили, так как зимой невозможно было копать могилу. Зимой ходили на кладбище, ломали кресты, чтобы хоть как-то согреться; на все двенадцать семей было всего две пары валенок. Да еще вначале местное население не приближалось к калмыкам, так как специально распространили слух, что якобы привезли людоедов. Потом, правда, местные убедились, что это не так, и стали помогать им. Еще в апреле помогали суслики: их ловили капканами. Мясо и жир сусликов потом продавали. Также помогала прожить и работа на колхозном поле; несколько картошек оставляли в земле, чтобы зимой выкопать и съесть. В 1959 г. вернулись в пятером, так как один дядя умер.

Из воспоминаний матери. Когда я спросил маму о выселении в Сибирь, она как бы продолжила рассказ о моем дедушке, но знает только в общем.

¹ Дезертиры, уклонявшиеся от службы в Красной Армии и скрывавшиеся в камышах в 1941–1943 гг.

Рассказала, что дедушка после второго ранения, после госпиталя, поехал искать своих родителей по всей Сибири. Он остановился в одном селе, где и встретил мою бабушку, которая тогда работала в школе. Бабушка была выселена так: однажды возвращалась из школы, которая находилась в пяти-шести километрах от дома, и на пути ее остановили и погрузили в машину. Дедушка в течение трех лет искал своих родителей, писал во все области и, наконец, нашел их в 1947 г. Но сам дедушка поехать к ним не смог, так как он был инвалид второй группы и у него из-за влажного климата постоянно открывалась рана от соприкосновения ноги и протеза. Тогда поехала бабушка с годовалым ребенком, моим дядей, на руках. Она встретилась с дедушкиной матерью. Обрато они втроем плыли на пароходе, но по пути моя бабушка умерла, и баба Катя похоронила ее в одном из портов. У дедушки постоянно в течение этих тринадцати лет открывалась рана, а когда они в 1957 г. вернулись, раны зажили. Он видел свой дом, но не смог зайти туда, тогда они построили дом рядом с речкой, и дедушка пошел в рыбаки, так как им не на что было жить. А у них в семье была бабушка, учитель, дядя Слава, инвалид, и еще четверо детей. В Сибири бабушка с дедушкой, уходя на работу, нанимали сиделку, она уронила дядю Славу, и он ударился об угол стола и потом из-за этого у него стал расти горб.

Я думаю, что калмыцкий народ, как, впрочем, и другие выселенные народы, никогда не забудет сталинского геноцида. Да разве можно забыть страдания, унижения, муки, голод, которые перенесли эти народы.

1994

Людмила Чурюмова

Взявшись писать это сочинение, посвященное депортации, я долго думала над тем, как бы начать и о чем написать. Ведь, слава Богу, нашему поколению грех жаловаться на судьбу, и мы, молодежь, уже не относимся к этому событию с тем особым чувством, которое несут в себе наши родители. Этот вопрос сейчас поднимают не очень часто, хотя в этом году мы отмечали 50-летие с момента выселения в Сибирь калмыков. Людей с юга, не обеспеченных одеждой, послали бог весть куда, ведь их же бросили на верную гибель, и больше половины калмыков умерло, в основном в дороге. Наша великая, могущественная и непобедимая страна в основном пренебрежительно отнеслась к массовым репрессиям, и это была страна, которая считалась олицетворением коммунизма, олицетворением свободы, равенства и братства. Я мало знаю о том, как они жили в Сибири, представление у меня об этом смутное, так как мои родители мало рассказывают об этом. Но я представляю, как они там жили, как трудно было адаптироваться, акклиматизироваться в незнакомой среде. Неужели люди так слепы, что

не догадывались о том, что есть Сталин что он из себя представляет? Конечно, я согласна с тем, что этот человек был действительно сверхчеловек, он имел изворотливый, дипломатический ум, но несмотря на эти качества, я считаю, что он был убийца, хотя нельзя, конечно, только его обвинять в убийстве. Я думаю, что он предал свой народ, народ, который надеялся, жил и работал на благо страны, для процветания социализма. Неужели он был так уверен в победе, что калмыков даже забирали с фронта, ведь он, наверное, был наслышан о действиях 110 ОККД¹ и о калмыках, которые героически сражались. Да, конечно, не только калмыки были героями, но и другие малые народности, которые подверглись репрессиям.

Я мало задумывалась о том, каковы последствия тринадцати лет проживания в Сибири, о том, какие изменения принесла депортация в жизнь калмыков. Когда мы разбирали на уроке истории действия Сталина, я была действительно поражена. Я даже не догадывалась об этом, это все повлияло на здоровье, на психику калмыков. А ведь правда, мы не блещем здоровьем и почти что у каждого найдется целый букет болезней, мы почти утратили свою культуру, свой язык. Мне стыдно, что я не знаю свой родной язык, но вокруг меня не звучит живая калмыцкая разговорная речь и поэтому выучиться ему очень трудно. Не знаю, каково ваше мнение, но я считаю, что Сталин и его окружение заслуживают самого-самого жестокого осуждения.

1994

Булгун Шевелева

Чем чужеземное золото, лучше свой песок.

Калмыцкая пословица

Когда бы слезы тех собрать,
Кто потерял отца и мать,
Все слезы матерей, отцов,
Утративших своих сынов,
Когда бы слить в один сосуд
Все слезы тех, кто тщетно ждут, —
Какой сосуд ни выбирай,
Все перельется через край!

Д. Кугультинов

Прошлые дни, годы, десятилетия депортации... Как туманный сон сохранились в памяти народа события тех лет. Что говорить, судьба моего немногочисленного калмыцкого народа незабываема, трагична. Такие сло-

¹ ОККД — Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия.

ва, как «вагон для скота», «холод и голод», «крик детей», «стоны стариков», наверное, укоренились в душах наших отцов и матерей, бабушек и дедушек, подвергшихся насильственному выселению, на всю жизнь.

В ту морозную, ветреную ночь 28 декабря 1943 г. люди от внезапности совершенного злодеяния находились в растерянности. Они успели захватить лишь самое необходимое, а также предметы семейного алтаря. Калмыки вынуждены были исполнить волю Советского правительства, возглавляемого И. Сталиным, волю правительства, в которое они верили, которое они уважали. Да, именно уважали. Это — национальная черта калмыцкого народа. Они безропотно повиновались судьбе. «Так надо!» — утешали они себя. Возможно, не так трагичны были бы последствия сталинского геноцида в отношении калмыков, если бы то утро не было таким внезапным. Люди тогда могли бы собраться в дорогу, свикнуться хотя бы с мыслью, что им предстоит долгий и трудный путь, но ничего уже не изменишь...

Представьте, врываются в ваш дом на рассвете вооруженные люди и требуют исполнения приказов. Да, то утро было зловещим для каждого калмыка. Как пишет Д. Кугультинов, «мой рассвет отравлен клеветой ядовитой».

Неужели из-за ошибок каких-то частных лиц, из-за личных недоразумений в кругах правительства, из-за некомпетентности управляющих государством народы должны испытывать гнет, почувствовать острые шипы судьбы? В отношении терпеливости мой народ совершил подвиг. Этот терпеливый и преданный народ, еще в прошлом защищавший южные границы Российской империи, выдержал, перенес тринадцать лет жизни на чужбине. Глас калмыцкого народа был подавлен. Он был подобен свисту одинокого суслика в степи. Жестокий произвол, совершенный полвека назад, должен быть заслуженно осужден. Последствиями депортации являются не только ущерб, нанесенный генофонду, и психологическая травма калмыцкого народа, но и утеря ценностей материальной и духовной национальной культуры. Были утеряны произведения народного старокалмыцкого искусства, забыты многие калмыцкие обряды и традиции. Но спасибо старшему поколению за то, что сохранили и пронесли с собой через всю жизнь то, что мы сейчас имеем, что не забыли родной язык.

И в заключение строки из стихов Д. Кугультинова:

В тот день, когда я не увижу дня,
Я верю, сокрушаясь и стеная,
По-матерински примешь ты меня,
Вберешь мой прах, Калмыкия родная.

1994

Яна Шушунова

Калмыцкий народ часто сравнивают с евреями и армянами. Да, действительно, наш народ испытал очень много на своем веку. Иногда я думаю и удивляюсь: почему республики, находящиеся в соседстве с нами, враждуют, почему там идут войны, почему у них взрывоопасная ситуация? Почему этого нет у нас? Наверное, это чисто субъективное мнение, но мне кажется, что наш народ выстрадал свое и сейчас у нас происходит духовное возрождение, духовное очищение (я не имею в виду только возрождение национального языка). В то же время, как остальные не дошли еще до этой стадии развития! Хотя, если подумать, другие народы также страдали, также были выселены, понесли ущерб от войны, но что-то есть в нашем калмыцком духе особенное (может, и оттого так думается, что я сама по национальности калмычка. Но, поверьте мне, это несколько не в ущерб другим народам).

Еще я удивляюсь тому, что, пройдя через столько горестей, через столько страданий, люди не наполнились злобой и ненавистью, чувством отмщения за унижения, уничтожения и другие беды. Иногда бывают такие минуты, когда задумываешься не только о своей судьбе, но и о судьбе народа. И тогда встает немой вопрос «За что?» За что выслали, за что растоптали наш «золотой родничок» культуры, который долгие времена питался от родной земли, от родной калмыцкой степи? Я размышляю и не нахожу достойного ответа.

1994

Инна Авадаева

Историю не напишешь заново. Мы должны знать имена людей, с которыми связаны светлые страницы истории жизни нашей страны. Но нельзя не замечать просчеты и ошибки. Знание истории, знание причин трагических ошибок и трагических событий позволяют нам извлечь уроки и избежать ошибок дня сегодняшнего.

Не только в жизни человека, но и в жизни народа есть памятные даты, которые, несмотря на годы, должны глубоко запасть в память и постоянно всплывать, напоминая о себе. Для моего народа черная дата — 28 декабря 1943 г., день высылки, потому что слишком много горя он принес.

В ту ночь люди отдыхали после трудового дня. Кто-то плохо спал ночью: болела рана, полученная на фронте, тяжелые мысли не давали уснуть матерям и женам, которые переживали за сыновей и мужей, воевавших на фронте. Под утро спали крепко, как всегда после бессонной ночи, поэтому долго не слышали стука в дверь, раздавшегося в ранние утренние часы. В дом каждой калмыцкой семьи постучалось горе.

Как это было, мне рассказали дедушка и бабушка.

Тогда моему деду (по матери) было пятнадцать лет. У деда, его зовут Нимгир, был старший брат Бади и младшая сестра Джиргал. Бади воевал на фронте. Нимгир и Джиргал были поздними детьми и рано остались без родителей; жили они у дяди. Мой дедушка очень хорошо помнит тот день. Утром, в четыре или пять, было очень темно и особенно холодно. Проснулись от стука в дверь. Дверь пинали сапогами, и дед подумал, что за ним пришли немцы, а оказалось не совсем так, то есть пришли за ними, но наши солдаты. Их было четыре и все вооружены, они громко кричали и бранились, но в конце концов сказали, что калмыков увозят, но не знают куда; и самое главное то, что собраться нужно через пятнадцать минут около конюшни. Тетя стала собирать вещи, суетиться, не зная, за что братья; взяли только продукты, которых хватило на день, проведенный в конюшне, в ожидании машин. Людей было очень много, и никто не мог понять, что же происходит, даже много повидавшие на своем веку старики и те растерялись. Было темно, везде слышался лай собак вперемешку с плачем людей, грубые окрики солдат. Подогнали крытые машины, борта у машин были высоки, и не каждый взрослый мог самостоятельно залезть в кузов, не говоря о стариках и детях. Привезли на станцию Абганеры, где посадили всех в товарные вагоны. Многие поезд видели впервые. Но это, наверное, было ничто по сравнению с тем, что происходило в дороге. Людей умирало много, трупы выносили на каждой станции. Кормили один раз в сутки. Было очень холодно от сквозняков и жутко от того, что не знали почему и зачем они едут. Вид у мужчин был угрюмый, а женщины и дети сначала плакали и молились, а потом молчали. Люди по-разному ведут себя в экстремальных ситуациях: кто-то плачет от безысходности, кто-то молится, призывая всевышнего на помощь, кто-то клянет свершившуюся несправедливость, а кто-то просто молчит. Это был безмолвный крик тех, кого увозили с родной земли в никуда. Через пятнадцать, может и больше, суток доехали до города Барнаула. Моему деду повезло: дядя с тетей и сестра остались живы.

Потом всех развезли по селам. Дед и его семья попали в село Ульбежное. По несколько семей селили в пустых домах и клубах. Людей объединяла боль и скорбь за случившееся. Зиму пережить помогло то, что дед с сестренкой не болели, да и дядя с тетей хотя и были пожилыми, но довольно крепкими. У родителей деда до войны была маслобойня, и он с сестрой с детства ел много масла и потому они были здоровыми, что помогло выжить.

В глубине души каждый надеялся, что произошла трагическая ошибка и она будет в скором времени исправлена. Мы не должны забывать об этих ошибках, чтобы никогда их не допустить. Это страшно.

1997

Сагара Бадакова

Народов виновных не бывает —
Бывают виновные перед народами.

Д. Кугультинов

Жизнь любого народа, как и жизнь любого человека, есть непрерывная череда постоянно сменяющих друг друга событий, несущих или светлую радость, или тяжкое горе. Когда у человека отнимают самое дорогое — жизнь, мы говорим, это самое страшное, что может с ним случиться. Когда совершается попытка истребить целую нацию, стереть ее с лица земли, мы говорим то же самое.

О депортации уже было и еще будет написано много, и я не хочу сейчас описывать, сколько горя, слез, боли и разочарований принесла она калмыцкому народу. Пусть этим займутся другие, люди более достойные. Сейчас я хочу рассказать о том, как депортация связана с моей семьей, то есть о судьбе моей бабушки, Санджиевой Марии Мутловне.

Моей бабушке тогда был двадцать один год, она жила со своей снохой в Башанте. Как и для многих других, для нее выселение оказалось сильным потрясением. Без еды и теплой одежды они на открытой машине добрались до Сальска, оттуда на поезде их отправили в Сибирь. Моя бабушка очень сильно заболела, всю дорогу она пролежала в бреду, вероятно, у нее был тиф.

Сибирская семья, к которой ее поселили, не обращала на нее никакого внимания, бабушка говорит, они ее ненавидели. Но вскоре ей удалось лечь в больницу, где ее вылечили, и через месяц она выписалась и отправилась искать земляков. Некоторое время она жила в большом бараке, людей там было очень много, а потом ее отправили в Тюменскую область, Ханты-Мансийский округ. Здесь ей выдали однокомнатную квартиру, и здесь она нашла свою бабушку. Но пожить им вместе долго не удалось. Мою бабушку определили на лесозавод, поселили в деревянном доме. Она со своей напарницей Сериджан Антоновой по прозвищу «сержант» пилили деревья, распиливали на метровые бревна, обрубали сучки. В день нужно было выполнить норму — 6 кубометров, и тогда можно было получить сухой паек — по 500 граммов хлеба в день, а также по 2 кг сахара и муки в месяц. Сахар они продавали на базаре и покупали хлеб за 100 рублей. Моя бабушка и ее напарница всегда выполняли норму, за что получали премию — готовую одежду или материю, их часто хвалили на собраниях.

Весной многие женщины выполняли и мужскую работу. Моя бабушка научилась запрягать лошадь и перевозила дрова к рыбоконсервному заводу. Также они делали сухары (плоты) и отправляли их с дровами вниз по реке и затем развозили по домам.

Работала моя бабушка и на заводе, разгружала рыбу и отправляла ее в цех по производству консервов. Летом наступала пора сенокоса. Однаж-

ды моя бабушка возвращалась одна после сенокоса, позже всех, на лошади. Вдруг ее лошадь чего-то испугалась, понесла. Бабушка упала и долгое время пролежала без сознания, очнулась от холода, не могла найти дорогу домой. Только под утро она услышала лай собак и таким образом нашла свой барак, еле успела переодеться и опять пошла на работу. Зимой они снова в ватных брюках и фуфайках работали на лесоповале. Ели мерзлый хлеб и картошку.

Незадолго до возвращения на Родину моя бабушка вышла замуж, родилась моя мама.

С ними в одном бараке жили и немцы, калмыки часто с ними спорили, кого освободят раньше. Калмыков освободили раньше. На пароходе они добрались до Сальска, оттуда до Башанты — на лошадях. Здесь бабушка до пенсии работала санитаркой.

В Сибири бабушка потеряла 10 братьев и сестру. Самый младший, Анджа (Саша), пропал без вести. Он служил сверхсрочно, в Германии был офицером. В 1958 г. он приезжал в Башанту навестить бабушку, затем уехал в Москву и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Мало кто может позавидовать такой судьбе. Судьбе, похожей на судьбы тысяч других калмыков. Обидно за свой народ, но обида и чувство глубочайшей несправедливости — это то, что до сих пор живет в сердце каждого калмыка, то, чего никогда и никаким образом не стереть, не вырвать, не вытравить. Как воздать должное этим людям? Как загладить вину перед ними? Как вернуть потерянных навсегда родных и близких? Как изменить историю?

Низкий поклон нашим бабушкам и дедушкам за то, что они не сдались, а верили и выжили. Спасибо за то, что вернулись на Родину и дали начало новому поколению, спасибо за нас.

В память о погибших, в память о тех, кто боролся за свободу и справедливость, сегодня издаются книги, возводятся памятники, чтобы каждый человек, который вступит в этот мир, хранил в себе эту память и чтобы никогда никто не позволил такой трагедии повториться ни у своего народа, ни у любого другого. Эта память всегда жила, живет и будет жить! Это Вечная Память!

1997

Алля Бадмаева

Вот прошло уже более пятидесяти лет. Казалось, время залечивает все раны, время — лучшее лекарство. Но то, что произошло с калмыцким народом, причем произошло вовсе не случайно, не может быть забыто: такое не забывается, а навсегда, как страшный сон, накладывает свой отпечаток

на каждого, кто смог выжить в те суровые годы. О тех годах напоминает память о близких и родных, боль в душе, которую ничем не залечить, морщины на лице и на руках, говорящие о непосильном труде в суровых сибирских условиях.

Но я не могу понять, почему пострадал весь народ, ведь не может же быть такого, чтобы целый народ был предателем и фашистским пособником. Я не спорю с тем, что и среди калмыков были такие, но во всем мире нет, пожалуй, такого народа, где бы не было предателей. Тогда почему за несчастную горстку предателей и сволочей отвечает весь народ? Это слишком жестокая мера наказания, лишённая всякого смысла. В чем виноваты старики, дети, больные? «Их за что?» — спрашивает моя бабушка, Бадядаева Ноган Лиджиевна, тоже пережившая эту трагедию. Она до 1943 г. работала в колхозе «XVIII партийный съезд», муж ушел в 1941 г. на фронт, и она осталась одна с двумя детьми на руках. Было ей 32 года, когда рано утром 28 декабря к ним в дом вошел русский солдат и сказал, чтобы она быстро собрала теплые вещи: их отправляют в Сибирь — всех! Потом солдат помог им собрать вещи, принес из амбара мешок муки и мешок зерна и донес все это до клуба, где собирали всех жителей. Бабушка говорит, что ей очень повезло, что к ним пришел такой добрый солдат. Она всю дорогу потом молилась за него, ведь мука и зерно им оченьгодились в первое время. Двое суток они прождали в холодном клубе, и только поздно вечером следующего дня их погрузили в грузовые машины, и они поехали в сторону Дивного. Там их ждали пустые холодные вагоны, в которых не было даже нар, лишь одна печка-буржуйка. И в таких жутких условиях они ехали две недели. В дороге погибло очень много знакомых односельчан, но дети, две девочки, чудом выжили. И вот они прибыли в Омскую область, Тарский район, где сначала она работала на рыбозаводе, затем семь лет в леспромхозе. В 1944 г. приехал муж и сразу же устроился работать на заготовках. Это адская работа, часами приходилось стоять в воде. В 1951 г. они переехали в Усть-Ишимский район, где тоже работали на лесозаготовках. В тот же год у них родился мальчик, но он тяжело заболел и умер в 1952 г. в апреле месяце. Но говорят, горе одно не приходит. Через день после смерти сына, переправляя через Иртыш лес, утонул муж.

За эти годы, прожитые в Сибири, она потеряла самых близких и дорогих людей — мужа и сына, но у нее оставались две дочери, ради которых она продолжала жить. Несмотря на все трудности, она не сломалась, она полна еще жизни, но не любит вспоминать те черные дни. Мне кажется порой, что эти хрупкие плечи, вынесшие все испытания, способны вынести все! Но всему есть предел. Так пусть каждый из нас постарается сделать все возможное, чтобы такого больше не повторилось, ведь все мы

хотим жить в мире, спокойствии, зная, что ничто не грозит ни нам, ни нашим родным.

1997

Андрей Бачаев

Не хочу повторяться, но все же надо сказать о том, что в 1943 г. случилась страшная трагедия для калмыцкого народа. На мой взгляд, тема депортации — это большая и полная трагизма тема для всего калмыцкого народа, а в особенности для стариков. Конечно, многие люди, оставшиеся в живых в ходе депортации, вспоминают об этой наболевшей теме со слезами на глазах. И я думаю, что ту боль и скорбь, которую пережило старшее поколение, невозможно прочувствовать и понять нашему поколению. Думаю, надо пожалеть и посочувствовать тем людям, попавшим в Сибирь на долгие и трудные тринадцать лет. Много прошло лет с тех пор, как калмыцкий народ возвратился на родную землю, но еще живут воспоминания в сердцах людей, так как такое не забывается никогда.

Сейчас я хочу рассказать историю, которая произошла с моими бабушкой и дедушкой во время депортации. Во-первых, я хотел бы сказать, что в то время мой дед работал в НКВД. Незадолго до депортации дед был отправлен на службу на Северный Кавказ, а бабушка осталась в Элисте. Бабушка мне рассказывала, что однажды к ним домой пришли люди из НКВД и сообщили о том, что нужно собрать вещи и пойти в НКВД. Вообще с женами тех калмыков, которые работали в НКВД, обошлись немного лучше, чем с простым населением. В НКВД бабушка узнала, что вышло постановление о депортации калмыцкого народа, так как калмыцкий народ является народом-предателем. Затем бабушка села на поезд, который ехал в город Чернигов. В этом поезде также были и другие калмычки, жены калмыков, работавших в НКВД и в то время служивших за пределами Калмыкии. Когда моя бабушка прибыла в Чернигов, она была поселена в частном секторе, как и другие калмычки. Бабушка прожила в Чернигове около полугода, затем к бабушке в Чернигов приехал дед, который был отозван в Элисту с Северного Кавказа, где он служил. Дед знал о депортации, поэтому он взял с собой необходимые теплые вещи. Из Чернигова дед и бабушка уезжают на поезде на Сахалин. Там дед и бабушка прожили вплоть до 1957 г. Бабушка рассказывала, что на Сахалине к ним отношение было нормальное. По крайней мере, их не боялись, не называли предателями и так далее. Дед стал работать в местных органах, до этого у него было звание старшего лейтенанта. Жилось в городе Охе бабушке и деду поначалу трудно. Но потом стало легче. Дед не раз писал письма в Москву высшему руководству о том, что калмыцкий народ должен вернуться

к себе на родину. Надо сказать, что только в 1957 г. оправдались долгожданные надежды и сбылись мечты калмыцкого народа. Конечно же, калмыки, возвратившиеся на родину, плакали, а некоторые даже целовали мать-землю. В заключение я хотел бы сказать, что как ни говори, а трагедию эту уже не исправишь и нельзя вернуть тех калмыков, которые умерли в годы депортации.

1997

Седкл Барваева

Сейчас мы живем в очень трудное время. Многие люди жалуются на свою жизнь: нет денег, работы, холодно, ездят плохо автобусы, инфляция. Но, мне кажется, это ничто по сравнению с тем, что пережили наши бабушки и дедушки. Им довелось видеть холод, голод, смерть, но они не сломались и смогли все выдержать и пережить все невзгоды. Нет такой семьи, у которой хоть кто-нибудь не остался навечно в землях Сибири. Я даже не представляю тот мороз и холод, когда везли калмыков. И мне очень больно за нацию, за то, что их выселили. Ведь если бы не выселяли в Сибирь, то каким многочисленным народом были бы мы!

Вот история, которую мне рассказала бабушка. Когда начали выселять калмыков, ей было всего лишь шесть лет. Но она все равно немного помнила, и кое-что ей потом рассказали родители.

Бабушка в семье была третьей. Им разрешили взять немного вещей. В ковры толстыми нитками зашили вещи. Кое-что взяли из продуктов. А также швейную машинку, которая помогла им в то время. Дорога была очень трудной и холодной. Ехали в товарных вагонах с плохо отапливаемыми печками-буржуйками. И мать, как могла, согревала детей, чтобы они не умерли. На каждой станции ходили за кипятком, но остановки были не так уж часты, поэтому в полу прорубили дырку, чтобы можно было ходить в туалет. Людей, которые умирали, просто выносили из вагона и оставляли. Когда прибыли на место, их поселили в бараке, в котором находилось очень много людей. Потом уже их переселили во что-то вроде кухни, в которой в каждом углу жила семья. Тот ковер, который взяли с собой родители, бабушка поменяла на картошку и муку. Кое-чем им помогали русские, хотя в первое время они обходили их стороной. Мать бабушки умела шить, поэтому она зарабатывала шитьем: кто даст муку, кто картошку. А отец развозил шкуры. Бабушка говорит, что он приносил их с собой вечером домой. На внутренней стороне было немного жира, и они все скоблили его и потом употребляли в пищу. А наутро отец их отвозил. Вот так и жили, спали в первое время на одном одеяле, а укрывались фуфайками. Через несколько лет сумели построить землянку. И в ней прожили до конца.

Вообще бабуля говорит, что они плохо жили где-то год, а потом лучше: «почти не нуждались». А когда разрешили возвращаться на родину, они сразу же поехали на поезде, уже в нормальном, не в товарняке. И для многих калмыков то был самый счастливый день в жизни — возвращение домой.

Сейчас очень мало осталось стариков, и с каждым годом их становится все меньше, но, несмотря на то, что они пережили, их сердца и души не очерствели и они самые добрые и милые люди. И я люблю всех стариков и удивляюсь, почему у нас есть стардом¹. Ведь благодаря старикам наша нация жива, а с ними так плохо поступили. Мне кажется, несмотря на нужду, люди должны заботиться о своих близких, тем более о родителях, и не отдавать их в стардом. Когда я езжу на «двойке»², то часто встречаю стариков, которые едут в стардом, и мне очень больно и жалко становится. Неужели они приехали на родину, чтобы состариться и умереть в одиночестве? Мне кажется, они этого не заслужили. Им и так несладко пришлось в холодной Сибири. Конечно, им сейчас дают пенсии, дотации за имущество, которое они потеряли. Но мне кажется, что ничто не может залечить ту глубокую рану, которая у многих людей осталась на душе. Поэтому все должны уважать старых людей. Если бы я была волшебницей, то сделала бы так, чтобы никто, никакая нация не была подвергнута такому изгнанию, как калмыки. Я никому, никому на свете, пусть даже самому плохому, не пожелаю никогда того холода, голода и смерти, которые испытал калмыцкий народ. И этот день, день выселения, помнят и будут помнить все. Но день возвращения домой — это национальный праздник для каждой семьи. Так как лучше, любимее родины нет ничего в мире и на всем свете.

1997

Вика Болдырева

В 1943 г., 28 декабря, за три дня до Нового года, калмыки были депортированы. Что значит депортация для калмыцкого народа? Новый год принес трагедию в каждую семью.

В морозное утро весь народ был погружен в вагоны и отправлен в неизвестность. Никто не знал куда едут, зачем едут, почему? Никто не знал, что впереди. Никто не знал, что это будет великая трагедия, которая унесет тысячи жизней и о которой будут писать скорбные стихи и песни.

Вот что рассказала мне моя бабушка. В их дом постучали в три часа ночи. В дом вошли офицер и два вооруженных солдата. Зачитали указ и

¹ Дом престарелых.

² Автобус номер 2.

дали тридцать минут на сборы. На столе стояла фотокарточка отца моей бабушки. Он воевал на фронте, был в звании офицера. Когда они увидели ее, то, видимо, им стало чуть-чуть не по себе. И тогда офицер сказал: «Это не мой указ, я нахожусь в подчинении».

А затем, когда рассвело, в средней школе собрались жители поселка. В руках — маленькие свертки, в глазах — недоумение. Дети плакали, так как хотели есть. Женщины пытались их успокоить. А затем всех стали раскидывать по вагонам. Дело в том, что вагоны к тому же были для перевозки не людей, а скота, с небольшой печкой-буржуйкой, которая вот-вот сломается.

Некоторые теряли своих родных. Так, например, в семье бабушки было пять человек: мама, бабушка и три маленькие дочки, старшей из которых была моя бабушка. И они взяли к себе еще одну маленькую девочку, приняли ее как члена семьи: кормили, поили, грели, отдавали любовь и ласку. Найти ее мать было практически невозможно. Поэтому до конца поездки она ехала с ними. Впоследствии семья этой девочки была как бы семьей моей бабушки. Они стали общаться и стали очень дружны.

Я не буду писать о жизни калмыков в Сибири. Уже много написано. Но хотелось бы просто описать свои ощущения и свои впечатления о 28 декабря 1996 г. В этот день было запланировано открытие мемориала жертвам репрессий.

В то утро мы вместе с авой пошли на открытие. Мороз был сильный, жгло щеки и глаза. Дул ветер, холодный, который пытался пролезть сквозь одежду и заморозить. На территории мемориала было очень много людей и звучала калмыцкая песня. Невольно наворачивались слезы, но я не прятала их, потому что плакали все. Было очень страшно думать о том, что в такое же утро, а может и морознее, мои ава и эджя были выселены, лишены тепла и крыши над головой. Невольно представила, что было бы сейчас, если бы выселили нас. Я бы, наверное, не смогла вынести всего этого.

Но все же мы смогли выстоять. И в этом заслуга наших дедушек и бабушек. В Сибири все сдружилось, не буду описывать, почему это произошло, скажу лишь, что понятия чести, достоинства, свободы мысли не были затоптаны и забыты калмыками даже в самые тяжелые минуты, когда уже не осталось слез в глазах.

Не надо забывать, что произошло. Надо помнить для того, чтобы избежать повтора в будущем. Надо помнить тех, кто умер, кто хотел вернуться и лелеял эту мысль в душе, тех, кто не забыл природу калмыцкой степи, тех, кто смог выжить.

1997

Нимгир Бочкаев

Я не могу в точности описать страдания и горести выселенных народов, в частности калмыков, так как сам их не видел и не чувствовал. Я просто хочу написать о судьбе моих близких родственников, которые пережили (к сожалению, не все выжили) эти злосчастные 13 лет и своими глазами смотрели в темные глаза смерти, но смогли избежать ее.

В то страшное утро 28 декабря 1943 г. мой прадед, Бочкаев Боба Озаевич, по профессии сапожник, встал как обычно в 6 утра. Через полчаса к нему в дверь постучали и вошел молодой русский солдат и сказал, чтобы он одевался, разбудил жену и детей, и добавил, что повезут их далеко и надо взять с собой побольше теплых вещей, еды и ценности. В девять утра сельчан собрали в школе, посадили на машины и повезли на железнодорожную станцию в Дивное. Там уже было много калмыков, и никто не знал, что происходит. Народу зачитали постановление Сталина и начали погружать людей в вагоны обычного товарняка. Ехали они очень долго, и каждый день у них в вагоне кто-нибудь умирал... Состав пришел в Омскую область, Иссыль-кульский район, где впоследствии родился мой отец. В первые месяцы, как и всем переселенцам, калмыкам было очень трудно, но у Бобы Озаевича было много заказов на ремонт и пошив валенок, за которые платили едой, и благодаря этому у него в семье ничего не случилось. Забегая вперед скажу, что благодаря добросовестному труду семья моего прадеда уже через три года по тем меркам жила довольно хорошо. Но в первый год они часто переезжали с места на место, так как один из сыновей Бобы Озаевича — Нимгир, тот, чье имя я ношу, очень сильно заболел. Это произошло, вероятно, из-за резкой перемены климата. Он умер, когда ему было всего четырнадцать лет... Там же, в далекой Сибири, вдалеке от своей Родины, умер и сам Боба Озаевич и несколько его братьев и сестер.

Мою бабушку, уже по материнской линии, демобилизовали с фронта в 1944 г. Она служила в зенитных войсках, и на ее счету немало сбитых немецких самолетов. Она попала в Красноярскую область и каждый день писала в различные инстанции в надежде найти свою семью и нашла ее все в той же Омской области. Они жили в маленькой землянке на берегу реки Омь. У них был свой маленький огород, корова и несколько гусей, и это и было все хозяйство. Как вспоминает моя мать, за водой они ходили на речку с обрывистыми берегами и, чтобы спуститься к реке, летом нужно было потратить около двадцати минут, а что было зимой, я писать не буду, сами понимаете. Но как бы ни жили калмыки в Сибири, бедно ли, богато ли, они жаждали только одного: побыстрее покинуть холодную и лесную Сибирь и попасть, наконец, в солнечную Калмыкию. И когда в 1956 г. пришло известие, что калмыки могут вернуться на Родину, землю своих предков,

все калмыки стали продавать свое хозяйство, садились на поезд и, хотя ехали очень долго, около двух недель, были радостными и предвкушали, как они сойдут с поезда и протянут свои охладевшие в Сибири руки к солнцу и жаркое степное солнце отогреет их, как выглядит Родина их дедушек и бабушек, о которой они так много слышали из рассказов стариков и песен, сложенных народом в годы ссылки.

Это мое рассуждение было бы неполным без благодарных слов в адрес Н. С. Хрущева. Никита Сергеевич уважаем и чтим калмыцким народом более чем кто-либо из политических руководителей страны, так как он взял на себя ответственность и смелость заявить в достаточно трудных исторических условиях, что высылка народов была большой исторической ошибкой Сталина. И хотя Хрущев не признал, что высылка — это геноцид, но зато он дал вернуться калмыкам на Родину, восстановил автономную республику и дал почувствовать себя равноправными в семье советских народов.

В заключение хотелось бы выразить огромную благодарность от молодого поколения всем тем, кто вернулся. Ведь благодаря им мы родились и живем на Родине наших отцов. И мы никогда не забудем этой черной страны в истории нашей Родины. Спасибо вам!

1997

Даната Буруткина

Ссылка в Сибирь — это одно из трагических событий в истории калмыцкого народа, которое оставило глубокую рану в сердцах людей.

Эта рана никак не может зажить, так как до сих пор мы ощущаем последствия сибирской ссылки. Многие из тех, кого сослали, пожалуй, хотели бы забыть те страшные дни, но это невозможно.

Каждый год двадцать восьмого декабря во многих домах зажигаются лампадки в память о жертвах тех репрессий. Почти в каждой семье есть старики, которые пережили годы ссылки. И они, вспоминая те дни, горько плачут, как будто это произошло только вчера. Они вспоминают о своих детях, родных и друзьях, которых они потеряли в холодной Сибири. Эта ссылка очень сильно повлияла на всю дальнейшую судьбу калмыцкого народа.

У каждого из нас есть свои рассказы бабушек и дедушек, отцов и матерей, побывавших в Сибири. Путь к местам ссылки был трудным, но жизнь в холодных краях была не менее сложной. Моя бабушка не была сослана, так как ее мать была замужем за украинцем. Но я знаю историю, которую рассказал мне мой дядя. Он родился и вырос в Сибири, как и многие наши родители. Однажды дядя Саша увидел, как местный мальчик что-то ел.

Мальчик дал ему попробовать. Это было вкусное и сладкое яблоко. Саша никогда ничего подобного не ел. Прибежав домой, он схватил картошку и начал ее есть, думая, что это одно и то же. Когда пришла мать, она увидела плачущего сына и попыталась узнать, в чем дело. Саша сквозь слезы спросил, недоумевая: «Почему она (картофелина) такая невкусная?» Мать горько улыбнулась и заплакала.

Жизнь калмыков в ссылке была полна страданий и трудностей. Вечный холод и голод постоянно сопровождали их. И только благодаря упорству, а также участию и помощи местного населения калмыки смогли преодолеть эти годы и снова увидеть теплую родную степь, образ которой они бережно хранили в памяти.

1997

Мария Булукова

Будет все-таки сложно нам, не бывшим в депортации, представить подлинную трагедию нашего народа. Однако, слушая рассказы своей бабушки, я не могу не чувствовать постоянной боли от пережитых унижений, страданий, от несправедливости.

В 1943 г. она училась в Астраханском пединституте, жила заботами обычной студентки. Уходил старый год, у всех было предпраздничное настроение, впрочем, студенты готовились к сдаче зимней сессии. Ничто, казалось, не предвещало ничего плохого...

28 декабря в шесть утра в комнату общежития, где бабушка проживала с землячками, постучали. Резко, напористо, грубо. Открыв дверь, они увидели двоих солдат, которые приказали им спуститься в аудиторию. Наспех одевшись, растерянные, все собрались вместе, и им был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР... от 27 декабря 1943 г. В первые минуты все находились в состоянии оцепенения, и вдруг в тишине раздался тихий всхлип. Офицер приказал собраться всем через два часа...

Студентов и учителей распределили по вагонам на долгие две недели пути, в течение которых им перепало по кружке кипятка и миске жидкой «баланды». Ехали через Семипалатинск в Утурский район Красноярского края. В пути калмыки делились последним; в вагоне люди переживали, думая, что по прибытии их убьют. Под Семипалатинском бабушке приснилось, будто она с подругой нашла красный шарф, расшитый золотом. Подруга предложила его поделить, но баба сказала, что если его разрезать, то он рассыпется, и забрала. На том и проснулась. Сон вызвал усмешку со стороны студентов, и только умудренный жизнью старик, убеленный сединами, попросил повторить приснившееся. Выслушав бабушку,

он со слезами на глазах расцеловал ее, объяснив, что калмыки не погибнут, но выживут и вернуться на родину.

После долгого пути в Ужур предстояли еще семнадцать километров по морозной тайге. Местные власти выделили пару громадных саней, которые должен был тащить трактор. На сани посадили самых больных, слабых, стариков, детей. На них разместились около семидесяти человек. Остальные, в основном молодежь, шли пешком. Когда добрались до совхоза, выяснилось, что все, кто ехал на санях, замерзли. Оставшихся в живых расселили по домам. Калмыков определили на подсобные работы, особенно тяжелы были первые годы, не сравнимые ни с чем по произволу, жестокости, насилию. Бабушке вспоминается один случай, когда пожилую женщину-калмычку избил председатель колхоза за пустячную провинность. Долго, жестоко бил палкой, пинал ногами. И некому (да и некуда) было пожаловаться на свою тяжелую жизнь.

Через год бабушка получила паспорт и устроилась швеей в артель «Пламя». Но как выяснилось, ненадолго. Директор артели как-то сказал, что врагам народа сидеть за швейной машинкой не положено, и приказал отправить ее на кирпичный завод месить глину.

Так в бесправии и унижении прошли тринадцать лет высылки. Понимаю, что всего просто невозможно описать, но даже такая маленькая доля свидетельствует о том горе, какое пришлось испытать нашему народу.

1997

Екатерина Гайворонская

Узнав голод, человек не хочет больше голода.
Узнав войну, он осуждает убийство.
Несправедливость порождает в нас
Стремление к справедливости.

Поль Элюар

Признаюсь честно, задание написать сочинение на тему депортации калмыков было для меня неожиданностью. Оно побудило меня задуматься: каково же мое мнение, мой взгляд на трагедию, развернувшуюся здесь, в Калмыкии, более пятидесяти лет назад. Нельзя сказать, что раньше я ни разу не задумывалась над этим. Но, как выяснилось, я осознавала все на полудетском уровне. Это плохо! Это жестоко! Так нельзя. И все!

А если подумать? Часто ли мы, не пережившие этого горя, этой трагедии, говорим о ней? Пожалуй, нет! Мы и вспоминаем-то о ней лишь в дни траура. И уже на следующее утро гоним мысли об этом всенародном горе. Мы щадим себя, ведь это ужасно, когда после рассказов очевидцев представляешь себе женщин, детей, стариков, согнанных, как скот, в огром-

ные товарные вагоны, и ощущаешь почти физически холод и сквозняки. Слышишь плач детей и крик матерей, видишь слезы стариков...

Да, это ужасно. Но это было, и от этого никуда не уйти. Это наша история. Это наше прошлое. Мы ничего не можем изменить, а можем лишь помочь тем, кто выжил. Как? Не забывайте о них, об их мужестве, об их стойкости и силе...

Поднеси старику чашку джомбы, сядь рядом с ним на циновку, вырвись из вечного круговорота сансары и задумайся над жизнью, над своей жизнью, над жизнью своего народа. А если станет трудно, возникнут вопросы — спроси у старца. И тогда мудрость времен ответит тебе на них и солнце нового дня взойдет над благословенной страной, над твоей и моей Родиной.

1997

Баурта Гавирова

Послал калмыкам
«мудрый» Сталин
«Подарок» свой под
Новый год.
И скот ревел, и вдовы выли,
Над Волгой мчались поезда.
Людей насильно увозили
В Сибирь на долгие года!

С. Мазуркевич

Представим себе на минуту положение калмыка-спецпереселенца в те далекие годы депортации, положение жалкое, исключительно тяжелое и безрадостное. Многие народы подверглись выселению. Ныне ни у кого не возникает сомнений: депортация народов не дала ничего, кроме бессмысленных жертв, она посеяла семена распада нашего многонационального государства.

Операция «Улусы» началась 28 декабря 1943 г., но нет сомнений в том, что все вопросы о депортации калмыков и других народов были решены Сталиным и его ближайшим окружением заблаговременно. Правда, чему удивляться: о тонком лицемерии, рассчитанном ханжестве Сталина все знали, но боялись не то что вслух сказать, а даже подумать. Почти все операции проводились в дни, выпадавшие на праздники: в 1943 г. 4 ноября были выселены в Среднюю Азию карачаевцы, 28 декабря — калмыки, уже в 1944 г. 23 февраля — чеченцы и ингуши, 8 марта — балкарцы и 18 мая в Казахстан и Среднюю Азию — крымские татары.

Так, за 3–4 дня до Нового года, началась эта гнусная акция в отношении нашего народа. «В ту ночь, — вспоминает Галина Алексеевна Бадминова, —

мой отец, бывший тогда наркомом юстиции республики, вернулся домой не один, его сопровождал оперсотрудник госбезопасности. Нас всех разбудили, и отец сказал, что надо срочно собираться. Этой же ночью нас всех повезли к кинотеатру “Родина”. Там было уже немало калмыцких семей. Продержали здесь два дня. Кормили один раз, за пределы кинотеатра никуда не выпускали...

Уже к вечеру стали подгонять покрытые брезентом грузовые машины, в которых нас повезли к железнодорожной станции Дивное. Когда сажали в машины, солдаты хватили всех за руки и ноги и забрасывали в кузов. При этом проявляли такую дикость, грубость и жестокость, какую представить невозможно. Скорбно и тоскливо мычали коровы, блеяли овцы, плакали верблюды: от этой какофонии становилось жутко и страшно, в жилах стыла кровь, волосы становились дыбом. Такую страшную картину можно было наблюдать повсюду: во всех хотонах, селах и поселках.

Но несмотря на все трудности, калмыки выстояли в суровых сибирских условиях. Помогли им в этом советские народы. Калмыки крепко подружились с местным населением, которое делило с ними “и судьбу и хлеб”. И пришло наконец-то долгожданное освобождение. 17 марта 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР “О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении”».

Калмыки, истосковавшиеся по родным местам, массами возвращались домой, невзирая на запреты и трудности пути. Наш народ несправедливо был выслан в Сибирь. Десятки народов, подвергшихся депортации, были невиновны. Правдивая, объективная с принципиальных позиций история о преступлениях прошлого нужна не только нам, живущим сегодня, но и нашим потомкам, которые с полным основанием, не боясь ничего, смогут сказать свое решительное «нет» любому насилию.

1997

Галина Дженжиева

Тихим морозным утром 28 декабря 1943 г. Мацак находилась в одном из селений, возвращаясь из Малых Дербет в Гурвн Худук, где жила ее семья. Муж ее был на фронте, а дома остались ее мать, полуторагодовалый сын и племянница мужа. Ее сестра была замужем, но в то утро она находилась у них. Когда пришли солдаты и зачитали постановление, Мацак стала объяснять им, что у нее семья и ей обязательно нужно быть с ними, особенно она беспокоилась за своего маленького сына. Тогда солдаты объяснили ей, что всех калмыков будут свозить на одну железнодорожную станцию, где она может найти своих родных.

В это время в Гурвн Худуке солдаты пришли забирать ее семью. Они посоветовали взять с собой одежду, еду и топоры, объяснив, что их повезут в холодный лесной край. Всех повезли на станцию в крытых машинах. На станции Мацак стала бегать от машины к машине и звать мать и сына. Из одной машины она услышала плач сына и очень обрадовалась. Когда всех пересадили в вагоны, сестры с ними уже не было, так как ее забрала к себе свекровь. И именно тогда, по пути в далекую, холодную Сибирь, они вспомнили тех солдат, которые посоветовали взять с собой еду и одежду. Благодаря этому их семья выжила и добралась до Сибири. У них была маленькая семья, поэтому их поселили в семью, в то время как других поселяли в бараках...

Эту историю мне поведала моя бабушка Ванькаева Мацак Модункаевна. Я думаю, что в моем пересказе это звучит как-то не так, потому что это случилось не со мной.

Моя бабушка иногда говорит по-русски, но когда из года в год 28 декабря просишь ее рассказать об этом, на русском она говорить не может, потому что выразить свои чувства она может только на калмыцком языке. Мне запомнился такой эпизод из ее рассказа. Когда в деревню, где они жили в Сибири, пришел слух о смерти ее сестры, она не могла в это поверить и пошла пешком в то село, где жила ее сестра. Через сугробы, в мороз, она шла и плакала. Ей понадобилось много времени, чтобы дойти и увидеть, что сестру похоронили. Моя мама родилась в Сибири в 1955 г.

Когда я была маленькой, мне кажется, я лучше понимала бабушку. Дети обычно одухотвореннее, доверчивее. В детстве я плакала, узнав, что дедушку моего лишили какой-то медали только потому, что он калмык. Мне было обидно, но я скрывала от всех свои слезы. Сейчас я все понимаю разумом, а не душой. Мне все кажется таким далеким, и мне удивительно узнавать о прошлом людей, живущих в настоящее время.

Хотя мы и не должны забывать нашу историю и прошлое нашего народа, мы должны всеми силами стараться исправить ошибки прошлого и пытаться изменить жизнь народа к лучшему, потому что жизнь народа зависит от жизни каждого, а не думать только о личной выгоде.

А самое главное, я думаю, мы не должны повторять такие ошибки прошлого, как войны, репрессии, а должны радоваться и наслаждаться мирной жизнью, когда их нет.

1997

Артем Демиденко

Грязно-бордовой тучей, черным проклятьем нависла над Россией война. Лютая война. Дымное белое солнце мутной слезою нависло над землей. В лужах крови оседал черный от пороха снег. Недаром окрестили ее

Великой. Пришла она, безжалостно вырвав из семей отцов, братьев, сыновей, взвалив и соху, и семью на женские плечи. Но нет, не только до сердец решила добратся она, растерзав и втопав их в землю...

Решила она покоробить и души, проникнув в них своей холодной узловатой рукой, опустошив их навечно. Что только не вершилось под ее черным крылом... Предательство, зверство, беззаконие.

Дьявольское семя, засеянное ею, обильно политое раскаленным свинцом и кровью, поднялось и расцвело черным цветом народного горя... Жил народ. Так же, как и все, мужи его отправились воевать, отяжелив свои рабочие руки оружием, а сердца свои — разлукой с семьей. Не думали они, что возвратиться будет некуда, не думали об этом, оставляя стариков, жен, детей своих. Просто не знали. И ушли... А они остались. Голодные глаза да рваные рубахи. Да если бы только голод... Черной волною нахлынула вражья нечисть, тысячами истребляя невинные души. Не захлебнулись. Выстояли. Но следующий удар пришелся оттуда, откуда его ожидали меньше всего. Только лишь ослабла мертвая хватка супостата, как на горле народа сомкнулись железные ручищи власти. Власть же назвала это карой, возмездием. Громко сказано? Да. Но карой за что? Ответа не было. Был лишь холодный декабрьский день, военные машины, оружие, тускло блестящее в утреннем свете, а потом грязные скотские вагоны, не без иронии, видно, названные кем-то «теплушками». А потом была дорога... Дорога в Никуда... Опали годы, словно осенние листья, упав безликим грузом цифр, выводов, тезисов на печатные листы «гербариев по истории».

Безжалостно время, словно опытный гример, колдующее над лицами. Точно грим ложится на них тяжесть лет. Возникает замысловатый узор морщин. Цепкий, неуловимый когда-то взгляд, запутавшись в невидимых паутинках, тускнеет и блекнет. Белеют волосы. Изменилось и лицо пятнадцатилетней девочки из далекого 1943 г. Волосы ее, некогда шелковистые, а сейчас поредевшие и седые, аккуратно схвачены ремешком. Лицо неподвижно и безжизненно, глаза смотрят в глубь души — единственно надежное место в этом мире. Но все это лишь субъективные домыслы. Гораздо важнее то, что в действительности скрывается под неподвижной дымкой, охраняющей ее мудрый сумрачный взгляд.

...Но вот она заговорила, и я склонился над листом... Я писал, и память времен неровными строчками ложилась в строгие клетки тетради:

«...В 1941 г. семья жила в селе Амур-Санан Городовиковского района. Там же жили две старшие сестры с семьями, бабушка с бабушкой, отправившие единственного сына на войну. Война забрала и мужей у сестер. А осенью 1942 г. они сами, а вместе с ними дядя и брат, уехали копать окопы в станицу Котельниково, что в Ростовской области находится. Мать наша, оставшись одна с малышкой, управлялась со всеми тремя хозяй-

ствами, воспитывала детей из трех семей. Летом 1942 г. район был оккупирован немцами. Одна из сестер в это время эвакуировалась из Улан-Эрге. Мужчины все разбежались, испугавшись немцев. Остались только сестра и ее подруга. Они вдвоем и спасли целый колхоз¹, не ожидая никаких наград и особых благодарностей. Да наград и не было. Умерла сестра в селе в Ставропольском крае в 48 лет. Прожила недолго, зато оставила на этой земле после себя восьмерых детей. И все они с высшим образованием. Она добилась.

Летом 1942 г. советские войска, попавшие в окружение, были разбиты. Солдаты, раненые и голодные. Жалкими кучками, пытаясь пробиться к своим, приходили в калмыцкие села просить убежища.

Однажды вечером пришли уже по темноте двое. Узбеки². По-русски почти не говорили. Только и могли сказать: «Пустите, спрячьте нас!» Мы им говорим: «Нельзя! В селе немцы!», а они только плачут и все просят. Мы пустили, что же было делать?

В те времена дома топили кизяком. Около дома лежала большая куча. Постепенно середку ее выбирали и получалась дырка. Туда их и спрятали, а дыру кизяком заложили. Кормили, лечили их целый месяц. А потом они ушли, вечером. Добрались ли до своих? Неизвестно...

А как только освободили нас в январе 1943 г., так 28 декабря собрали всех и повезли в Сибирь. Вагоны были очень холодные, много людей болело, умирало. Через две недели попали в Омскую область, в Кормиловский район, в село Некрасовка. Вся семья сразу же заболела тифом. Болели не видя просвета, на протяжении всей зимы. Весной, лишь стало немного легче, отправили нас на Крайний Север, в Тюменскую область. Попали в Ханты-Мансийский национальный округ, в рабочий поселок Березово, где с 15 лет начала работать на Березовском рыбзаводе. Село Березово находилось в 15 километрах от Салехарда, там где Иртыш впадает в Обскую губу, а потом изливается в Карское море. В летний сезон там занимались ловлей рыбы, а зимой заготавливали лес». С 1945 по 1957 г. Соня Павлова (так зовут мою рассказчицу) проработала на таких рыбных угодьях, как Лотпан, Сартынпан, Нюрик, Кузьминские и Козловские места. Лес же заготавливали на Люлюкарских, Новинских, Малевских, Бобровских лесоучастках. Рыбу добывали на рыбацких песках (места по берегу Иртыша и Оби), путь к которым лежал через топи в разливах этих рек. Один неосторожный шаг — и человек увязал с головой. Поэтому на ловлю ходили лишь с опытными рыбаками, связавшись общей бечевой. Однажды два сезона подряд пришлось ловить рыбу подледным ловом. Во льду толщиной в 1,5–2 метра выдалбливали майны: проруби в 2 метра длиной и в полметра

¹ Сохранили колхозное имущество.

² Видимо, дезертиры из туркестанского легиона на службе вермахта.

шириной. В них опускали сети, обвешанные грузами, или «кибасами», в двести граммов на каждые двадцать сантиметров. Вместе с рыбой сеть из майны шла очень тяжело. Но приходилось тянуть. Да это еще полбеды. Со всех сторон дул ветер, а мороз был в 40–50 градусов. Руки белели и покрывались ледяной коркой. Чтобы отогреть руки, их засовывали под одежду и прижимали к животу. Было холодно, словно притрагиваешься к кускам льда. А отогрев их чуть-чуть, снова принимались за работу. Как солдату часто снится война, так и ей — этот адский труд, особенно зимой, когда руки начинают отниматься от боли.

«Но были и короткие минуты радости. На заготовке леса жили в больших бараках. И мужчины, и женщины вместе: мужчины по правой стенке, а женщины по левой. Участок был многонациональный: жили там и русские, и калмыки, и украинцы, и белорусы, и молдаване, латвийцы, литовцы и даже финны и немцы. Целый день работали, а к вечеру возвращались в бараки. И там начинались игры, танцы. Хоть в неволе, а душе все же хочется радоваться. Чуть ли не полбарака у нас было гармонистов, так что в них недостатка не было. Были у нас и свои песни, и свои частушки, не знаем только, откуда силы брались на все это, но веселиться мы умели. А то бы долго не прожили. Были мы словно одна семья, все семьдесят человек.

Жила у нас в бараке одна парочка. Галя и Георгий. Видно было, любили друг друга очень. Да все у них было как-то несерьезно. Сойдутся на танцах. Поговорят, поговорят и снова расходятся. Вот и решили мы их поженить. Пока были они на танцах, мы перенесли ее матрас и одеяло на правую сторону Георгия. Пришла она. Ищет и никак не может найти свою постель. Спросила у нас. А мы ей сказали: “Живешь ты теперь с Георгием. Жена ты ему”. Она сначала испугалась, сконфузилась. А потом обрадовалась, даже поблагодарила нас. Той же ночью сыграли свадьбу. Выпросили для них местечко в углу. Согрели черного чаю. А конюх наш, Яков (очень интеллигентный человек — всех называл по имени-отчеству), дал нам немного овса от комендантских лошадей и медвежьего жира. Мы сварили каши и устроили настоящий пир. Со следующего дня все их уже считали мужем и женой.

Начальником нашего участка был русский, Арзамасуев Петр Александрович, который относился к нам по-отечески ласково. Всегда проверял: пришли ли с работы “малютки”? Малютками называли меня и мою подружку и напарницу Тамару Васильевну Пахутову. Нам было тогда лет по пятнадцати отроду. И участок был за 7 километров от бараков. Вечерами, усталые, плелись самыми последними. Но мы старались выполнять дневную норму, хотя это редко удавалось даже взрослым.

Летом начинался летний лов. Работали бригадами. В нашей бригаде было всего двое мужчин. Один из них, Алексей (мы звали его Алешкой), был парнем отчаянным, дважды судимым, за что и сослан был. Однажды надоумил он нас заплывать в мансийские пруды (местные жители ханты и манси делали небольшие заводы в оттоках рек и разводили там рыбу). Стояли мы там два дня. Заполнили весь баркас (две тонны рыбы). И вот собрались было мы уезжать, а тут к нам подъезжают хозяева на лодке и говорят: “Отдавайте рыбу”. А Алешка отвечает: “Не отдам и все тут”. Мы его уговаривали отдать, но он все больше злился. И завязалась между ним и хозяином пруда драка. Прямо посреди пруда. Дрались на лодках, веслами. Изуродовали друг другу и лица, и тела. Но потом те, что были с хозяином пруда, тоже взяли весла, и вместе они избили Алешку до полусмерти, а потом забрали у нас рыбу и уплыли... Алешку мы поставили на ноги через три дня. А потом работали с утра до ночи, чтобы выполнить план, ведь рыбу забрали у нас всю, даже ту, которую мы выловили в реке.

Из тех лет 1953–1954 гг., летом, после окончания кратких курсов, два сезона работала приемщицей рыбы. Плашкоут (лодка) поднимал 120 тонн. Принимала рыбу десятками тонн в день, принимала, рассчитывала и наряды обрабатывала, все сама — матросов не хватало. Так что в день приходилось дробить лед не меньше трех тонн и поднимать около тонны соли. Сегодня даже удивляюсь, где черпала силы. Однако и ума хватало. Пересортицы у меня не было. А в 1952 г. на Козловском участке по ловле рыбы дала два годовых плана, вот так вышла в передовицы производства, оказалась на доске почета.

Но пришел 1956 г. Прилетела долгожданная новость. И не помня ничего, ни о чем не жалея, ринулись мы через всю Россию домой.

Что было самым печальным? Это то, что там, в селе Березово, рядом с могилой великого Меньшикова, остались и наши 14 могил. Пусть они не такие знаменитые, зато самые родные, самые близкие, самые любимые: тетя, сноха, племянники, сестры, дедушка и бабушка».

Мы посидели еще, помолчали. Взгляд моей рассказчицы был где-то далеко, но вдруг она оживилась, посмотрела на меня и сказала: «Ты, наверное, спешишь? Что ж, понимаю! Жизнь молодая! Да и поздно уже». Когда я встал, собрав исписанные листки, она еще раз посмотрела на меня: «Что же тебе сказать на прощанье? — это прозвучало не как вопрос, а как мысль, случайно вырвавшаяся наружу. — Хочется пожелать нашим детям, нашим внукам, нашей молодежи не черстветь душой, быть всегда великодушными, всегда оставаться людьми. Главное, не озлобляться, не делать зла, ведь не для этого живет на земле человек...»

Ирина Есинова

Страшное прошлое. Раннее зимнее утро,
 В комнате тепло и уютно,
 Горит ночник над кроватью дитяти,
 Словно щит, охраняющий от зла.
 Но вдруг внезапный стук в дверь,
 И крик, и шум, и плач,
 И вот едет он с матерью,
 Куда?! Куда?! Куда?!
 От холода умирали друзья
 За проклятые тринадцать дней,
 Но калмыки выдержали все.
 Все! Все! Все!
 Тринадцать лет вдали от дома,
 Они ждали, надеялись,
 Что придет та минута,
 В которую они верили.
 И теперь, спустя полвека,
 Когда все, похоже, утихло,
 Они вспоминают, надеясь,
 Что такое не повторится, не случится.
 1997

Вадим Замбаев

О самой страшной трагедии калмыцкого народа написано достаточно статей, книг, брошюр, чтобы мы могли осознать весь ужас и муки жизни нашего славного народа в Сибири. Мы знаем всю нелепость обвинений калмыков в измене Родине, в том, что якобы они помогали фашистам. Знаем все беды калмыцкого народа, да и других малых народов, сосланных в Сибирь. В холодной Сибири нашим дедам помогли многие русские люди, которые не побоялись гнева всесильного НКВД. В этих людях не угасла любовь к ближнему, стремление оказать помощь, несмотря на то, что они жили в условиях аморальной системы тоталитаризма. Этим смелым людям Давид Кугультинов посвятил свои стихи, их не забудут калмыцкие друзья. Мне рассказывали эпизод с одним калмыком (парнем), которому русский человек помог на всю жизнь. Он научил его ряду ремесел, научил работать, и парень не пропал в Сибири. Моей бабушке русские люди давали продукты, овощи, когда им было нужно. К сожалению, мне нечего больше рассказать о Сибири, но все-таки подвиг тех людей меня поража-

ет и заставляет восхищаться ими даже больше, чем подвигами былинных богатырей. Честь и хвала тем, кто остался верен несмотря ни на что самому главному закону — закону помощи другим.

1997

Евгений Кагалтынов

«...всех калмыков... переселить,
 а Калмыцкую АССР ликвидировать»

Это был обычный день: мороз минус 14, снежные ямы и небольшие сугробы. Птиц не было, казалось, они сменили место жительства. И правда, в условиях резко континентального климата жизнь в Калмыцкой АССР становилась невыносимой. В сарае кони, верблюжонок и пара овец приуныли, может быть, им было холодно, но этого быть не могло, так как животным обычно нравится зима: корм — рядом, вода — недалеко, в это время животные находятся в некотором полунаркотическом состоянии. Старый конь Абуба, жуя жвачку желтого цвета, вспоминает о своей молодости, когда он был лучшим жеребцом в округе, глаза его полузакрыты, наверное, он мечтает о том, чтобы выйти в поле и вдохнуть терпкий аромат цветущей степи. Овечка Цагана, не принесшая в этот год приплода, явно грустит, ее большие голубые глаза устремлены в сторону решетки, отделяющей ее от полукровки, заезженного и чем-то недовольного постоянно Мальчика. Хотя в состав его крови входили 25% «донского казака», он держался всегда уверенно и спокойно, глядя с видимым высокомерием на овец-соседей и лежащего рядом Абубу. В свои шесть с небольшим Мальчик отнюдь не считался отличной скаковой лошастью. Обычно ночью он плохо спал, скорее всего, о чем-то размышлял. Судя по тому, как он тупо и зло смотрел на овец, он думал о том, чтобы доживающая второй десяток лет овца скорее погибла под ножом Бемби. Кони — это не птицы и не верблюды. Скрестивший передние ноги верблюжонок, казалось, один радостно встречает новый день. Поднялся сильный ветер, где-то не смолкая кричал серый ворон. Было видно, как одинокое дерево на холме плачет, сопротивляясь лихому ветру-наезднику. Ветер свищет и что-то кричит.

Она работала в больнице села Садовое. Держа небольшое хозяйство, она еле успевала управляться. Ей помогли ее дети. Старшему Бембе было 12 лет, младшему Саналу — 7. После того как всю ночь она провела в больнице на дежурстве, она возвращалась домой. Она мечтала о весне, как будто под наркозом, не ощущая голоса ветра, который ослабевал. Муж ее был на фронте, писем давно не приносили, письма, как птицы, которые молчаливо говорят самое сокровенное и глупое, они посредники между куполом неба и заснеженной землей. В доме были солдаты. Она издали

увидела их военные бушлаты и ремни со сменными магазинами для ППШ¹. Почувствовав неладное, она засемила по скользкой дороге. Руки ее дрожали, не спавшая необходимые три часа для восстановления баланса сил, женщина выглядела потрепанной и усталой, как дворник. В ее глазах проснулось беспокойство. Когда она вбежала в дом, солдат с автоматом наперевес и темным полузамерзшим лицом сказал о том, что на сборы ей дают полчаса, их выселяют. Солдат сказал, что нужно взять только необходимые вещи и прийти всем к сборному пункту. Она прижала к себе детей и стояла так до ухода солдат, после чего стала собирать вещи, которых было не очень много. Посмотрев в окно, она увидела суетившихся людей, рядом стояли солдаты и о чем-то говорили, один солдат почему-то молчал и смотрел в землю, он не реагировал на слова других солдат, он был ингушом или чеченцем, это было видно по его лицу и по тому, что он весь сжался от холода. Он стоял и тихо что-то пел, вероятно, на своем языке, так как другие солдаты удивленно посмотрели на него и замолчали. А он все пел и смотрел то на небо, то на землю, то на автомат. Он пел: «Шень мавэээ, шень мавэээ...»² Он пел об отце, о брате, о матери, о земле, о небе, о птицах, о горах. Задул резкий ветер, ветер — хозяин в небе и на земле, он как будто проснулся, очнулся и закричал так, словно подпевая и подыгрывая тому чеченцу или ингушу, а может быть, карачаевцу. Деревья подхватили эту песню и музыку своими голыми стволами. Мальчик видел это, он смотрел на это, как всегда, тупо и зло.

Ровно через полчаса калмыки были на сборном пункте, их было довольно много: старики, они были так беспомощны и немощны, что ветер смеялся над ними; женщины и дети, которые были полураздеты, на глазах их были слезы. Их погрузили на машины (женщин с грудными детьми и стариков), раздав карточки. Находясь в кузове машины, она вспомнила, что оставила серебряные сережки в большом сундуке — это был подарок мужа, но машина уже отъехала. Плач смешался с криками. Ветер, ничего не понимая, несся вперед, обгоняя машины. Дорога была длинной. Всю дорогу она плакала и смотрела в белую, безжизненную степь, прощаясь с ней, с ветром и родным небом. Наконец они приехали. Солдат, сидевший за рулем и кутивший, вылез и буркнул, чтобы все вылезли. В его лице что-то напоминало человека, который не сдерживает данных им обещаний. Он бросил окурки и стал помогать одному старику слезть с кузова. Солдат сказал, что они на железнодорожной станции, что пока есть время, калмыкам надо набрать кипятка в дорогу. На железнодорожной станции оперуполномоченный сдал все семьи калмыков под расписку. А ветер резвился в стоящем на станции поезде, так как двери были открыты, большие, широкие двери. Ветер узнал запах, царивший в поездах, такой запах

¹ Пистолет-пулемет Шпагина.

² Он ушел, он ушел (*груз.*).

был в базу, где находились Абуба, Мальчик, Цагана и верблюжонок, но он не нашел их и засвистел разочарованно. Внезапно ветер увидел, что в эти вагоны стали сажать людей, которых он сопровождал от Садовки до станции. Он видел, что люди плачут и кричат, и он стал тоже плакать и кричать, петь и танцевать под музыку уходящих поездов. Странно, подумал ветер, зачем людям менять место жительства, они ведь не птицы, которым всегда что-то нужно. Зачем им это? Подумав так, ему стало интересно, и он побежал за поездами, уходившими в голубеющую даль, нарушая ее гармонию, ему было очень жаль, ведь было так красиво! Стуча колесами по рельсам, эшелоны катились нехотя, вразвалочку. Ветру нравился этот стук, и он стал подражать поездам, издавая звук, похожий на звук ударных инструментов. Ветер смотрел сквозь изморозь стекла на машиниста, улыбаясь ему. Ветру нравился звук, издаваемый поездом при остановках. Но ему не нравился запах замороженных трупов в санитарном вагоне и он просил машиниста начинать отправляться. Люди, которых он видел на станциях — остановках, были угрюмы и злы, непохожи на тех, кто жил в безмолвной степи, веселых и смеющихся. Люди на станциях смотрели на поезд, в котором сидели люди из белой степи, отворачивались и уходили. Иногда кто-нибудь из калмыков выбегал за кипятком или водою. Ветер видел одинаково одетых людей с «железками» на боку, он видел, как они выносят мертвых людей из вагонов, кладя их поверх других в санитарный вагон, иногда трупы выбрасывали, оставляя собакам. Однажды он увидел, как выносят тело маленького Санала, идущие рядом люди плакали. Станция сменяла станцию, лес — лес. Проснувшись, Бембя потрогал старика, лежащего рядом, он был недвижим. Бембя заплакал, вспомнив о матери и видя уже третий труп за день. Мысль о матери не давала ему покоя, ведь она ушла на станции за кипятком, а сейчас ее нет. Он хотел встать, но разлитая кем-то вода не дала ему подняться, он не ел с утра, силы покидали его, а ветер носился над поездом и пел песню чеченца или ингуша, а может, карачаевца.

1997

Дима Карпенко

Событие, свершившееся в конце 1943 г., врезалось в народную память осколком, и по сей день мы вспоминаем погибших, пытаемся делать какие-то выводы, обсуждаем эту трагедию. Пострадала каждая калмыцкая семья, у всех есть какие-то воспоминания, переживания, новые интересные факты. У меня их нет. И поэтому нет смысла заново описывать эту трагедию, говорить стандартные слова горечи. Попытаюсь высказать свои соображения по поводу случившегося.

Депортация калмыцкого народа в Сибирь и его дальнейшее там пребывание показали, насколько сильна в простом русском народе идея справедливости и милосердия. Простой русский народ не дал себя оболванить, не поверил в страшные сказки о калмыках-людоедах, а просто пригрел их у себя, делился чем мог, подчас рискуя своей жизнью. И спас, и уберег малочисленный калмыцкий народ от тотального уничтожения. Без помощи сибиряков ни один сосланный народ не выжил бы. И как ни пытались стравливать эти два народа, как ни старались — ничего не вышло. Срабатывало глубинное чувство — помощи ближнему. И это дало возможность не озлобиться калмыцкому народу, вернуться домой и здесь прожить в мире с русскими уже около сорока лет. Поэтому одним из главных выводов этой ссыльной эпопеи явилось то, что репрессированные нашли уют у нашего простого народа. Я думаю — это важно.

Конечно же, я не собираюсь оспаривать всю трагичность этой высылки — она бесспорна. И что-то добавить здесь вряд ли можно. Но мне хотелось бы поделиться мыслями по поводу отношения к депортации сейчас, в наши дни. По телевизору, по радио, в газетах мы читаем, слышим, видим десятки, если не сотни, публикаций на эту тему. Все они переполнены справедливым негодованием по поводу случившегося. Но парадокс заключается в том, что наше новое поколение уже не воспринимает эти рассказы о ссылке, им даже не интересно, скучно и не нужно. В сочинениях пытаются отписаться общими фразами, при описании тот же набор стандартных выражений, за которыми уже нет никаких чувств и эмоций. Все это воспринимается как некая обременительная ноша. «Ну зачем опять про это писать?» — можно услышать из уст молодых людей. Почему так? Что случилось? Как так могло произойти, что к величайшей трагедии в истории своего народа подходят с таким нежеланием и скукой? Это очень настораживает меня, как и вообще все наше отношение в истории Калмыкии. «Ну зачем она нужна?» — говорят многие. Такое же отношение к родному языку, да и ко многому другому. Значит, мы должны менять подход к изучению данной проблемы. Иначе новое поколение будет относиться к 28 декабря не как к трагической дате в истории Калмыкии, а как к пустой формальности. Еще не поздно все изменить!

1997

Эльвира Леонова

28 декабря 1943 г., ранним утром, одновременно во все дома калмыцких хотонов, поселков и городов вошли военные из войск НКВД и объявили, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27.12.1943 г. все калмыки выселяются в Сибирь как изменившие Родине. Десятки же-

лезнодорожных эшелонов с калмыками медленно потянулись в Сибирь, оставляя в пути сотни, тысячи трупов, в основном стариков и детей, сыновья и отцы которых, не щадя своей жизни, мужественно сражались на фронте и приближали своими ратными делами великий день Победы.

Представляю, как больно и обидно было многим калмыкам, когда их повезли по железной дороге Кизляр — Астрахань, построенной для ускорения победы над ненавистным врагом за короткий срок их кровавым трудом. Люди не могли понять: зачем в разгар всенародной беды — этой страшной войны отнимать у фронта тысячи железнодорожных вагонов, целые воинские подразделения для охраны ни в чем не повинных людей, в чем повинен весь калмыцкий народ, который, как и все другие народы Советской страны, отдавал все силы для фронта? Но на эти вопросы, казалось ясные и простые, ответа никто, естественно, дать не мог. Жалкое, тяжелое и безрадостное положение калмыков-спецпереселенцев в те далекие сороковые годы заставляло просто смириться и опустить руки. Но многие простые сибиряки говорили, что можно было удивляться тому, что, несмотря на допущенную несправедливость, калмыки, высоко сознавая необходимость помощи фронту, стремились как можно скорее освоиться на новом месте, начать трудиться и внести посильный вклад в дело разгрома фашизма.

Добрую память оставили о себе калмыки в сердцах многих простых сибиряков, с которыми им пришлось жить и трудиться бок о бок в течение нескольких лет в Сибири. «После тяжелого ранения вернулся домой. Избрали меня председателем колхоза “Новая деревня” Омской области, — вспоминает Ф. В. Астахов. — Хорошо помню, как прибыли калмыки. Двадцать семей привезли к нам. Первым делом надо было людей разместить, накормить. Тяжелая была работа. Каких только слухов не распускали, будто калмыки — это дикари, предатели. Люди боялись их пускать домой, оберегали своих детей. Прошел месяц — другой, а то, может, и меньше, смотрю, мои колхозники стали жить с ними не разлей вода. “Да какие же они изменники?” — открыто возмущались одни. “Кто же мог такое придумать?” — подтверждали другие. Живя вот так, вместе, чего только не пришлось нам увидеть, выдержать...» Чувство радости и гордости охватывает за калмыцкий народ, который смог выстоять в борьбе со своим жестоким роком только потому, что в самый тяжелый год своей истории он смог опереться на помощь и поддержку огромного многонационального советского народа. За годы пребывания в Сибири калмыки крепко подружились с местным населением. И когда выезжали домой, в родные места, то многие калмыки оставляли людей, с которыми сроднились за эти годы, полюбили их, сами стали их частицей.

Казалось, все хорошо, все кончено, все позади, но сколько калмыков так и не смогли дожидаться того счастливого дня, когда, выходя утром в

широкую степь, вдыхаешь аромат родины и думаешь: «Это мое?!» Сколько еще бабушек просыпаются по ночам в слезах и спрашивают: «Высланы навечно. Почему? За что?» Никто и никогда не отмоет эту кровавую страницу истории калмыков, и, чтобы не жалеть о невозможном, пусть больше не будет таких страниц.

1997

Сагара Манджиева

Этот холодный, суровый, трагический день, 28 декабря 1943 г., каждый калмык — стар и млад — запомнил на всю жизнь. Задолго до рассвета одновременно во всех хотонах, селах, поселках и городах в дома калмыков вошли по двое-трое военных и объявили, что все калмыки как изменники и предатели выселяются в Сибирь, а Калмыцкая Автономная Республика отныне ликвидируется.

Мою бабушку, Джиргалову Раису Адыяновну, выслали в Убинский район Новосибирской области. Это сейчас она — бабушка, убеленная сединами, с мудрым и ласковым лицом, а тогда она была шестнадцатилетней девчонкой. Бабушка жила с братишкой, без родителей. В декабре пришли два солдата. Тогда бабушка была одна, так как братишка еще летом уехал сопровождать племенной скот совхоза. Солдаты приказали собираться, брать только теплые вещи и еду. Зачем? Куда? Бабушка собрала вещи. И ее повели в школу, где собралось все село. А утром всех рассадили по машинам и повезли на станцию Куберла. На станции их поместили в холодные товарные вагоны, продуваемые сквозняком. И повезли. Ехали две недели. 16 января приехали в Новосибирскую область, Убинский район. Каждую семью распределяли по дворам. Местные жители хорошо относились к калмыкам, помогали им чем могли. Бабушка стала работать в телятнике.

Раз в месяц калмыки должны были отмечаться в комендатуре. И когда бабушка ходила отмечаться, она делала запрос о брате. И только через два года его нашли. В 1946 г. она вышла замуж, родила шестерых детей. В 1957 г., когда узнали, что можно возвращаться на родину, бабушка очень обрадовалась. И в 1958 г. вернулась в Калмыкию.

Сейчас я понимаю, что депортация отдельных народов, я имею в виду калмыков, осуществлялась сознательно: людей намеренно поставили в такие условия, чтобы физическое вымирание их было неизбежно. Но народ выжил, ибо народов виновных не бывает — бывают виновные перед народом. И я, читая «Книгу памяти ссылки калмыцкого народа»¹, чув-

¹ Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Элиста. 1993–1998. В ней списки погибших в Сибири.

ствую, что они живы, пока мы помним тех, кто погиб в Сибири. И каждый раз снова и снова 28 декабря мы будем зажигать лампадки¹, отдавая дань памяти безвинно погибшим.

1997

Виктория Менкенова

Когда я вижу на голубом экране образованных людей разных возрастов и социальных групп, многие из которых занимали и занимают высокие посты в обществе, и внимаю их доводам или слышу на улицах разговоры людей о том, что в «старое время» при большевиках очень хорошо жилось простым людям в Советском Союзе, в Стране Советов, то я начинаю верить, что, действительно, состоялось это новое советское общество людей, не помнящих родства и без памяти. Приходится только недоумевать: неужели они не читали А. Солженицына, В. Шаламова? Неужели они ничего не знают о судьбе десятков тысяч, миллионов людей, невинно загубленных в лагерях, в тюрьмах и ссылках? Да, это очень и очень страшно... И самый страшный, черный день в истории калмыцкого народа — это 28 декабря 1943 г. Прошло более полувека с тех пор, как калмыцкий народ был подвергнут жестокой репрессии, изгнан из родных мест на чужбину, в Сибирь.

Тринадцать лет пришлось терпеть ни в чем не повинному народу жестокие испытания и трудности. Но несмотря на жестокость времен, холод и голод, несправедливость и унижения, они не сломились, стали сильнее духом. Наше новое поколение вряд ли сможет понять всю ту горечь, печаль, почувствовать тот страх и ту боль, которые пережили наши мамы, папы, бабушки и дедушки. Я часто просила бабушку рассказать о тех несчастных днях. И вот что она мне рассказала: «В декабре 1943 г. меня, как и десятки тысяч земляков, погрузили в товарные эшелоны и отправили в долгий путь мыкать свою горькую судьбу, в холодную Сибирь. Я успела одеть потеплее детей и взять самое необходимое. В вагоне были нары, чугунная печь-буржуйка и ведро. Из щелей сильно несло холодом. При движении эшелона ветер усиливался еще больше. В первые дни в вагоне слышались беспрерывный плач грудных младенцев, причитания женщин и молитвы старушек. На некоторых остановках молодые женщины без верхней одежды при тридцатипятиградусном морозе выскакивали из вагона с кастрюлями, бидончиками, кружками и набирали снег. Бывали случаи, когда во время остановок эшелона иногда сходили на землю старушки и когда состав трогался, некоторые из них оставались в безлюдной тайге

¹ Зажигание лампадок — знак поминовения.

на морозе, без верхней одежды. Стреляли в тех, кто пытался спасти родственницу или вообще что-либо предпринять. Наконец, нас привезли в город Тюмень, где поселили в холодные бараки и сырые подвалы. Нередко в одной комнатухе ютились по нескольку семей. Каждый десятый был назначен старшим и обязан был по утрам и вечерам докладывать дежурному по комендатуре о всех происшествиях, разговорах...

К весне в бараках стало просторнее: от голода и холода умирали люди. В больницы калмыков не брали. Зато морг был открыт круглые сутки. Несли, везли на салазках трупы каждый день. Многие семьи обменивали на толчке свой последний скудный скарб на продукты, чтобы не умереть от истощения. Старушки и ребятишки дежурили на одной из городских свалок, куда вывозились отходы местного мясокомбината. Иногда на этой свалке устраивалась шумная кутерьма: местные подростки с огромными дворняжками ради забавы устраивали облаву на изголодавшихся людей. Собаки кусали старушек и ребятишек за ноги и руки, рвали жалкие лохмотья ветхой одежды. Но зато, когда возвращались домой с добычей, по всему бараку разносился терпкий запах похлебки, вскоре истощенные люди с аппетитом поглощали прогорклые куски кишок.

Идут года, но бабушка часто вспоминает не только эти тяжелые дни, но и дни, когда молодые люди холодными вечерами собирались, пели песни, танцевали, вспоминали родную землю, просторные степи и весенние тюльпаны.

И только через тринадцать лет справедливость восторжествовала, наш народ вернулся на родную землю. Ведь это великое счастье — возвратиться после стольких лет скитаний в места, дорогие сердцу.

Прошли годы, народ зажил своей прежней жизнью, заново отстраивая республику, воспитывая и растя детей. Много сделано и еще предстоит сделать нашему народу, Президенту. И мы должны благодарить Кирсана Николаевича Илюмжинова и Эрнста Иосифовича Неизвестного за нетленный памятник жертвам сталинских репрессий.

Наш святой долг — не забывать прошлое, историю, отдавать дань уважения старшим, которым пришлось пережить так много горя.

1997

Цаган Москуева

Тема репрессий, пожалуй, самая тяжелая и самая трагичная в истории нашего народа. Без вины виноватые тысячи калмыков, среди которых было больше стариков и детей, были отправлены в холодные земли Сибири. Наверное, нет такой семьи, в которой Сибирь и репрессии не оставили своего тяжелого следа. Многие свидетели этого кровавого и бесчеловеч-

ного акта насилия уже не могут рассказать нам о тех черных днях. Мои бабушка и дедушка никогда не говорят на эту тему, поэтому я знаю о том периоде их жизни очень немного. В холодный товарный вагон поезда, направлявшегося неизвестно в какой край, мой дедушка попал одиннадцатилетним мальчиком. В дороге умер его маленький братишка Гена, родных заставили выбросить маленький трупик на какой-то станции, даже не сказав, на какой. Впоследствии они пытались найти эту станцию, но таких трупов выброшено в снег и даже не похоронено было много. Они так и не узнали, на какой станции нашел свой вечный покой такой маленький Гена. В Сибири мой дедушка начал работать на судоремонтном заводе, там его научили сварочному делу, которое помогало ему всю жизнь. Но время шло, и жизнь продолжалась, и мой дедушка женился на девушке, которую звали Соня. В то время моя бабушка работала на рыбном заводе в очень тяжелых условиях, по колено в холодной воде, и это очень сильно сказало на ее здоровье. Нужно ли писать о том, что жить было им очень тяжело, о том, что работали они зачастую в невыносимых условиях. Но ведь так жил весь народ, и весь народ отбывал наказание за несовершенное преступление. Справедливость не вернет те тысячи жизней, унесенных указом о ликвидации Калмыцкой АССР и выселении всего народа калмыков, те тысячи жизней, занесенных метелью и ветром холодной Сибири.

1997

Юлия Ольховская

27 декабря 1943 г. вышел Указ Президиума ВС СССР о ликвидации КАССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР. 28 декабря 1943 г. вышло Постановление СНК СССР о выселении калмыков в Новосибирскую и Омскую области.

Утро. Для кого солнечный день, а для кого — нет. Теплая семейная обстановка, уют. Стук в дверь! Холод, которым повеяло с улицы, сильно и надолго изменил судьбы многих людей. Все, что было очень дорого им всем: дом, семья, родственники, соседи, — теперь никого не волновало, так как всех калмыков приказано было сослать в Сибирь. Как все просто, да? Захотели — забрали, не хотите — «ваши проблемы», все равно заберут. Но почему, почему так получилось: один человек решил, а другие подчинились?!

Холод. Железнодорожная станция в село Дивное. «Нечеловеческие» вагоны. Столпотворение. Дрожащие голоса стариков. Расширенные и заплаканные от ужаса глаза женщин и, что самое ужасное, маленьких детей, кричащих: «Мама! Где моя мамочка?! Хочу к маме!!!» Все это усугубляет и без того траурную обстановку... Но вот поезд тронулся. Куда? В никому

не известную холодную Сибирь. А зачем? Потому что так надо! Дрожащие, голодные люди прижались друг к другу. Серость и убогость просто поражают. Где-то в вагоне раздался стон. Кто-то умер. Страшно!!! Все сидят в ожидании, кто станет следующим. Слышен плач девочки, которая только что потеряла своего единственного близкого человека в поезде. Ее глаза, полные слез, неподвижны. Они смотрят на деда, которого уже нет. Она прикасается к его руке, хочет, чтобы он приласкал ее, улыбнулся... Но ничего этого нет! Да, именно: ничего и никого вокруг нет. Она осталась одна. Для нее началась новая жизнь. Этой девочкой оказалась теперь уже пожилая женщина, бабушка, которая живет по соседству с нами. Моим родственникам не пришлось пройти через все то, через что прошли многие другие люди. Мне кажется, что как бы я ни старалась, мне до конца все не понять, не осмыслить. Да и как это можно понять? Сидишь с этой бабушкой, разговариваешь и вдруг говоришь, что очень интересуешься историей депортации калмыцкого народа и хочешь, чтобы она рассказала что-нибудь из своего личного опыта... мурашки по телу, какая-то едва уловимая внутренняя дрожь — вот первая реакция на мою просьбу. Знаете, такое впечатление, что между нами сразу возник барьер, граница, которая сразу унесла мою собеседницу в мир прошлого, в другое измерение...

Приехали. Люди выходят из вагонов усталыми, голодными, больными, грязными. Кто сам выходит, а кого выносят. Ведут в «новый мир», который фактически оказался для многих из людей тюрьмой за колючей проволокой. Постоянная усталость, голод, холод, семья, Калмыкия родная — вот, наверное, основное, что было в мыслях многих людей. Нет альтернативы ни в чем. Делать нечего — приходится слушаться, чтобы выжить и вернуться домой.

Фронт. Около десяти тысяч солдат калмыцкой национальности собрали в одном месте и стали партиями отправлять в Широклаг. Некоторые знали причины этой высылки, а другие узнавали о них только лишь по прибытии на место. Фактически они превращались в бесплатных рабов для строительства ГЭС, причем рабов очень выгодных государству: запуганных, а потому и послушных. Жестоко! Наверное, у этих людей навсегда останутся в памяти те мизерные, постыдные дополнительные пайки, которые им доставались путем невероятных усилий, то ощущение жизни «за решеткой», вдали от всех и всего, клеймо народа-предателя. Выживали сильные и находчивые.

Жизнь в Сибири. Постоянная тоска по Калмыкии. Сибирский холод — калмыцкие степи. Одиночество — семейный очаг. Постоянное стремление найти свою семью. Эта жизнь искалечила здоровье и судьбы многим людям. Заставила их по-другому смотреть на все происходящее. Жизнь в

Сибири сделала из людей моральных калек, болезнь которых нельзя излечить. Ведь диагноз поставил сам товарищ Сталин...

1997

Ирина Попенко

Этот холодный зимний день в 1943 г. запомнит каждый калмык — и стар и млад. Еще задолго до рассвета в действие начала приводиться операция «Улусы», утвержденная Берией. В одно и то же время во всех улусах, хотонах, поселках, городах в каждый дом вошли по несколько мужчин — красноармейцев. Ничего не объясняя, они приказали брать с собой все самое необходимое и выходить на улицу. Зачем? Почему? Солдаты коротко отвечали: «Так надо». Да и многие калмыки просто не понимали русский язык. На сборы вещей давали около двадцати — тридцати минут. Люди хватали теплые вещи, наспех запихивали их в какие-то мешки, сумки, авоськи. Многие просто не успевали все это сделать за двадцать минут, и тогда солдаты против указа Берии помогали им, подсказывали, что еще нужно взять с собой. Люди в растерянности не могли определить, что самое необходимое, поэтому многие выходили из дома с детьми в чем были одеты, без теплых вещей, без пищи. Их, безусловно, во время долгого, сурового пути неизбежно ждала гибель. Писатель Тимофей Бембеев в повести «Дни, обращенные в ночи» описывает подробно факт безжалостного отношения к несчастным выселенным: «Переведи матери, — офицер кивнул на ааку, — вас как пособников немцев решено сослать в Сибирь. Есть постановление правительства, так что даю пятнадцать минут на сборы». Да и в чем только не обвиняли калмыцкий народ: якобы «многие калмыки изменили Родине, вступили в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан» и так далее. Во многих грехах был обвинен калмыцкий народ.

Но, несмотря на все эти мнения, ложные обвинения, ссылку, калмыки сумели сохранить и заново возродить все то, что у них хотели отнять самым жестоким образом.

1997

Амуланга Сагаева

Ужасающие своим видом солдаты с мрачными лицами вошли в дом. «Собирайте вещи! — крикнул один из них, второй достал какую-то бумажку и стал читать приказ...» — вспоминает моя бабушка, Исмашева Зоя

Ходжгоровна. Она была еще маленькой девочкой, когда приказ Берии «сломал» ее беззаботную, детскую жизнь. Разбилась и ее семья, и семьи многих несчастных калмыков. Это был большой удар для них. Что может быть ужаснее для нации, чем потерять независимость и быть стертой; что может быть ужасней для степняков, чем покинуть родные степи и отправиться в суровые, холодные края Сибири? Наверное, только смерть. Люди гибли, люди гибли как физически, так и духовно. Слова «враги, предатели народа» больно резали сердце. С серыми лицами, потерянные, несчастные, напуганные, они собирали вещи и направлялись в места, где их собирали, где их ждали их собратья. Их посадили, точнее, напихали в вагоны для скота, и поезд двинулся. «В вагоне было тесно и холодно, — вспоминает бабушка, — мама все время плакала. Рядом сидели какие-то люди, все молчали, слышен был только стук колес, свист ветра и приглушенные рыдания одной женщины, у нее замерз грудной ребенок...» Это была «дорога слез». Сколько было их пролито во время пути! Слезы ужаса, страха, одиночества, горя, утраты, обиды... Очень много людей не доехало до мест назначения, они погибли. Это были прежде всего старики и дети. Кто заплатил за их смерть?

Сибирь... Край, где царят снега и морозы, суровый климат, непогода. Встретила калмыков она сурово, не по-хозяйски, совсем не ожидали калмыки теплого приема со стороны сибиряков. Но есть на земле добрые люди! Они помогали калмыкам, приютили их. Дух калмыков не был до конца сломлен, они работали изо всех сил, они работали не покладая рук, они не потеряли свою веру в жизнь. Только одна мысль у них была в голове — Родина родная, как ты там? Мы вернемся.

Мы должны поучиться у наших дедушек и бабушек, пап и мам этой воле. Может, она поможет выжить нам в нашей трудной жизни. Мы не должны забывать об этой трагедии, мы должны помнить о тех, кто не вернулся назад в родные края.

Эта трагедия послужит уроком для всех людей. Не должны повториться все эти жертвы, горести и слезы. Мы должны помнить, что главное в жизни — не делать ничего плохого другим, а быть чем-то полезным.

1997

Олег Сангаджиев

Раньше, когда я слышал долгие разговоры прабабушки с моей бабушкой о жизни в Сибири, я даже не мог представить себе, что это было настолько трагично. Моя прабабушка Очилдаева Булгун Нохашкиевна, когда началась война, проводила на фронт своего мужа и единственного сына, моего дедушку Сангаджиева Китя Очилдаевича. В Сибирь она отправи-

лась вместе со своей снохой и маленькой внучкой. Они попали в Красноярский край на станцию Енисей. К тому времени она уже получила похоронку на мужа. Дед служил мужественно и храбро, за что был награжден орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Он часто писал матери и жене с фронта. А однажды прислал фронтовую газету со статьей, в которой описывался подвиг артиллериста Сангаджиева К. О.

В 1944 г. закончилась его служба. Он имел множество ранений и поэтому не был отправлен в знаменитый Широкалга, а комиссован. Он нашел свою семью и стал жить, как все спецпереселенцы. В 1946 г. у него родилась вторая дочь, ее назвали Раей. Но после непродолжительного времени молодая жена скончалась от полученной из-за сибирских зим болезни — туберкулеза. Прабабушка Булгун Нохашкиевна стала настоящей опорой семьи. Все заботы о девочках легли на ее плечи.

В 1949 г. в городе Минусинске отец встретил девушку Авию и женился на ней. У них родилось два сына — Володя и Виктор. Участнику войны выделили отдельную комнатку. Они теперь жили на улице Баградской. Китя Очилдаевич по тем временам был достаточно образованным человеком, так как закончил 7 классов, и работал не рядовым рабочим. Он находил возможность помогать своим землякам, которые были в более стесненных обстоятельствах. Прабабушка рассказывала, что с ним работал на заводе молодой парнишка, который потерял своих родителей, завшивел, голодал, ночевал на заводе. Дед привел его домой, велел помыть, поменять одежду на чистую, и мальчик ожил. Он не раз еще приводил его домой. Позднее мальчик нашел отца и переехал в другой город. Также прабабушка вспоминала, что знаменитый калмыцкий писатель Константин Эрендженов первое время после возвращения из лагеря¹ обитал у них. Так как семья моего деда жила в городе Минусинске, многие земляки, приезжавшие по делам, переночевать шли к ним. Иногда негде было ступить, все полы были заняты спящими людьми. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Весной 1957 г. семья, как и многие калмыки, возвращалась на Родину. Путь был длинным. В Москве была пересадка. Впервые они попали в метро. Здесь одна девушка с удивлением долго смотрела на маленьких калмычат, моего дядю Володю и отца, одному из которых было 6 лет, а другому — 4 года. Они выглядели потешно: кирзовые сапоги, широкие шаровары, вельветовые курточки и маленькие картузики, а под мышкой каждый держал фуфайку, так как было жарко. Она рассмеялась. От умиления подарила им книжку «Русские народные сказки». Всю дорогу до Астрахани дед читал им сказки, и они вспоминали добрую девушку.

¹ Народный поэт Калмыкии К. Эрендженов был арестован в 1938 г.

Жизнь в Сибири была нелегкой, были и страдания, и горе, но бывали минуты радости и счастья. Они оставили много хороших друзей и часто вспоминали Сибирь добром.

1997

Чингиз Ханташов

Грозный бой колокола сороковых
 Эхом пронесся, слезы оставляя,
 Груды тел мертвых, но набат стих,
 Новая жизнь наступала.
 Вы — люди будущего и вам чужды
 Ужасные облики смерти.
 Вы стали жадны! Пусть намного умны,
 Но их забывать вы не смейте!
 Тех, кто ночами не спали в пути,
 Боясь, что уже не проснутся,
 Тех, кто ложился в Сибири костью
 В надежде, что дети вернуться,
 Тех, кто сражался и нужды терпел,
 Кто кончил жизнь в Широκлаге,
 Тех, кто вернулся, кто выжить сумел
 В позорном, страшном ГУЛАГе.
 Спасибо всем тем, кто вернулся домой,
 Кто начал с нуля, все сначала!
 Спасибо калмыцкой степи молодой
 За то, что ждала и скучала!
 Мы — люди будущего, но день изо дня
 Я вижу, теряем мы память.
 Я верю, кто умер, тот умер не зря
 За нас, кто сейчас жизнью правят.

1997

Сагара Хейчиева

И свет для нас потух.
 И даже слово самое — «калмыки»
 Произносить боялись люди вслух.

Д. Кугультинов

Пятьдесят четыре года назад случилось то, что каждый взрослый человек старшего поколения не может забыть. Калмыцкая АССР была ликви-

дирована, народ, который из поколения в поколение жил, воевал на этой земле, был выселен. Дети, старики, женщины, инвалиды оказались врагами народа. Этому «врагу народа» было суждено провести в холодной Сибири целых тринадцать лет, полных страданий.

28 декабря 1943 г. рано утром в дом каждой мирно спавшей семьи постучались. Это были люди в военной одежде. Зачитав Указ Президиума Верховного Совета о ликвидации калмыцкого народа, их отправили на «студбеккерах» на железнодорожную станцию Дивное. Погрузив, как скот, в холодные, ледяные товарняки, калмыцкий народ повезли в холодную, неприветливую Сибирь. Путь был долгим — тринадцать дней. За эти дни чего только не натерпелись люди. Смерть, болезнь, ужасный холод сражали наповал десятки тысяч людей. И неудивительно, когда приехали калмыки на место назначения, их осталось очень мало, но еще многим было предназначено умереть в заснеженной Сибири. Люди, приехавшие из теплых краев, не знавшие куда их везут, умирали.

Среди тех, кого выселяли, были мои бабушка с дедушкой. Они вдвоем с другими членами семьи попали в Новосибирскую область. Там жили в Купинском районе, в селе Стеклянное. Эдже — я буду ее так называть, так как с детства ее так зову — тогда было восемнадцать лет, а аве семнадцать. На руках у эджи была ее старая слепая мать. Тогда, в Сибири, им не давали хозяйство и их всех завели в бараки. В каждой комнате ютились пять-шесть семей. Еды не было, не выдерживая холодного климата Сибири, люди, окружавшие эджию, умирали от холода. Эдзя, чтобы выжить, выполняла в колхозе любую работу: одна пасла скот, была дояркой, в степи, в поле собирала колоски, хотя это было опасно. Но в Сибири к выселенным русские относились доброжелательно: то еду дадут, то работу. Иногда варили мерзлую картошку, получалась масса, этим-то главным образом и питались.

В 1956 г. вышел указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении», а в 1957 г. им разрешили ехать на Родину. Радости не было предела. Наконец-то домой!

Вспоминая эти годы, эдзя вновь и вновь переживает все заново, на ее глазах появляются слезы горечи и утраты. Мне бы хотелось закончить стихами Д. Кугультинова из поэмы «От правды я не отрекался»:

Я жил и верил:
 Сгинет мрак проклятый,
 И хоть сгущалась мгла со всех сторон,
 калмыцким сердцем верил в Съезд Двадцатый,
 не думая, как будет зваться он.

1997

Гиляна Хулаева

Этот ужасный день в памяти каждого калмыка от мала до велика останется навсегда черным пятном, и ничто не сможет изгладить его. Ибо в этот зимний день 28 декабря 1943 г. угоняли калмыков из родных деревень и хотонов в незнакомую, вечно холодную, ледяную землю. Эта беда пришла к каждому во двор и постучалась в каждое окно. Среди большого числа имен в списках депортированного населения калмыков числились имена моей бабушки, двух ее сестер и дедушки.

В своем сочинении я хочу немного описать это страшное путешествие моей бабушки из родного дома в холодную Сибирь. Когда она вспоминает это время, у нее всегда появляются слезы на глазах. Слезы печали и грусти по тому тяжелейшему периоду ее жизни, что пришлось ей пережить; слезы по потерянной молодости в чужих краях.

В ночь на 28 декабря моя бабушка проснулась от сильного стука в дверь, когда все практически спали, и очень испугалась его и тем более удивилась, увидев молодых солдат на пороге, которые грозным голосом потребовали за пятнадцать минут собрать все необходимые вещи и выйти во двор. Но прежде они тщательно осмотрели весь дом для безопасности, так как считали, что там скрываются дезертиры и даже возможно наличие оружия. В это время моя бабушка работала в столовой и у нее в сумочке лежала достаточно большая сумма — выручка одного дня, которую она не успела сдать в кассу. Она стала проситься на улицу, чтобы отнести эту выручку, но один из солдат посоветовал ей оставить их при себе, так как они ей понадобятся в дороге, велел ей пойти туда и купить как можно больше хлеба и других продуктов питания, что она и сделала. Бабушка думала, что переселяют только ее, и от испуга металась из угла в угол, не понимая, что вокруг происходит, но услышав плач детей и шум людей, поняла, что их переселяют из родных домов в неизвестную им землю. За тридцать минут всех собрали, погрузили в покрытые брезентом машины, и таким образом начался их долгий мучительный путь. На рассвете машины приехали к железнодорожной станции, где их ожидал товарный поезд. Загнали их в вагоны, где не было ничего, за ними плотно закрывалась дверь на засов. Немного погодя поезд тронулся. Вместе с бабушкой поехали в Сибирь и две ее сестры, одной было восемнадцать лет, а другой десять. Во время пути они не испытывали большую нужду в еде, но вода ценилась на вес золота. Они поочередно обсасывали обледенелый гвоздь на стене. А люди умирали от холода, голода, порой в том положении, в котором они находились. Поезд по пути останавливался на проходных станциях. Когда открывалась дверь, люди, панически перепрыгивая через трупы, выбегали на улицу, чтобы достать снег, который послужит им источником для дальнейшего существования. Но также во время остановок солдаты соби-

рали уже окоченевшие трупы, их было немало, грузили их на сани. Бабушка всегда подбегала к ним, чтобы найти своего отца, который жил в другом селении, но не находила его. Она продолжала надеяться, что они потом все там встретятся. Когда они приехали к месту назначения, то всех их сразу загнали в баню, чтобы дезинфицировать. Далее их поместили в старой школе, которая давно уже не отапливалась. В одну комнату вселяли до шести-семи семей. Еду поначалу все делили, но когда запасы кончились, им пришлось продавать все свои платья, украшения русским женщинам за еду — они сначала боялись их, так как ходил слух, что приехали не люди, а людоеды, но видя калмыков в обычной жизни, их трудности, видя, что гибнет их большое количество, местные жители стали помогать (но не все, конечно) всем, чем могли. Бабушкина сестренка бегала с детьми и выпрашивала еду у русских людей, собирала на поле замерзшую насквозь, местами гнившую картошку. Но бабушку ожидала еще одна беда. Заболела ее восемнадцатилетняя сестра воспалением легких и вскоре умерла. Она два месяца лежала в коридоре, закутанная в одеяло, так как бабушка не могла ее похоронить как подобает, потому что земля была насквозь мерзлая. Когда наступила весна, она ее похоронила на кладбище калмыков, где тихо лежали многие ее земляки, которые уже никогда не вернутся на Родину. В первые годы было очень тяжело. Все работали не покладая рук в государственных колхозах. Каждый день отмечались у начальника штаба, ибо в случае неявки грозило тюремное заключение. Но человек ко всему привыкает, калмыки стали понимать природу холодной Сибири, боролись за жизнь, за место в этом мире. Бабушка шесть лет не переставая искала своего отца, и когда, наконец, нашла его, он был уже тяжело болен и вскоре скончался. Похоронив его с болью в сердце, она полностью отдалась работе. В свободное время она стала шить на заказ. Шила платья, рубашки, штаны, тулупы для мужчин, вязала платки, кружевные оборки для покрывала на кровать, носки и так далее. За ее работу русские женщины приносили еду. У нее было все, что нужно человеку, чтобы выжить в этом суровом климате. В 1948 г. бабушка вышла замуж за моего дедушку. Они вместе построили свой родной дом.

Тринадцать лет жили калмыки на чужой им земле, вдали от родных степей. Но каждый верил, что наступит день и он вернется домой. И в 1956 г. моя бабушка вернулась домой в Тугтун. Все было разрушено под корень, но никто не унывал, с большим энтузиазмом стали поднимать село. Когда они приехали, то со слезами на глазах падали на землю, обнимали ее и благодарили Бога за то, что он не бросил их в трудную минуту, что сохранил их жизни.

Эта операция под названием «Улусы» унесла жизни тысячи ни в чем не повинных детей, женщин и стариков. Она является черным пятном в

истории всей Калмыкии, и она навсегда останется в памяти и сердце каждого калмыка.

1997

Лилия Цеденова

Мою прабабушку с шестью детьми, один из которых был грудного возраста, отправили в Сибирь. Их спасло то, что прадедушка был Героем Соцтруда и до выселения они были достаточно обеспеченной семьей. Когда в дом пришли солдаты, они взяли кожаные отцовские куртки с меховым подкладом, немного еды и мясорубку. Когда их привезли в Тюменскую область, прабабушка нанялась на работу к одной сибирячке ухаживать и доить коров. Часть молока она брала себе и варила калмыцкий чай. После некоторого времени сибирячка признала, что ее коровы никогда не были такими ухоженными, они почти блестели. И сибирячка за это подарила прабабушке одну корову. Теперь у них всегда был чай, сметана и вообще молоко. Помогала и мясорубка. Она была единственная в поселке. Люди, приходившие просить мясорубку, оставляли им немного мяса. В трудные дни они меняли куртки на еду и деньги. Великий, нечеловеческий труд прабабушки позволил выжить всем шестерым детям и вырастить внуков. Да и саму прабабушку Сибирь не сломала. Она умерла не от голода и холода, а просто от старости.

1997

Баатр Церенов

Весной 1942 г., едва Николаю Манджиеву минуло восемнадцать лет, он был призван на службу Приволжским райвоенкоматом. В поселке Башмаково Астраханской области вместе с другими ребятами прошел ускоренную подготовку, получил обмундирование, и уже в октябре стрелок противотанкового орудия Н. Манджиев участвовал в обороне Сталинграда. Кровопролитные бои продолжались и днем, и ночью. Обе стороны несли огромные потери. Вскоре Николай Очирович получил тяжелое ранение левой голени и был госпитализирован. После выздоровления, в начале 1943 г., попал под Курск, где участвовал в ожесточенных боях с противником. Получил еще одно, осколочное, ранение, в тяжелом состоянии Николай Манджиев был доставлен в госпиталь г. Курска. Почти месяц он находился между жизнью и смертью. Когда состояние Николая улучшилось, его перевели в город Рязань, где ему сделали сложную операцию, а затем отправили в город Курск.

На следующий день после возвращения в часть его спросили: «Вы калмык? Вам необходимо отправиться в Читу, там формируется национальный полк». Так Николай Очирович оказался в читинском пересылочном пункте, а затем — Широкаге.

Девятнадцатилетний юноша и тысячи его земляков подверглись жесточайшему испытанию на выживаемость. Огромными, тяжелыми киркашами¹, которые в руках удерживать было нелегко, они добывали каменную породу в карьере. Добытые глыбы на руках переносили к машинам. Изнуряющий, нечеловеческий труд с ежедневной нормой выработки 6 кубометров камней и скудный паек быстро доводили людей до полного истощения. Не выполнивших норму заставляли работать всю ночь или оставляли без пайка.

Через четыре месяца пребывания в лагере Николай Очирович начал опухать от голода. Возможно, он не выжил бы, если бы лагерный врач не пожалел его и не направил на лесоповал. Здесь было легче, но ненамного. Весь день валили лес. Работали допоздна, ночью занимались погрузкой, а рано утром — снова в тайгу. Этот кошмар длился для него почти полтора года. Люди гибли один за другим. К ним, бывшим фронтовикам, с честью защищавшим Родину, относились как к узникам нацистских концлагерей. Разница была в том, что не пригодных к работе, «доходяг», у которых легко простукивалась кость на ягодицах, «активировали», то есть списывали и отпускали к родным. Никого не интересовало, как «активированные» доберутся до места назначения. Многие умирали в пути.

Дату своего освобождения из лагеря, 11 июля 1945 г., Николай Очирович запомнил на всю жизнь. Впереди еще была долгая ссылка, на протяжении которой он проработал грузчиком на угольном складе.

Родных у Николая Очировича не осталось: мать умерла до войны, а отца в 1941 г. отправили на фронт. Никто не знает, где он погиб.

Сейчас Николай Очирович проживает в Элисте. О тех тяжелых годах он не любит вспоминать и все выпавшие на его долю испытания воспринимает с философским спокойствием. В сердце этого доброго человека не осталось места для злобы, ненависти и обиды.

1997

Хонгр Чиджиев

Холодной зимой 1943 г. без всякого предупреждения наши авы и эджи были погружены на машины и отправлены на железнодорожную станцию, где их поместили в вагоны для скота и отправили в Сибирь, холодную зло-

¹ Видимо, кирками.

вещую неизвестность. Думаю, что не стоит говорить об условиях перевозки калмыков в Сибирь. Число умерших говорит само за себя — умерла почти половина. Сибирь как смогла приняла осиротевший народ. И хотя ситуация была тяжелая, огонь в сердцах калмыков не угасал ни на минуту. Калмыки выжили в этих ужасающих условиях и вернулись домой. Все уже давно позади, но никогда не забыть нам лица наших умерших в Сибири родных и близких, никогда не вернуть потерянного времени. Может, с какой-то стороны ссылка играла и положительную роль в нашей жизни, но все хорошее сразу чернеет при мысли о том, сколько горя она принесла.

1997

Айс Шараев

Странно и непонятно устроена наша жизнь. Вора и убийцу она порой награждает властью и богатством, а ни в чем не повинному праведнику посылает самые жестокие испытания. Иногда жизнь бывает так несправедлива, что начинаешь думать о том, что жизнь — это действительно страдания, как говорится в буддийском писании. Да, наверное, так оно и есть. Но самое страшное бывает, когда жертвой такой ошибки становится не один, и не два, и даже не сотни людей, а целый народ.

Калмыки. Я горжусь тем, что ношу это громкое имя, несмотря на то, что народ начинает понемногу увядать. Но нам есть что вспоминать: Джунгария, Россия, многочисленные войны, победы и, словно шрамы от глубоких ран, эти три великих переселения¹. О последнем, не менее страшном и тяжелом, чем первые два, помнят живые свидетели тех времен, наши деды и бабушки.

Мою бабушку восемнадцатилетней девушкой с больной матерью, малыши сестренкой и братишкой, без отца отправили в Сибирь. Не любит она вспоминать об этом, все как-то отмалчивается со смущенной улыбкой, когда начинаешь расспрашивать. На лице улыбка, а в глазах — боль. Боль, прошедшая пятьдесят лет и глубоко осевшая в сердце. И я вижу, я чувствую эту боль, но если сам не спрошу, не узнаю, об этом мне никто не расскажет.

То время было не самым лучшим для семьи Булгун: отец умер от болезни, мать тоже тяжело болела, младшие братишка и сестренка постоянно нуждались в заботе, вся тяжесть легла на хрупкие плечи девушки. Единственный, кто мог бы помочь, — это брат Санджи, но он еще в сорок первом ушел на фронт, и с тех пор не было известий от него.

¹ Массовая откочевка калмыков в Джунгарию в 1771 г., белая эмиграция в 1920 г.

В то декабрьское утро в селе раздался шум машин, крики, плач, топот солдатских сапог, и вдруг — сильный стук в дверь. На пороге появился солдат с винтовкой, молча вошел в землянку, осмотрелся и проговорил, глядя не на Булгун, а на фотографию Санджи, присланную еще в 1941 г. с фронта: «Полчаса даю тебе на сборы, вас перевозят в другое место. Возьми также вещи и еду. Дорога будет дальней». Увидев солдата, Булгун сразу поняла — дело нештучное, стала быстро собирать вещи и еду в один узел. Туда же положила подарок совхоза, как ударнице труда ей дали когда-то швейную машинку «Зингер». Ох, как пригодилась она в Сибири, была единственным источником пропитания. Булгун шила различную одежду, этим и кормила свою семью. Тут подошел солдат, равнодушно посмотрел на то, как тяжелый узел вытаскивали из землянки всей семьей, пошел впереди.

На следующий день добрались до железнодорожной станции, куда сгоняли калмыков, стали распределять по вагонам. В вагонах стояла страшная духота, люди не то что сесть, стоять не могли нормально, многие стали задыхаться, потянулись к маленькому квадратному окошку. Но там уже сидел старик с костылем, который грубо всех отталкивал, ругался, не подпускал к окошку. Ему протягивали продукты, теплые вещи, лишь бы глотнуть свежего воздуха. Тут поезд тронулся. Ехали, кажется, день и уже к вечеру подъехали к какому-то мосту, большому, красивому, таких Булгун никогда не видела. «Надо же, как строят-то теперь. Интересно, а сколько он выдержит?» — думала Булгун. О, если бы знала эта наивная девушка, что ответа на ее вопрос не знал никто, даже те, кто построил этот мост, названный недавно Трусовским.

Лиджаку Шараева в полку знали многие. Еще бы. Он ведь был радистом в той знаменитой танковой разведке, что два раза вызывала огонь на себя, будучи окруженной, и в обоих случаях осталась невредимой. Именно эти четыре отчаянных парня: калмык, два украинца и русский — притащили за эти годы сорок «языков», по «десяточке» на каждого, как шутили они сами; именно их хотели отправить на парад Победы, но поехали в Москву только двое. И вдруг приходит извещение об отправлении Лиджаки в Сибирь, было это осенью сорок пятого, когда старшему сержанту Шараеву пришлось после своей второй войны, уже с Японией, ехать в глубокую тайгу, искать свою семью. Два месяца искал Лиджака своих родных. За это время он спустился вниз по Енисею, искал в Дудинке, затем вновь вернулся и все-таки нашел. Поселился он с семьей под Красноярском. Как и многие другие, рубили лес. Однажды в село привезли на саянах новую партию калмыков, расселили их по землянкам и в тот же день погнали на лесоповал. Лиджака, как всегда, работал на своем участке, когда бригадир привел к нему худенькую девушку, всю закутанную в плавок, так что лица видно не было. «Ну что ж, раз привезли, значит, будем

вдвоем работать, — подумал Лиджака и спросил у девушки: Ты когда-нибудь на лесоповале работала?» Та покачала головой, однако топором орудовала бойко, но не хватало опыта. Однажды девушка неправильно встала у дерева, когда рубила, и береза всей массой упала на нее. В тот же момент Лиджака оттащил дерево, но девушка так и осталась лежать. «Жива?» — спросил Лиджака; та вдруг заморгала быстро, на ресницах заблестели слезы, из груди вырвался негромкий стон. Подхватив девушку на руки, Лиджака понес ее в барак, уже перед самым порогом спросил: «Звать-то тебя как?» «Булгун», — тихо ответила девушка...

1997

Кермен Шаранова

13 лет и 13 дней... Пятьдесят три года назад произошла невиданная трагедия для всего калмыцкого народа. 28 декабря 1943 г. Калмыцкая АССР по Указу Президиума Верховного Совета СССР была ликвидирована, а калмыки сосланы в далекую и холодную Сибирь.

Невозможно забыть, как, не щадя стариков и детей, насильно отрывали людей от родных очагов, не давая подготовиться к длительному пути. Калмыки покидали родную землю, уезжали почти ни с чем и в никуда. Как можно забыть жестокость, грубость и бесчеловечность, голод и холод товарных вагонов, где болели и умирали один за другим близкие, любимые, дорогие сердцу люди? Нет ни одной калмыцкой семьи, где бы не было подобных потерь. В этой ссылке у детей не было детства, они выросли не по годам, взвалив на свои хрупкие плечи громадную горе своего народа.

Но калмыки и в Сибири сумели выстоять и выжить, хотя потеряли почти половину своего населения. Они работали во всех отраслях народного хозяйства, выращивали хлеб и строили дома, оставили о себе добрую память. Они с честью и достоинством выдержали эти тяжкие и незаслуженные испытания.

Написать это сочинение было для меня нелегким делом. Я прочитала много статей, публикаций в нашей прессе, дважды видела фильм «Гадание на бараньей лопатке», но рассказ моей прабабушки стал для меня таким потрясением, которое заставило меня глубоко прочувствовать, пережить самой ту страшную трагедию, которая приключилась с моим многострадальным народом в далеком 1943 г.

Моей прабабушке 88 лет, но она помнит хорошо все скорбные моменты того времени, хотя прошло более чем 50 лет. Нужно сказать, что прабабушка не растерялась, когда утром в доме появились русские солдаты. Вместе с другими вещами она упаковала швейную машинку, которая ста-

ла нашей кормилицей в далекой, холодной и голодной Сибири, благодаря которой мы выжили.

С тех пор прошло более 50 лет, но мы ни на минуту не забываем о тех, кто пал жертвой сталинского геноцида. Недавно в Элисте был воздвигнут нетленный Памятник жертвам политических репрессий, выполненный выдающимся скульптором Эрнстом Неизвестным. Имена наших бабушек, дедов, отцов и матерей навсегда останутся в наших сердцах.

1997

Джиргала Шураева

1941–1945 гг. были самыми тяжелыми для всего Советского Союза. Особенно тяжелыми они были для калмыцкого народа. В то время когда тысячи калмыцких воинов, не щадя своей жизни, мужественно сражались на различных фронтах с германским фашизмом, всех их родственников, оставшихся дома, согнали с родных мест, погрузили, как скот, в тысячи «телячьих» вагонов и повезли на восток. Десятки железнодорожных эшелонов с калмыками тянулись в Сибирь...

Многие говорят, что эта дорога в Сибирь длилась примерно тринадцать дней. Но судя по рассказам моего деда это было около месяца. Начну все по порядку. Тогда они жили в поселке Кельтка. Среди ночи к ним ворвались двое военных. Разбудив всех, они сказали, что за предательство калмыков срочно выселяют из родных мест, поэтому вся семья должна быстро одеться и выйти на улицу. На сборы им дали тридцать минут. Ничего не понимая, они стали одеваться, в доме началась паника. Проснувшись, маленькие дети стали плакать, моя прабабушка не знала, что брать и что делать. На улице их погнали к сборному пункту. К этому времени там уже собралось много людей. Всех их погрузили в машины и повезли в Астрахань, где они должны были пересесть на поезд. Но отъехав от поселка примерно на двадцать километров, они остановились, так как скоро должны были подъехать другие машины из других сел. Дед не помнит, сколько дней они так стояли и ждали, но он хорошо помнит, как в это время погиб его младший брат двух лет. Уже в дороге Астрахань — Сибирь у него погибли две сестренки. В вагоне умирали не только его близкие, но и у других было такое же горе; таким образом, в вагоне становилось все меньше и меньше людей. Так они доехали до Красноярского края. Трудно сказать, сколько калмыков умерло в этой дороге. Все они умирали от холода, голода, болезней, эту дорогу дед помнит не очень хорошо, ему запомнилось, как открывали двери вагона и выносили мертвых, как сильно хотелось есть. В вагоне была одна семья, которая взяла с собой немного мяса. Это мясо разрезали на мелкие кусочки и клали их на буржуйку. Это

полусырое, полугорелое мясо ели в основном дети, но, к сожалению, мяса еле хватило на неделю, а поезд все ехал и ехал. Половина людей из тех, кто сумел добраться до места назначения, нашли там свой последний приют. Очень тяжело пришлось калмыкам в первое время. Ведь не было ни жилья, ни теплой одежды и обуви, не было еды. Какое-то время они жили в бараках, а в поле воровали картошку. Тех, кто умирал в это время, люди не могли даже похоронить, так как они были очень слабы, кроме того, была очень мерзлая земля. Поэтому трупы так и лежали до весны. Только весной похоронили моего прадеда, который умер от воспаления легких.

В Сибири оказались также и калмыки, воевавшие на фронте. Мой двоюродный дед, который воевал на фронте, прежде чем найти своих родных, поработал на строительстве ГЭС. И только после этого ему разрешили искать своих близких.

Когда слушаю рассказ об этих днях или читаю книгу на эту тему, возникает такое чувство, как будто я сама жила в это время и пережила весь этот ужас и кошмар. Я думаю, что калмыки, пережившие эти дни, никогда не забудут свою вторую Родину, все унижения, которым они подвергались, а также этот холодный, суровый день — 28 декабря 1943 г.

1997

Эльза Энчева

Безусловно, это черные страницы в истории нашего народа. Страшные годы ссылки, депортация навсегда врезались в нашу историческую память. Однако даже в самом ужасном, плохом, страшном всегда интересно найти что-нибудь полезное, хорошее. Может быть, было хоть что-нибудь светлое, какие-то радостные мгновения, запомнившиеся людям, которые это пережили.

Моя мама родилась в 1947 г. в селе Покровском Красноярского края, под Ачинском. С 1943 г. ее семья увидела много горя, смертей, страха. Дедушка был на фронте, а бабушка одна с двумя детьми на руках в то время жила в Элисте. Несмотря на то что ее за несколько часов до высылки предупредили знакомые солдаты, она была в такой растерянности, что ничего путного с собой и не взяла. Поселили их в Красноярском крае около шахт, где и работала моя бабушка. Было холодно, голодно, однако вскоре их адрес узнал дедушка и стал периодически посылать им деньги, посылки. Позже, уже в Германии, хотя об этом и не принято говорить, он, как и все солдаты, посылал различные подарки родным, которые те меняли на еду на рынке. Таким образом, мой дедушка спас семью от голодной смерти.

Несмотря ни на что, семье моей мамы относительно повезло, потому что у них была опора и защита — мой дедушка. В 1946 г. он вернулся с фронта и сразу же устроился на работу. С тех пор их семья практически всегда была накормлена и одета. Эта история, в принципе, была достаточно обычной для калмыцких семей тех времен. Однако интересно мне было не это, а совсем другое. Моя мама, которая родилась уже в Сибири, рассказала мне о своем детстве. И интересно мне было то, что у нее остались очень хорошие воспоминания о времени, о детстве, проведенном в Сибири.

Прежде всего, она полюбила природу во всей ее девственной дикости, необузданности, изумительной красоте. Понимание прекрасного должно закладываться еще в детстве, так вот, мне кажется, столь раннее знакомство, сближение с природой тоже сыграли свою роль в становлении личности моей мамы, в ее умении тонко ценить прекрасное. Мы, к сожалению, лишены этого. Во-вторых, люди. Люди «большие», открытые, душевные. Много людей талантливых, необычных, с интересной судьбой, со своими особенностями. Даже в школе было много интересных ребят: они создавали, творили, были интересными личностями и собеседниками. В школе был один мальчик, который создавал изумительных кукол, ставил удивительные спектакли.

Родители мамы очень сильно скучали по Родине: вспоминали протяжные калмыцкие песни (услышав по радио восточные мелодии, припадали ухом к приемнику), вспоминали теплые края родной Калмыкии; она им казалась раем на Земле, о котором они мечтали в своих грезях.

В 1957 г. они вернулись в Элисту. Мама была тогда в четвертом классе, но она не помнит светлых, радостных моментов детства, связанных с Элистой. И природа не та, и люди мелочные, да и совсем не та атмосфера.

Я вовсе не хочу приукрасить, оправдать это страшное событие. Но все-таки нужно научиться видеть все не только в черном свете, а находить и белые, светлые пятна. Тогда наши знания, понимание будут более обширными, объективными.

1997

Баира Эрдниева

Мой прадед, то есть отец моей бабушки по матери, был зажиточным человеком. У него было хозяйство, большой фруктовый сад и дом. Потом он выдал замуж свою дочь. В 1942 г. дедушку забрали на фронт, а уже через год утром рано, примерно в четыре часа, 28 декабря 1943 г., беда постучалась и в их дом. Это были грозные солдаты, приказавшие им собраться в течение часа и погрузиться на грузовик. Когда бабушка собрала пятерых детей и села в машину, то увидела, что русские соседи забрались

в ее дом и на глазах стали растаскивать хозяйство и в первую очередь дорогую ей немецкую швейную машинку «Зингер». Она захотела забрать хотя бы ее, но, к счастью, старший сын остановил ее, сказав, что если она уйдет, то может потеряться. На машине их отвезли в Сталинград, там посадили в «товарняк» и отправили в Сибирь. Первой станцией был Ачинск, а везли их в Красноярский край. Там поставили на учет и поселили в холодных продуваемых бараках, старшего сына сразу отправили на лесоразработки. Две сестры впоследствии работали доярками и за то, что победили на Всесоюзной выставке сельского хозяйства дважды, им дали по две медали. Для того чтобы прокормить семью, бабушка брала работу. Она получала рваные полшубки, перекрашивала и перешивала вручную, то есть превращала их в целые. Из остатков и лоскутков шила длинные теплые варежки и продавала или меняла на ведро картошки или две булки хлеба на станции. В это время мой дед воевал на Прибалтийском фронте и закончил войну в Кенигсберге. Когда закончилась война, он нашел свою семью и перевез в Алтайский край к своей родной сестре в село Соколово. Там они и жили до тех пор, пока им не дали разрешение на выезд в Калмыкию. В Соколово они имели большой дом, и снова пришлось оставить его. Но вернулись они не в село Чолун Гер, а в Малые Дербеты. Здесь обосновались и живут по сей день. Бабушка умерла в 1981 г. Дедушке сейчас 93 года. Когда я попросила маму рассказать о том, что она помнит об этих страшных годах, она согласилась. Я видела, что она пыталась скрыть волнение, но это ей не очень удалось, и мне даже стало как-то не по себе, пожалела, что спросила.

Отец не помнит, что было, так как он был маленький, и его мама умерла в Сибири, а он жил у брата. Я могла спросить у него, но он живет в с/х Ергененский.

1997

Дима Юндин

Проблема высылки калмыцкого народа волнует всех в нашей республике. Почему? Сталин, выслав калмыков в Сибирь, обрек их на физическое вымирание как нацию, уничтожил таким образом большую часть их культуры, традиций и обычаев. Что же послужило поводом к этому страшному злодеянию XX века? Дело в том, что некоторые люди (а отнюдь не весь народ, как думал Сталин и его окружение), перешли на сторону фашистов и образовали так называемый ККК, но корпусом ККК никогда не был. И это мизерное обстоятельство послужило поводом для выселения целого народа (хотя, что греха таить, предатели были почти среди каждой нации). Сталин не учел ни героизма калмыков на фронтах Великой Отече-

ственной войны, ни мужества простых трудяг, отдававших все фронту и победе над общим врагом, ни мужества калмыков-партизан, наносивших значительный урон врагу. Если бы не Хрущев, калмыки вообще исчезли бы. Сколько горя, страданий, слез, несчастий принес один указ! Но почему же Сталин решился на это? Наверное, даже тогда, в годы Великой Отечественной войны, Сталин хотел показать свою силу, свое всемогущество. Но этот акт ничего хорошего не принес стране. Фронт был ослаблен (калмыки-солдаты были отправлены в Сибирь), тыл был ослаблен и был нанесен урон (причем непоправимый) народу. Но все равно я снова и снова возвращаюсь к этому событию. Ведь главное, что надо уяснить, так это, первое, то, что такая трагедия не должна повториться ни с каким народом в нашей стране. Второе — никакая политическая авантюра не стоит таких жертв и ничем нельзя оправдать такой страшный геноцид калмыцкого народа.

1997

Намру Бакаев

Моя бабушка, Цаган-Хаша Батмаевна Шонхорова, родилась в селе Хошеутово Хомутовского района в 1926 г. Клеймо дочери «врага народа» висело на ней, и она даже не удивилась, когда 28 декабря 43 г. пришли солдаты и их стали выселять.

В теплушках эддю и ее сестру Наталью разлучили. Как тяжело быть без родных! Отец с матерью умерли еще в 36 г., брат и дядя без вести пропали под Москвой в декабре 41-го. Она попала в село Пугачевск Алтайского края. Было очень трудно, есть нечего, холодно. В первую зиму жила вместе с другими в фабричном клубе. Работала на лесоповале лесорубом, уходила рано утром и возвращалась поздно вечером уставшая, голодная, полуразутая, злая. Говорят, что хорошие люди есть везде, так и моей эдже, наверное, повезло. Она стала жить у бездетной вдовы. Жаль, что сейчас она (моя эдзя) не может вспомнить ее имя. Она вспоминает, что те годы пролетели быстро, как во сне, как в безумном сне. Однажды, возвращаясь с работы, она присела отдохнуть у дороги и чуть не замерзла, хорошо, ей помогли дойти до дома добрые люди. Добрые люди — это мой дед Бакаев Намру Доржиевич. Они поженились через 7 лет после этого события уже в Казахстане. А пока моя эдзя работала санитаркой, поваром, медсестрой, школьным учителем — об этом я пишу с облегчением, потому что в эти годы стало жить намного лучше. Уже не вспоминаются голодные дни, обмороженные пальцы, унижения и оскорбления. В 1952 г. эдзя с согласия комендатуры переезжает в Казахстан, где встречается со своим спасителем и мужем. Они живут в городе Узгенче, и внезапно она

здесь встречается своего брата и сестру Нюдлю, героиню песни «Нюдля». Оказывается, они изменили свою фамилию с Шонхоров на Шонхорбаев и таким образом избежали депортации в Сибирь.

Судьбе было угодно, чтобы мы не видели ужасов депортации, безысходного горя и слез отчаяния тысяч людей в первые ссыльные годы. Наверное, поэтому мой рассказ покажется кому-то сухим и сжатым, но это надо — почувствовать жизнь старшего поколения, у которого там прошли юные, молодые годы. Какой бы безрадостной ни была действительность, но для них жизнь была прекрасной. Этот жизненный этап невозможно забыть, зачеркнуть, нельзя выбросить из памяти.

28 декабря 1943 г. — эта дата навсегда останется в памяти нашего народа. Как гноящаяся рана, она будет напоминать о себе, отдавая болью во всем теле. Искалеченная судьба целого народа. Это несчастье постигло нас всех.

Моему дедушке, когда он приехал в Сибирь, было восемь лет. Он только во второй класс ходил. О том, как их отправили, помнит довольно смутно. Их забирали рано утром. Приехали солдаты с оружием на больших военных машинах. Всем приказали собираться, сказали, что отправляют в Сибирь за измену. Сборным пунктом служил кинотеатр «Родина». Отсюда их увозили на бортовых машинах в село Дивное, а там уже на поезде в Сибирь. Стояла большая суматоха. Мало кто что-нибудь понимал. Потом посадили в товарные вагоны. Поначалу людей очень много было. Вагоны забиты были, но по дороге многие умирали: было холодно, теплой одежды не было, люди голодали. На каждой станции из вагонов выносили трупы. Их не закапывали в землю, а просто зарывали в снег. Земля была мерзлой, и солдаты не хотели рыть могилы.

В Сибири мой дедушка с семьей попал в Алтайский край. От железнодорожной станции в село их везли на деревянных санях, запряженных лошадьми. Заселили их в большие деревянные бараки. Сначала было очень худо: негде было взять продовольствие, языка не знали, местные жители относились к ним настороженно. Самое трудное было привыкнуть к климату. Постоянно было холодно. Взрослые первое время не могли найти себе работу. Многие откапывали и находили в снегу мерзлую картошку — ею и питались. Именно в Сибири калмыки научились выращивать картофель. Затем местные стали понимать, что калмыки никакие не враги народа, а такие же люди, как они сами. Дедушка нашел работу на лесоповале. Понемногу привыкали. А потом и вовсе освоились, стали жить.

Человек везде освоится, привыкнет ко всему, выживет в любых условиях. Но это дается ему дорогой ценой. А маленькому народу они запомнятся на долгие годы...

1998

Мерген Дорджиев

Депортация... при этом слове у людей старшего поколения, наших бабушек и дедушек, перед глазами встает тот холодный декабрь 1943 г., товарные вагоны и серые шинели войск НКВД. Это черная страница нашей истории, но ее уже не вычеркнешь, и чтобы рассказать об одной судьбе, об одной из множества пострадавших семей, я приведу пример моей бабушки, В. Д. Цуглаевой.

Холодным утром в их дом вошли двое солдат НКВД, подняли всех с постели и сказали им о том, что их, как и всех калмыков, выселяют в Сибирь, и посоветовали взять с собой теплую одежду и еду, кроме того, они сами зарубили двух овец и помогли собирать вещи. Но этот случай был скорее исключением, так как в большинстве случаев солдаты действовали грубо. Их семья жила в поселке в десяти километрах от Башанты, ныне Городовиковск. Так же, как и других, погрузили их в «студебеккеры» и отвезли на станцию, где стояли на путях товарные вагоны. Везли их около двух недель в насквозь продуваемом вагоне, где люди сидели плечом к плечу и все ярусы нар были битком забиты людьми. До сих пор у нее сохранился на руке шрам от ожога шипящим жиром, вылившимся из котла. Многие не выдерживали сурового переезда — их хоронили в общих могилах. Волнение сквозило в ее голосе даже сейчас, по истечении такого срока, даже сейчас она не может спокойно вспоминать об этих ужасных и нечеловеческих условиях. Гибли в первую очередь дети и старики. Трудно представить себе горе матери, когда она видит собственными глазами, как умирает ее ребенок... Привезли их в Омскую область, где они прожили около года, затем были погружены на пароход и отправились по Оби на Север, где усилиями калмыков был построен стеклозавод. Там условия жизни были лучше, хотя жили в бараках, но, по крайней мере, кормили их в столовой, где работали тоже калмыки. Прожив и проработав там около года, они с радостью встретили отца, вернувшегося с фронта в августе 1945 г. Он не был репрессирован в 1944 г. вместе со всеми, так как его командиру, еврею по национальности, были знакомы чувства изгоев и он не выдал его, хотя в случае обнаружения данного факта это могло обернуться тюремным заключением или даже смертной казнью. Он забрал свою семью в Омскую область, и там они, имея статус спецпереселенцев, потихоньку начали налаживать свою жизнь. Бабушка, ей тогда было шестнадцать, пошла в школу, старший брат, имевший бухгалтерское образование, пошел работать в контору. Постепенно все входило в более или менее привычное русло, но тем не менее каждый месяц они должны были отмечаться у коменданта, который находился за несколько километров от их поселения.

И потом, когда узнали об указе, о реабилитации, не раздумывая, продали все за гроши, чтобы иметь деньги на дорогу, и отправились домой, в родной край.

1998

Баира Дорджиева

Не думай, что минувшие года,
Что прошлое уходит навсегда.
Что постепенно заживает рана...

Д. Кугультинов

Действительно, сколько бы времени ни прошло, а горечь тех лет навсегда останется в сердце каждого калмыка. День 28 декабря 1943 г. — день депортации стал роковым для многих калмыцких семей. Сколько горя и страдания принесла она людям! До сих пор в глазах каждого пожилого человека, в его речи мы можем увидеть горечь утраты, которую пришлось пережить в сороковых годах. Депортация, как война, наступила внезапно, принесла с собой смерть, слезы, горе. А на калмыков обрушилось двойное горе: война и депортация. Сколько жизней было разрушено этими двумя событиями! Они, как смерч, пронесли по калмыцким степям.

Моя бабушка тоже была репрессирована. Она прошла через все эти адские муки, которые выпали на долю нашего народа. Когда их репрессировали, ей было двадцать четыре года. Она, ее муж, трехлетний сын, сестренка и родители тоже были лишены будущего, за одну только ночь изменилась их жизнь, планы на будущее и надежды. Им не позволили брать ничего лишнего, хотя они жили далеко не бедно. До войны у бабушкиного отца был магазин и ей, привыкшей жить в достатке, пришлось отказаться от всего.

Сейчас она вспоминает, что везли их в бывших товарных вагонах. Вагоны были полностью забиты людьми. Как будто и не людей везли, а скот какой-то, никому не нужный. Кормили их очень редко, а люди умирали на глазах от холода и от голода. Их тут же выкидывали из вагонов, как мусор. Это было ужасное зрелище. Доехали до Сибири они всей семьей. Сразу же им выделили дом на двадцать два человека. Хотя это строение и домом назвать очень трудно. Маленький холодный сарайчик. Бабушка вспомнила, что, когда люди начали возмущаться, то последовал ответ: «Скажите спасибо, что хоть такой дали. А не нравится, можете на улицах жить. Вам даешь — а вы еще и возмущаетесь». Так и остались в этом доме. А куда еще деваться. Шло время. Вроде бы калмыки более или менее устроились. Стали помогать русские, раньше считавшие их людоедами. Но ког-

да они поняли, что калмыки такие же люди, как и они, стали помогать кто чем может. Но в семье моей бабушки начались несчастья. В мае 1944 г. умер ее муж, и весь груз ответственности за семью лег на ее плечи. Она работала в колхозе — перебирала семена, убирала поля и так далее. Трудно ей пришлось в этот год: через полгода умерла ее мать, а еще через месяц и второй ребенок, которому было всего шесть месяцев. А тут еще и отец болеть начал. Бабушка стала подрабатывать шитьем. Шила она в основном своим соседям, а те платили ей, кто хлебом, кто картошкой. Так и перебивались.

Через год умер отец. Она уже и не ждала счастья и помощи. Но через некоторое время она встретила того, с которым провела последующие сорок три года. Теперь она была не одна: у нее был человек, который всегда мог подставить ей плечо, когда было трудно, ведь у нее росли уже двое детей и сестренка.

Бабушка и дедушка работали в колхозе. Тогда определенной работы не было, занимались тем, что было необходимо: перебирали зерно, рубили лес и так далее. Тяжело было калмыкам привыкнуть к такой жизни, но выбора у них не было. Они прошли через все испытания, выпавшие на их долю, с высоко поднятой головой.

В 1949 г. умерла и сестренка, а в 1950 г. умер от кори и ее первый сын Александр. Но жизнь шла своим чередом. И моя бабушка далеко не единственная, судьба которой столь трагична. Только в 1958 г. семья Дорджиевых (бабушка и дедушка с двумя маленькими детьми) смогла вернуться в Калмыкию, в родные края.

Здесь предстояла другая жизнь. И нужно было начинать все заново. И это им удалось, так как огромное желание жить лучше, по-новому было у всех. И это желание они пронесли от начала и до конца. Именно оно помогло им выжить в этой «проклятой» Сибири.

Но бабушка до сих пор вспоминает те ужасные года, когда ей было суждено лишиться мужа, родителей, единственной сестры и восьмерых детей. И она не сломалась, она прошла через все испытания с достоинством, сохраняя веру в лучшее, и я очень горжусь ею, так как она выдержала все в эти тяжелые моменты истории калмыцкого народа.

Я думаю, что это неправильно, что из-за отдельных лиц должна страдать вся нация. И счастье, которого они добились, принадлежит им по праву.

1998

Вика Гаврилова

В то время гнев
 Несправедливый, дикий
 Нас подавил...И свет для нас потух.
 И даже слово самое «калмыки»
 Произносить боялись люди вслух.

Давид Кугультинов

Шел третий год войны. Зима. Декабрь. Во всем чувствовалось приближение Нового года. Вдруг в считанные дни все: мечты, надежды — все рухнуло и исчезло на долгие, долгие годы. Рано утром 28 декабря 1943 г. в каждый калмыцкий дом пришли солдаты. На сборы давалось пятнадцать — двадцать минут, но все зависело от доброй или злой воли военных. Люди не могли понять, что происходит, что делать. Почему? Зачем? А когда стали приходиться в себя, наспех хватили вещи, еду. Но как в такой ситуации определить и выбрать самое нужное?

Много было случаев, когда солдаты буквально вытаскивали раздетых людей на улицу. Без еды, без теплой одежды — а это верная гибель в пути. Но, правда, во многих семьях солдаты помогали людям, давали больше времени, помогали заколоть скот.

Народ-предатель — именно так называли калмыцкий народ. Наверное, нам, живущим на исходе столетия, трудно представить, что пришлось пережить нашим предкам. Для того чтобы понять и представить те события, я обратилась к своей бабушке. Как только она услышала слово «депортация», на ее глазах я увидела слезы.

«Утром 28 декабря, — рассказывает бабушка, — пришел солдат с ружьем и сказал, чтобы за 15 минут все были готовы. К счастью, солдат оказался добрым человеком, он объяснил нам, что нужно взять в дорогу, сказал теплее одеваться». Затем, наспех собравшись, дядя, тетя и семнадцатилетняя Оля, моя бабушка, отправились к кинотеатру «Родина», где уже находилось много людей. Никто не понимал, куда и зачем они едут. Что их ждет впереди, никто не знал. Это были последние минуты на родной земле, а дальше боль, страдание, смерть, плач, несостоявшиеся жизни... Бабушка рассказывала, что их посадили в большие военные грузовики и повезли в Дивное, где их уже ждали холодные вагоны и долгий путь в Сибирь. Вагоны, в которых они ехали, предназначались для скота. Щели, дыры, грязь, как можно было ехать в таких условиях? Очень много людей погибло в пути от холода, голода, распалось много семей: матери потеряли детей, братья теряли сестер и так далее. Я слушала бабушку и думала, смогла бы я выдержать то, что выдержала она, а ведь бабушка была такого же возраста, что и я сейчас. Страшно видеть, как умирают люди. В одном вагоне с бабушкой ехала беременная солдатка, и когда они подъехали к городу Петрозаводску, у нее начались роды. Родился мальчик. Все кри-

чали — назвать Петей (так как город Петрозаводск). Каждый в вагоне дал малышу, что смог: старые простыни, тряпку. Но на третьи сутки мальчик умер... В чем он виноват? Почему он должен был умереть? Ведь он родился для того, чтобы жить! Почему по вине одного человека должно погибнуть столько людей, людей ни в чем не повинных?

Боже мой! Сколько разрушенных судеб, несостоявшихся жизней, горя, страданий! Сколько унижения пришлось испытать моему народу! В туалет ходили сразу и мужчины, и женщины, как только остановится поезд. И было очень много случаев, когда люди просто попадали под поезд и не успевали за поездом. «Распространялось очень много болезней в течение всего пути; кормили один раз, и это даже нельзя назвать кормежкой», — вспоминает бабушка. Ее с родственниками высадили в Барабинске, что в Новосибирской области. Сразу же их повели в баню. Бабушка говорила, что народ поначалу относился к ним с опаской, ходили слухи, что приехали людоеды, никто не хотел иметь с ними дело. Но одна женщина приютила моих родственников. «Она сказала, что верит нам», — с гордостью вспоминает бабушка. Она дала им хлеба, старую одежду, выделила комнату. Она увидела в них не предателей и людоедов, а страдающих, измученных людей, ищущих тепла и понимания.

Так обосновалась моя бабушка в Сибири. Что ожидало ее, она не знала. Но нужно было жить, жить ради народа, и она жила. Зарабатывала на хлеб, который доставался нелегким трудом. Восемнадцатилетняя девушка таскала огромные мешки с зерном, каждый мешок сорок — пятьдесят килограммов. Вскоре она встретилась со своей мамой, которая приехала из Ростова, и жить стало чуть-чуть легче. Шли годы, бабушка вышла замуж, родились дети, появились верные друзья, но ни на минуту ее не оставляла мысль о возвращении на Родину. И когда в 1956 г. заговорили о возвращении, ни на минуту не сомневалась — назад домой.

Бабушка говорит, что во многом выжили благодаря поддержке русского народа. И до сих пор на столе моей бабушки стоит хрустальная ваза — подарок соседки-сибирячки. Но всегда с горечью, с болью, со слезами на глазах вспоминает она далекие сибирские годы.

1998

Баира Иджаева

Пятьдесят пять лет назад — 28 декабря 1943 г. на калмыцкий народ обрушилась неслыханная беда. Указом Президиума Верховного Совета СССР была ликвидирована Калмыцкая АССР. Все население подлежало депортации в районы Сибири. Это жестокое для калмыков время всегда будет отзываться болью в сердцах последующих поколений. Депортация стала национальной бедой, сломавшей тысячи жизней. Частицу этого горя

всю жизнь носила в себе одна пожилая женщина, Булгун, о которой я хочу рассказать. В 1943 г. Булгун было четырнадцать или пятнадцать лет. Из многочисленной семьи остались только она с сестренкой, поэтому вся ответственность возлагалась на Булгун. По распределению они попали в Новосибирскую область, где Булгун устроилась работать на лесоповале. Жизнь была очень тяжелой, житье в бараке, постоянное голодание, антисанитария отрицательно влияли на состояние здоровья, но Булгун стойко переносила тяготы, борясь за жизнь сестры и свою. Как оказалось, это было только начало ее мучений. Примерно спустя два года после приезда в Сибирь Булгун постигло несчастье — на лесоповале на нее упало дерево, оставив ее на всю жизнь калекой. Около года она не могла работать, вышла лишь благодаря помощи сибиряков и врачей, но навсегда она перестала расти, так и осталась ниже нормального роста, с горбом на спине. После «выздоровления» ее и еще несколько калмыцких семей из ее колхоза направили на Сахалин, работать. Целыми днями, стоя в холодной воде, ловили они рыбу. Затем приходилось ее очищать; грязные, голодные, замерзшие, все в липкой рыбной чешуе приходили они в свои бараки — сараи, где не то что об удобствах, об элементарных вещах и речи не было. Этот ад продолжался до 1956 г. Больными, рано постаревшими, но счастливыми (может быть впервые) возвращались они на Родину, думали, что здесь, наконец, обретут счастье, но беда преследовала их и здесь. Слегла сестренка Булгун, вскоре ее парализовало — сказались болезни после тяжелого труда в Сибири и на Сахалине. Булгун пришлось работать, зарабатывать на лечение сестры. Ей было сложновато устроиться на работу, так как годы, проработанные в Сибири и на Сахалине, в ее трудовую книжку внесены не были, пришлось начинать все сначала. Булгун уже в пенсионном возрасте, она не могла выйти на пенсию, ей не хватало выработки, то есть стажа. Ее уже давно нет, все родные умерли на ее глазах, и последняя родная душа — ее сестренка умерла, так и не встав на ноги. С ее смертью ушел последний родной человек, о Булгун некому вспомнить, но все же она стала одним из самых ярких воспоминаний моего детства. Она была очень маленькой, немного выше меня, а мне тогда было пять лет, и поэтому легко находила язык с детьми, с которыми ей всегда нравилось возиться, может быть, потому, что у нее никогда не было собственных детей. Так депортация украла у человека семью, счастье, здоровье, нормальную жизнь, а этого не пожелаешь даже врагу.

1998

Гиляна Лиджеева

Тот холодный суровый день 28 декабря 1943 г. не забудется никогда. Незаживающей раной запечатлено в сердцах тысяч калмыков, пережив-

ших страшную трагедию — депортацию, насильственное выселение из родных краев в морозную и далекую Сибирь. Оно искалечило жизни людей, отобрало у них надежду, веру в будущее на долгие годы, замедлив развитие целого народа, народа уникального, неповторимого, самобытного. Людей, как скот, везли в промерзших вагонах в невыносимых условиях; каждая остановка становилась огромной могилой, где навсегда вместе остались матери с детьми, братья и сестры, отцы, жены, мужья. «А в душах тех, кто остался в живых, затаилась нестерпимая, непроходящая боль, которая никогда не пройдет», — вспоминают люди те страшные дни, превратившиеся для них в годы. Я не стану приводить воспоминания, слишком много их, и от горечи становится больно, страшно и тяжело на сердце. Каждый человек пережил свою трагедию, потерял близкого человека, испытал тяготы жизни в чужом, чуждом ему краю, вдали от своей единственной горячо любимой родины. И нам, молодому поколению, которое, казалось бы, с такой легкостью смотрит на жизнь, надо помнить о них, молодых, сильных, здоровых, с верой смотревших в будущее, жизнь которых оборвалась в том далеком 1943 г. Сколько их было? Кто ответит? Кто заплатит за самое ценное, что есть в нашем непостоянном, зыбком и хрупком мире? Ответов на эти вопросы нет. Да и нет той цены, которой можно искупить этот страшный грех, грех убийства стариков, женщин, детей, убийства ЧЕЛОВЕКА!

Годы летят. Постепенно уходит в прошлое эта трагическая дата; нет в живых инициаторов геноцида, хотя, может быть, и поныне здравствует кто-то, с обгаженными кровью руками и страшным грехом на душе. Но живы те, против кого совершался геноцид, живы их дети, живы их воспоминания. Мы не должны забывать трагических дат нашей истории, о них должны знать наши потомки. Мы уникальны, нашему народу удалось выжить, пережить страшные годы, несмотря ни на что. Калмыки никогда не должны забывать о депортации, каким бы страшным воспоминанием она ни была. Только так мы сможем уберечь себя и своих потомков от повторения такой трагедии.

1998

Юра Манджиев

«Первыми красноармейцами, упомянутыми берлинской прессой за “сумасшедший героизм”, были калмыки...» — писала американская журналистка Анна Луиза Стронг. Но Сталин хладнокровно, жестоко принял преступное решение о депортации целого народа.

Калмыки силой были оторваны от родной степи и привычных условий жизни, лишены жилья. Не по-сибирски одетых, их разбросали по селам и

деревням Новосибирской, Томской, Омской, Тюменской областей, Красноярского и Алтайского краев. Сталин погубил целый народ, согнав их с родной земли, от родных очагов в зимнюю стужу. В первую очередь погибли невинные младенцы, беспомощные, слабые старики. Сколько их погибло? Да, очень много... судя по семье моего дедушки, которая состояла из семи человек, все они были депортированы в Сибирь, но вернулись оттуда только пятеро. В 1943 г. моему дедушке было всего лишь семнадцать лет, поэтому он служил в рядах Красной Армии, защищал честь страны от фашистских войск Германии. О том времени он знает только по рассказам своих родителей. Кое-что он и мне рассказал.

28 декабря 1943 г. в дом вошли два солдата и один офицер и велел родителям моего дедушки быстро собрать теплые вещи, взять побольше еды и идти в школьный двор, где к тому времени уже собрались несколько семей.

Конечно, от страха и неожиданности они ничего не поняли, но все, что сказали солдаты, выполнили. Дальнейшие подробности моя прабабушка не помнила. Единственное, что осталось в ее памяти, — это длинная дорога в Сибирь. По словам дедушки, она со слезами на глазах вспоминала весь этот ужас. Она навсегда запомнила железный вагон, деревянные нары, на которых лежали умирающие от холода и голода люди. Помнит, как солдаты приносили им два ведра супа, как родители отдавали свои порции детям, и не только порции супа, но и теплую одежду. Их привезли в Тюменскую область, где ждали их холодные бараки, голод, нищета, унижение и презрительное отношение к ним как к людоедам и предателям, врагам родины. В первый же день пребывания калмыков в Сибири с них сняли одежду для того, чтобы проварить, прокипятить ее в специальных печах. Эти меры принимались для уничтожения микробов, заразных болезней и так далее.

Несмотря на то что калмыков считали изменниками родины, некоторые сибиряки хорошо относились к ним, всячески помогая. Они давали продукты. Некоторые хозяева брали к себе в дом семьи калмыков. Моим родственникам повезло, они жили в одной русской семье, которая спасла их от унижения просить милостыню.

После окончания войны в 1945 г. мой дедушка вернулся с фронта, его направили к семье в Сибирь. С его возвращением жизнь немного наладилась, стала чуть-чуть лучше, потому что его уважали, ведь он отважно защищал родину на полях сражений. Он начал работать на заводе. Открылся магазин, и они начали получать в день по 500 граммов хлеба, но кроме работы он занимался разведением огорода, поэтому еды вполне хватало. Дедушка как лучший работник получил много почетных премий и денежных наград.

Наконец, закончилась эта долгая разлука с родным краем. В 1956 г. на XX съезде партии восстановили калмыцкую автономию. И только в 1957 г.

калмыки вернулись на родину. Они не видели родных степных просторов, не дышали свежим запахом целых тринадцать лет и тринадцать дней.

Нельзя допустить повторения этого ужаса. Это очень страшно — чувствовать себя отверженным обществом, спецпереселенцем. Не дай бог изведать страшную тоску по далекой родине и свободе.

1998

Очир Манжиков

И скот ревел, и вдовы выли.
Над Волгой мчались поезда.
Людей насильно увозили
В Сибирь на долгие года!

С. Мазуркевич

В истории России очень много горьких, кровавых, позорных, черных страниц. В истории калмыцкого народа есть такие же страницы, можно даже сказать, что история калмыков полностью состоит из черных страниц. Одной из таких страниц является депортация калмыцкого народа, это произошло не по вине нашего народа, а из-за несовершенной политической системы Советского государства периода культа личности Сталина.

У меня уже не осталось родственников, побывавших в Сибири, вернее, есть, но они живут не в Элисте. Я читал про судьбы некоторых людей, переживших депортацию. Что меня поразило, так это мужество, стойкость нашего народа и доброта.

Например, Василий Эрдниевич Буринов. Его мама с родителями попала в село Таловку. Жили в первую зиму в конюшне. Им помогал местный паренек Саша Савельев: приносил лепешки, картошку, дрова. В 1945 г. приехал Эрдни Буринов. Вскоре Эрдни и Мария поженились, родились дети.

Борис Тюрбеевич Папуев, в ссылке в Красноярском районе в первую зиму умерли его родные — дядя отца, бабушка и маленькая сестренка. В совхозе он возил воду в бочке для рабочих бригад. Вспоминает, как над калмыком издевались управляющий фермой и главный агроном совхоза. И что главное — это были кулаки, высланные из Калмыкии перед войной. Но коренное сибирское население относилось к ним хорошо, помогало продуктами, одеждой.

Александр Николаевич Доржинов. Мама работала на лесоповале лесорубом, уходила рано утром и возвращалась вечером, уставшая, голодная, полуразутая. В конце 1944 г. мама заболела брюшным тифом и пролежала в железнодорожной больнице полгода, да еще после выписки не могла работать месяца четыре. Сестра 12-ти лет начала обменивать на базаре

некоторые вещи, покупала дешевле, продавала дороже. Этим они и кормились. В апреле 1945 г. сестра на базаре что-то продавала и увидела отца, вернувшегося с фронта. Вот так благодаря характеру двенадцатилетней девочки их семья вновь воссоединилась.

Таких примеров очень много. И никто из нас не должен забывать историю нашего народа. Хочу выразить огромную благодарность и уважение тем людям, которые совершили воистину великий подвиг.

1998

Алена Савченко

Ужасная трагедия обрушилась в декабре 1943 г. — депортация. Колесом несчастий прошла она по каждой калмыцкой семье.

Не миновала она семью Лялиных, которую составляли: мать, отец, ушедший на фронт, два брата и две сестры — Нина и Клава, подруги моей бабушки. При воспоминании о годах, проведенных в Сибири, у сестер наворачиваются слезы: там, в далекой холодной стороне, навсегда остались их мать и братишки. Свой приезд и первые годы в Сибири сестры не помнят, но есть одно воспоминание, которое они не могут забыть.

Бесчеловечными, тяжелыми были условия переезда. Постоянное чувство голода, жуткий холод мучили людей. Многие не перенесли этого, тяжело заболел маленький мальчик, брат Нины и Клавы. Когда они приехали в село, его сразу же положили в больницу. Ему необходимы были нормальные условия жизни. Но как их обеспечить, если местное население настроено враждебно, своих личных вещей почти нет, дети постоянно голодают? Мать устроилась на работу, но получала очень мало. Единственное, что она могла себе позволить, — это одно яичко, даже не каждый день, чтобы покормить ребенка. Обычно утром она поручала дочерям купить на рынке яйцо и отнести братику, а сама приходила вечером и сидела голодная у постели больного сына до утра.

Недолго прожил сын, умер, и она узнала об этом, придя в больницу навестить сына. А Нина и Клава купили яйцо и принесли малышу, но, узнав, что он умер, плакала только Нина, она была старше и уже все понимала, а младшая, Клава, поняла только то, что теперь можно будет съесть яйцо...

До сих пор она вспоминает и плачет — ведь позже не стало мамы, и отец снова женился, и девочки познали немало горя. Эта подлинная человеческая трагедия навсегда останется в моей памяти.

1998

Маша Чупова

И в мире нет людей бесслезней,
надменнее и проще нас.

Анна Ахматова

Пути Господни неисповедимы. Эта простая христианская истина, пожалуй, как нельзя лучше подтверждается историей калмыцкого народа. Человек вступает в жизнь, лишь предполагая, что там, впереди.

Знали ли люди тем холодным утром 1943 г., что произойдет с ними? Пожалуй, нет. Но то, что народ стоит перед новым испытанием, понимали или предчувствовали все. Слез не хватит выплакать горе, слов не хватит, чтоб высказать боль, дней не хватит вспомнить обо всех.

«Genos» в переводе означает «народ», а «cide» — убийство. Это сложное слово. Геноцид. Истребление целого народа. Народ не один человек, не может исчезнуть в один день. Смерть народа приходит постепенно, когда умирают лучшие и нет надежды, нет веры в будущее. Исчезновение народа — уничтожение целого культурного пласта, истории. Что с нами сделали? Что мы делаем с собой? Настоящее и прошлое соединяет только тонкая нить воспоминаний. Порой они жизненно важны. Эту нить необходимо сохранить, потому что покидают нас последние свидетели тех несчастных дней.

По отцу я — потомственная казачка. Мой дед с бабушкой жили в станции Новониколаевской Ростовской области. Дедушка родился в 1926 г., хотя сам он утверждает, что где-то в 1927 — 1928 гг. Дело в том, что его мать помнила только то, что в тот день шел снег. У нее было семь детей, выжило только двое: мой дед и дед Евдоким.

Бабушкина семья Самтоновых дружила с семьей деда Чуповых. Отцы, мои прадеды, были друзьями в одной сотне. В Гражданскую войну остались верны присяге, а когда красные наступали, им обоим пришлось скрываться. Они побывали в Югославии, Польше, Болгарии, но в конце двадцатых годов вернулись на Родину. Обе семьи были дважды репрессированы. В первый раз, в 1934 г., как кулаки, а во второй раз, в 1943 г., со всеми калмыками.

Моя бабушка — единственная выжившая девочка в семье, кроме нее было еще три сына, а всего девять детей. Никто не знает, как их звали. Она была самой младшей из оставшихся четверых. 1934 г. помнит хорошо. Пришли какие-то люди, стали требовать что-то от отца, объявили кулаком. «У нас было всего две коровы...» — говорит она. Это плюс к тому, что он был казаком, плюс то, что он побывал за границей. Она помнит многое: как забирали вещи, уводили коров. Потом их усадили в телегу — это было летом — и повезли на станцию. На станции держали почти два дня, а потом отпустили домой всех, кроме отца. Он и мой прадед (по отцу)

отправились вместе в ссылку в Казахстан. Бабушкина семья, вернувшись домой, обнаружила, что там живут уже другие люди и вещи все разграблены. Им пришлось долго мыкаться по родственникам. А семья деда в начале сороковых сумела перебраться в Казахстан.

Мою бабушка зовут Ольга (Отхн) Сарпиновна Самтонова. Ее самый старший брат работал трактористом в колхозе. После 1934 г. от него отказались его собственная жена и дочь. В армию в 1941 г. его не взяли, так как он был слеп на правый глаз. Он погиб в Сибири на лесоповале. Звали его Алдар Сарпинович Самтонов.

Ее средний брат, Николай Сарпинович, закончил Астраханское педучилище, работал учителем математики. Он прошел всю войну, был командиром минометной батареи, имел ранение, в Сибирь попал лишь в 1947 г. после демобилизации. Умер уже в Калмыкии.

Самый младший брат, Петя, только закончил школу, когда война была в разгаре. Он с группой парней сбежал на фронт перед самой оккупацией. Их наскоро обучили и собирались отправить на фронт, но где-то под Моздоком поезд был разбомблен. Он там и погиб.

Депортацию бабушка помнит плохо. Не знаю, почему. Говорит сухо: голые факты. Знаю, что привезли их в Красноярский край, город Багатольск Тюхтецкого района. Начали распределять по деревням. Названий она уже не помнит, но работали много. Ей было тогда, сколько и мне сейчас. Семнадцать лет. Ее отец сумел разыскать их, и в 1946 г. они переехали в Казахстан. Там она встретила моего деда. Они поженились и еще долго жили в Казахстане. На Родину вернулись лишь в 1963 г.

1998

Октябрина Шевенова

Часто бабаня вспоминает Сибирь. В разговорной речи нет-нет да проскочит: «Лишь бы не война и не Сибирь!» А когда в хорошем настроении, со смехом рассказывает сибирские байки и смешные и грустные истории.

Мою бабушку зовут Бовашева Александра Джиргиловна. Мы ее зовем бабаней, а соседи тетей Шаркой. Жила она со своим старшим братом Санджи и старенькой больной мамой в поселке Шамбай Енотаевского района Астраханской области. Когда брату в 1942 г. исполнилось 17 лет, он ушел на фронт.

Ранним утром 28 декабря 1943 г. ее, девочку-подростка, с больной матерью разбудил громкий стук в дверь. Вошли офицер и два солдата, офицер объявил, что их отправят далеко. Погнали в центр села. С сожалением она вспоминает, что не взяли все самое ценное, так как надеялись скоро вернуться. Но и тот нехитрый багаж, который они наспех собрали, был

выкинут солдатами из машины, так как не хватало на борту места для людей. В холодном вагоне мать совсем слегла и ее, мертвую, скинули на одной из стоянок. А девочку приютила дальняя родственница. Она ее взяла в свою семью, так как у нее были маленькие дети и старуха-мать. Девочка Шарка должна была стать нянькой, домработницей и девочкой на побегушках за чашку чая. Вдобавок она получала тумачи и побои. От такой каторги девочка сбежала и скиталась в лесу, выбегая на дорогу после проезжавших телег: вдруг повезет и какие-то огрызки ей достанутся. Когда совсем похолодало, она стала на ночь прибиваться к жилью и ночевала где придется. От людей пряталась, так как опухла от голода, покрылась коростой и одежда превратилась в лохмотья. Однажды ее, такую страшную дикарку, увидели дети и погнали по селу, как собачонку, с улюлюканьем. Насилу отбили две женщины-калмычки, привели домой, обмыли, обстригли наголо, переодели в старые, но чистые тряпки и удивились, что она еще «ничего» (то есть не страшила). Они поручили ей приглядывать за их маленькой ребятней, относились к ней по-дружески, и девочка расцвела, а тут вернулся ее брат с фронта, и они зажили как все.

Дедушку, мужа бабани, я не видела. Он погиб задолго до моего рождения, оставив четверых детей мал-мала меньше (от 6 до 13 лет). По рассказам знаю, что он, Иван Бельдинович Дорджиев, жил в Енотаевском районе, селе Даниловка. Отец ушел на фронт, а мать, Бальджир, с четырьмя детьми была депортирована в Красноярский край. У нее был грудной ребенок Зина. На стоянках все бежали по своим делам. Ее сосед на нарах повыше набрал ведро кипятка, и когда состав тронулся, ведро опрокинулось на кормящую мать. Боль, крик! Но только на следующей стоянке их выгрузили, и в больнице они скончались. Остались три брата. Старшему, Ивану, было 13 лет, Павлу — 9 лет, а младшему — 6. Их взял в свою семью родственник отца Китаев, но от голода младший брат Саранг умер. Мальчишки ходили в подвал перебирать картофель, там он наелся мерзлой картошки и скончался. Позже Ваня вместе с девятилетним братишкой Павлом отделились, выкопали землянку и стали там жить самостоятельно. Соседи увидели, что им не хватает женской руки, и присватали ему девушку из «крепкой семьи» — бабаню.

В то время она жила с братом, который работал счетным работником и был хорошо обеспечен. Свадьбу сыграли вскладчину, быстро и весело. И началась другая жизнь. Но когда пришла весть о возможности возвращения на Родину, многие за бесценок продавали свои дома и уезжали. Мои предки поручили своим русским соседям продать дом и переслать деньги (кстати, деньги они так и не получили), а сами, как на крыльях, помчались домой. Долго ехали по железной дороге, затем на пароходе до Цаган-Амана. Он тогда назывался Бурунным и был маленьким забытым селом. Приехало столько людей, что жилья не хватало. Им в первые годы опять пришлось

жить в землянках, но они не унывали. Государство дало ссуду, и дед сам построил большой дом, который до сих пор стоит в центре поселка Цаган-Аман напротив спортивного комплекса «Богдо».

1998

Ирина Акиева

Мой дед, Семенов Петр Иванович, не любит вспоминать о годах депортации. О них он говорит неохотно. Зато моя прабабушка, Семенова Мария Андреевна, многое рассказала моей матери.

Вечером в сумерках 27 декабря 1943 г. в каждую калмыцкую семью станицы Грачевской Астраханской области заходили солдаты и, ничего не объясняя, сгоняли всех на колхозный скотный двор. Тревожное ожидание беды охватило людей, страх сковал их сердца. К ночи становилось все холодней, мороз крепчал. Люди мерзли, их согнали на скотный двор, не дав собрать ни вещей, ни еды. Старики и женщины ничего не понимали, дети плакали. Ночь казалась нескончаемой, но больше всего людей пугала неизвестность.

По толпе прошел слух о том, что утром калмыков отправляют в Сибирь. Никто даже и не знал, что такое «Сибирь», знали одно: там холодно.

Моя прабабушка, Мария Андреевна, с шестью детьми и со своей девяностолетней матерью тоже была на этом скотном дворе; ее муж, Семенов Иван Васильевич, в это время воевал под Сталинградом (оттуда семья получила его последнее письмо). Мария Андреевна, отодвинув доску в заборе, отправила своих сыновей-подростков, моего деда и его братишку, домой за теплыми вещами. Они принесли тулупы, валенки, теплую одежду, посуду и немного продуктов.

Рано утром 28 декабря всех калмыков погрузили в крытые машины и увезли в Астрахань, оттуда — в Сибирь. В дороге у Канска, не выдержав тяжелых условий, умерла девяностолетняя мать Марии Андреевны. До конца своей жизни моя прабабушка не могла успокоиться от мысли, что ее мать лежит непогребенная где-то в Сибири. На каждой станции двери вагонов открывали и спрашивали, есть ли мертвые. Стариков и подростков заставляли выносить трупы. Тела умерших были страшны: закованные, с вытянутыми руками и ногами. Моему деду было четырнадцать лет, и его также заставляли носить трупы. Дедушка особо помнит случай, когда он заносил трупы в какой-то подвал. Там было темно, ступеньки были скользкими, приходилось спускаться на ощупь. В самом конце лестницы, пошарив руками, четырнадцатилетний мальчик с ужасом обнаружил, что там была целая гора тел. Он даже не помнит, как оттуда выбрался.

Дедушкина семья попала в Новосибирскую область, Черепановский район, село Крутишко. В свои четырнадцать лет мой дедушка прошел кур-

сы тракториста и начал работать на тракторе в МТС. В 1945 г. он получил медаль за самоотверженный труд в тылу. У Марии Андреевны осиротели двое племянников: мальчик и девочка. Она взяла седьмого ребенка в семью, а девочку была вынуждена отдать в детский дом в городе Новосибирске. Несмотря на трудности, Мария Андреевна сохранила всех семерых детей. В 1946 г. муж Марии Андреевны, мой прадед Иван Васильевич, нашел свою семью после пребывания в лагере на станции Половинка, где калмыки-солдаты строили ГЭС. Найдя свою семью, Иван Васильевич взял ссуду и построил дом в совхозе «Искра», недалеко от города Черепаново. Все дети Марии Андреевны работали, муж был водителем. В апреле 1946 г. Иван Васильевич умер. Дом пришлось продать, чтобы расплатиться с кредитам. В 1957 г. Мария Андреевна собрала семью и вместе с родственниками выехала на родину в Калмыкию. В Сибири остались ее дочь со своей семьей и ее племянник, который женился на немке.

Назад возвращались через Москву, затем на пароходе вниз по Волге до села Никольское. Там их встретил председатель колхоза на машине. Когда они вернулись на родную землю, их дома были либо заняты, либо разрушены во время бомбежек. Поэтому калмыков отвезли в займище, где они выкопали себе землянки. Через полтора года семья Марии Андреевны получила деревянный дом в самом селе. Прабабушка ходила по всем русским семьям в селе Грачи и собирала свои вещи. До сих пор в семье у деда хранится ухват и старый дубовый стол.

Интересен тот факт, что когда в 1956 г. моя тетя запросила архив дедушкиной семьи, были присланы документы, свидетельствующие о слежке за всей семьей, особенно за Марией Андреевной. К документам приложены отчеты, содержащие краткие изложения писем, получаемых семьей, и так далее.

Калмыки помнят две черные даты: зиму 1771 г. и 28 декабря 1943 г. Мой народ слишком много страдал, и мы не должны забывать 28 декабря 1943 г., день депортации калмыков, которая по сути своей была геноцидом. Народ был распылен по всей Сибири, даже на Сахалине были калмыки. Многие традиции и обычаи утрачены. Но я верю: пережив все ужасы депортации, народ не может просто исчезнуть, он обязательно возродится.

2001

Кермен Алексеева

Этот рассказ о судьбе моих родных, испытавших на себе все тяготы, невзгоды и унижения депортации. Пишу его со слов моей мамы, которой в свою очередь рассказывали о годах жизни в Сибири ее мать и прабабушка. Моя мама часто вспоминает свое детство, когда, упрасывая эджю

рассказать им сказку, в ответ внуки слушали воспоминания о жизни в Сибири, где прошли детство и юность, «лучшие годы жизни многих калмыков».

Мой прадед и прабабушка, Балакаевы Гучин и Байрта, до войны жили в селе Шикрта Яндыко-Мочажного улуса с двумя детьми. Гучин работал бригадиром-плотником. Клуб, построенный им в селе, сохранился до сегодняшних дней. За его постройку Гучина наградили именными часами с профилем Сталина. Байрта занималась домашним хозяйством и растила сына Алексея и дочь Шар-кююкн¹, мою бабушку.

23 июня 1941 г., через день после начала Великой Отечественной войны, у Байрты родился младший сын, которого в честь Сталина назвали Иосифом. В апреле 1942 г. Гучин ушел на фронт, а через пять месяцев Байрта получила похоронку на его имя. Одна, она продолжала вести хозяйство. От мужа остались рыболовные снасти; она научилась ловить рыбу и так кормила троих детей.

28 декабря 1943 г., едва забрезжил рассвет, в их дом вошли трое солдат. Они сказали, что Калмыцкой Республики больше нет, а калмыков отправляют в места, где им будет лучше жить. Офицер приказал собрать самые необходимые вещи. Байрта, не понимая по-русски, спросила Алешу, зачем пришли солдаты. Когда он перевел слова офицера, мать ужаснулась: «Разве можно изгнать калмыков из святой земли? Здесь могилы наших предков!» Она, как и все калмыки, ничего не понимала, думая, что это какая-то ошибка, что товарищ Сталин ничего об этом не знает.

Один из солдат предупредил, что им предстоит дальняя дорога, и посоветовал взять с собой мясо. Он подозвал Алешу, которому к тому времени исполнилось пятнадцать лет, и велел ему зарезать что-нибудь из скотины. Алеше никогда не приходилось убивать даже курицы, он очень боялся крови и кое-как смог зарезать козу, которую со шкурой положили в мешок.

Перепуганные Байрта и Шар-кююкн, которой было тринадцать лет, плача, собирали вещи. Мать растерянно складывала их в сундук, каждая вещь казалась им необходимой. Позже, на железнодорожной станции, солдаты сказали, что у них перевес двести килограммов, и выбросили один сундук с платформы. Здесь же, на станции, стояли русские жители и разбирали вещи. Байрте удалось обменять швейную машинку «Зингер» на две плитки калмыцкого чая.

Всех калмыков погрузили в двусосные телятники. Почти все родственники Балакаевы, жившие в одном хотоне, попали в один вагон. Чем дальше уходили поезда от родных мест, тем холоднее становилось в вагонах, все больше людей заболело и умирало, люди опухали от голода. Каж-

дый день солдаты проверяли вагоны и сбрасывали трупы в отдельный вагон для мертвых. В дороге умерла мать Гучина. Родственники спрятали тело под нарами, надеясь по приезде похоронить его по-людски, но солдаты нашли труп и выбросили из вагона.

Когда поезд останавливался, Алеша с ведром ходил за снегом, который топили для питья и приготовления еды. Однажды поезд уже тронулся, но его в вагоне не оказалось. Байрта начала причитать и плакать. Она подумала, что больше никогда не увидит сына. Но какова была ее радость, когда на следующей станции в вагоне появился Алексей. Оказалось, что он успел запрыгнуть в последний вагон и проехал там одну остановку.

Когда они приехали в Сибирь, в Красноярский край, их (около тридцати — сорока человек) поместили в колхозную контору из двух комнат. Сибиряки поначалу относились к калмыкам настороженно; некоторые из них верили, что привезенные люди — людоеды. Но вскоре все поняли, что изможденные, больные старики, женщины и дети не могут быть ни людоедами, ни предателями родины. Несмотря на то что самим приходилось нелегко, русские женщины принесли калмыкам еду и предложили разобрат желавших по избам. Через неделю был подготовлен «дом» для прибывших. Окна были забиты фанерой, но это было намного лучше, чем холодный товарный вагон.

Вначале Байрта с детьми жила впроголодь, но время спустя Алеша стал кормить семью. Он срисовывал и увеличивал с фотографий портреты ушедших на фронт для их близких, за что люди благодарили его различными продуктами, кто чем мог. Позже председатель колхоза предложил Алеше рисовать карикатуры на лентяев, за что также платили продуктами. Через полгода семья переехала в Чернореченскую, где Алексей продолжил работу художником на станции и в клубе. Секретарь парткома узла предложил ему поехать учиться, обещая помочь. Алеша написал два письма на имя Берии и Сталина. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР прислал ответ на письмо, написанное Сталину, с советом поступить в Московское высшее художественно-техническое училище. Несмотря на хорошее отношение местных жителей к калмыкам, последние все же оставались спецпереселенцами. Русские люди с милосердием и пониманием относились к ним, но были среди сибиряков и такие, кто называл калмыков предателями. И один из этих нелюдей, комендант, не дал Алеше разрешения на выезд. Но спустя некоторое время, уже при другом коменданте, Алексей выехал в Красноярск и проучился там в художественной школе четыре года.

Оставшись на время без сына-кормильца, Байрта, работавшая на железной дороге, не могла прокормить семью; они жили впроголодь. Маленький Иосиф, младший сын, ходил на станцию и, когда приходили военные эшелоны, отплясывал перед солдатами, чтобы заработать хлеб. Все его

¹ Светловолосая девочка (калм.).

выступления имели большой успех: солдаты были очарованы маленьким рыжим калмычонком, лихо отплясывавшим на платформе в дырявых штанишках. Оставившие дома таких же маленьких детей, они уносили его к себе в вагоны, кормили досыта, щедро набивали его холщовую сумку едой и с перемазанным кашей лицом ставили обратно на платформу. Сейчас у дяди Иосифа уже две взрослые дочери и маленький внук. Вспоминая свое детство, он улыбается и говорит: «С четырех лет кормлю семью!» В 1956 г. по всем территориям, где проживали калмыки, были разосланы радостные телеграммы: двадцать четвертого июня слушайте по всесоюзному радио калмыцкие песни. 24 июня из радиоприемника, у которого собрались все калмыки, жившие в селе, раздался голос Улан Барбаевны Лиджиевой. Все радовались и плакали от счастья. И не было границ счастью, когда 9 января 1957 г. калмыцкий народ обрел свободу, была восстановлена Калмыцкая автономия. К тому времени многие калмыки обжились на новых местах; за тринадцать лет они обзавелись собственным хозяйством, построили дома; Сибирь стала для них родной. Байрта с выросшими детьми жила в добротном доме и держала некоторую скотину.

Но несмотря на это, все до единого калмыки лелеяли в глубине души надежду на возвращение в родную степь, на священную землю. И узнав долгожданную новость, они покидали Сибирь, оставляли свои добротные дома и отправлялись на родину к разрушенным жилищам.

Калмыки выдержали тринадцать лет суровой сибирской жизни и вернулись домой, не потеряв своей культуры. Думаю, главное, что помогло нашему народу выжить, — его менталитет. Я имею в виду не только трудолюбие и терпение, но и традиции, в основе которых лежат уважение к старшим и помощь близким, тесные родственные связи. Общее несчастье сплотило людей и сделало их сильнее. Никто не оставлял близкого в беде. Нередки были случаи, когда слабые женщины несли на себе больных к знахарям или в больницу, которые находились за километры, в других населенных пунктах. Нельзя также забывать и о бесценной помощи сибиряков, оказавшихся чуткими к чужому горю.

2001

Давид Амнинов

Я слушаю, затаив дыхание, рассказ моей бабушки, Балиновой Натальи Джаловны, про то холодное зимнее утро 1943 г., когда весь калмыцкий народ, в основном это были старики и дети, по прихоти одного человека был выслан из жарких калмыцких степей в отдаленные края и области, сибирские снега и морозы на явное вымирание.

До этого события Наталья Джаловна и ее сестренка жили со своими дедушкой и бабушкой. Их родители умерли, когда они были маленькими,

поэтому ей рано пришлось работать, смотреть за младшей сестрой. Они ничего не знали о том, что случится в скором времени.

В одно раннее утро в дом ворвались автоматчики и объявили приказ о выселении калмыков в Сибирь. Все расстроились, начали плакать. После этого всех собрали в конторе совхоза имени Сталина Яшалтинского района, а потом отправили на больших машинах на станцию Сальск, где солдаты заталкивали калмыков в вагоны для скота, набивая вагоны до предела. Поезд тронулся в далекий, для многих последний путь. На станциях давали есть какую-то похлебку, сваренную из травы.

В Сибири семью моей бабушки определили жить в город Ачинск, поселок Моцульск — Марганцевый рудник. С первых же дней Наталья Джаловна начала работать в лесхозе, выполняя мужскую работу, — рубила деревья, которые затем доставляла на станцию управления.

Ее дедушка был в возрасте, но все равно делал любую работу. Работал сапожником, столяром, конюхом, дровосеком. Позже из-за ложного обвинения в краже картофеля его избили русские мужики, после чего он умер.

На плечи моей бабушки легли заботы по обеспечению семьи всем необходимым: приходилось работать в три-четыре смены. Во время работы в лесу на ее ногу упало дерево. Нога была серьезно повреждена. Наталья Джаловна не могла продолжать работать. Ее сестра заболела тифом. Некому было кормить семью, наступил страшный голод, из-за этого умерла старенькая бабушка моей бабушки. В этот период собирали траву, мерзлую картошку. Из этого делали лепешки. Так и существовали в течение месяца, затем, к счастью, дальние родственники из поселка Заозерный нашли их, забрали к себе и не дали умереть.

Как только Наталья Джаловна выздоровела, устроилась работать чабаном. За хороший труд о ней написали в местной газете и поместили ее фотографию, приведя в пример как отличника труда.

Через некоторое время мою бабушку перевели работать на военную фабрику, где также за достижения в работе ей давали небольшие премии: ткань, валенки, шинель. Так потихоньку жизнь нормализовалась, начали держать подсобное хозяйство. Очень помогали простые сибиряки: кто вещами, кто продуктами, кто теплым словом.

В 1947 г. Наталья Джаловна встретилась со своим будущим мужем, моим дедушкой — Балиновым Александром Эрднеевичем, которого она знала до Сибири. У дедушки в семье было десять детей, после Сибири остался он один.

Он был воспитан в коммунистическом духе, был награжден, несмотря на статус спецпереселенца, знаками отличия. Когда при достижении соответственного возраста его рекомендовали в члены коммунистической партии, его не приняли, потому что он был калмыком — «врагом народа».

В 1948 г. моя бабушка и дедушка сыграли свадьбу. Как все молодые веселились, танцевали, катались на санках! Создалась молодая семья:

жить стало лучше. Так и жили, работая днем и ночью и веря в возвращение домой! Мечты сбылись в 1958 г.: они вернулись на Родину, стали строить новую жизнь.

После всего, что я услышал, я понял, что наш народ был послан на уничтожение, но в тяжелейших условиях он выжил, совершил подвиг, сумел сохранить в себе все самое лучшее, несмотря ни на какие невзгоды того страшного времени. Ведь если бы не их смелость, сила духа, выдержка, оптимизм, то не было бы сейчас на карте Калмыцкой Республики, нас, а мы «растворились» бы, исчезли в неизвестности.

По отношению к калмыцкому народу была совершена историческая несправедливость, в результате чего погибло очень много невинных людей. Из тех, кто остался живым, многие потеряли здоровье. Также почти был утерян язык, забыты многие традиции, обычаи, ценности. Поломаны разные судьбы, потеряны близкие люди на сибирских просторах.

Целое поколение не смогло получить образование, добиться каких-либо успехов. У людей появился комплекс вины из-за своей национальности, и это отразилось на их характерах, дальнейшей жизни.

Я считаю, что мы, внуки и дети «калмыцких сибиряков», должны знать, интересоваться своим языком, обычаями, восстановить утерянные ценности, получить образование, быть дружными, высоко нравственными, вырасти достойными памяти наших предков. Это наш долг. Тем самым мы должны доказать себе и другим, что нет малых и плохих народов, а есть плохие люди, которые могут повлиять на судьбы целых народов. Мы не должны допустить, чтобы такое повторилось вновь, где бы то ни было.

2001

Дельгир Араева

28 декабря жители нашей республики отметили скорбную дату в истории калмыцкого народа — 57-ю годовщину насильственной депортации народа в Сибирь. Во всех населенных пунктах республики прошли траурные митинги, вечера воспоминаний о трагических событиях декабря 1943 г., когда калмыцкий народ в одночасье был вывезен из родных мест и разослан по восточным и северным районам страны, обреченный на беззащитность и безысходность. Этот день навеки остался в памяти калмыков как самое горестное и страшное испытание, незаживающая рана в сердце, ведь практически в каждой семье потеряли родственников и близких в годы ссылки. И в этот день мы отдаем дань памяти тем, кто умер в пути от холода и голода или в местах высылки от непосильного труда и тягостных лишений. Поэтому старшее поколение стремится, чтобы люди не забывали и чтит память о своих земляках.

Все тринадцать лет ссылки калмыки не могли понять: за что, почему их подвергли таким лишениям и мучениям. И даже сейчас, спустя более полувека, калмыки недоумевают, особенно бывшие солдаты, сражавшиеся на первых линиях фронта с фашистскими захватчиками. Ведь многих солдат именно с фронта путем обмана отправили на север и только там объявили их предателями. В подобном недоумении был Борис Эрдниевич Тюрбеев, рассказывая свою историю.

Борис Эрдниевич самый уважаемый житель нашего дома, и несмотря на все испытания и мучения, выпавшие на его долю, он очень добрый и отзывчивый человек. Когда началась Великая Отечественная война, он, как и все его сверстники, стремился на фронт, но ему было только 17 лет. Все же он не стал терять зря времени и прошел начальный курс обучения военному делу, где обнаружили его снайперские способности. Через год Приволжский улусный военкомат призвал и направил его на Сталинградский фронт. При обороне этого города, в районе тракторного завода, он и получил боевое крещение. В самый разгар контрнаступления Борис Эрдниевич был ранен и направлен в госпиталь. Подлечившись, он вернулся в Сталинград, но так как город к этому времени был уже освобожден, его перевели на передовую на Киевском направлении. Но западнее Киева, в 70–80 километрах, он получил двойное ранение: пулевое в руку, осколочное в ногу. Так он снова оказался в госпитале. Но он решил, что, чувствуя поддержку близких, пойдет на поправку быстрее, и поэтому попросил о переводе его в Астраханский госпиталь. Вскоре ему выдали справку и направление.

Доехав до Саратова, Борис Эрдниевич высадился на станции. Дождясь своего поезда, он незаметно разговорился с людьми (людям всегда интересно узнать последние новости с фронта), особенно непринужденный разговор завязался у него с одним пожилым мужчиной. Внезапно его собеседник задал вопрос относительно национальности, никоим образом не связанный с темой разговора. «Ты не опасайся меня, — говорил собеседник. — Я тебе плохого не пожелаю, а наоборот, хочу предостеречь тебя. Если ты калмык, то тебе, я думаю, не следует ехать дальше. Потому что Калмыцкой Республики больше нет, калмыков там не осталось: их выслали в Сибирь и Казахстан...» Рассказывает Борис Эрдниевич: «Дальше я не слушал. Я был действительно шокирован. Даже на войне под бомбами и снарядами я не терял самообладания, а тут... Без преувеличения, это именно тот случай, когда слова страшнее пули. Но придя в себя, я все-таки решил ехать в Астрахань».

Вскоре он оказался в знакомом с ранних лет городе, рядом с которым находилось его родное село Ики-Арыл Батутовского сельсовета. Идти в госпиталь было уже поздно, и он решил навестить хорошего друга семьи Исмаила. «Старик-татарин очень добрый человек, всегда он радовался моему приходу, а когда я уходил на фронт, не мог пройти мимо его дверей.

Но на этот раз старик встретил меня очень холодно. Тем временем пока его дочь накрывала скромный стол, он мне объяснил, что милиция сказала: с калмыками не связываться, в противном случае вместе с ними отправят в Сибирь. Я не хотел, не имел права подвергать опасности моего друга и его семью и решил переночевать в землянке, примеченной по дороге», — рассказывает мой сосед.

Наутро Борис Эрдниевич отправился в госпиталь. Но каково было его негодование, когда врачи отказались его принять из-за того, что он калмык!

Чувства переполнили его, и он стал шуметь, ругаться. В конце концов врачи обработали и перевязали раны и направили его в военную комендатуру, начальник которой внимательно его выслушал и сам лично позвонил в госпиталь. В итоге мой рассказчик стал пациентом госпиталя № 5756. После излечения его комиссовали в комендатуру, затем в Кировский райвоенкомат, где он получил новый военный билет и был направлен в Кировский Рай НКВД. Здесь ему устроили «прием»! Его допросили, как настоящего дезертира, после чего посадили в камеру. Через три дня Бориса Эрдниевича, парня-солдата и трех девушек-фронтовичек (все калмыки) отвезли в городскую тюрьму, откуда позже их вывезут в Сибирь. На следующий день их пришла навестить женщина-калмычка. Как выяснилось позже, она была замужем за русским, работавшим в этой тюрьме, и переписывалась с калмыками, уже выселенными в Сибирь. Она пришла объяснить, что с собой нужно брать соль, рыбу, чтобы потом менять на продукты питания и на теплую одежду, предупредить о том, что их ждет. К сожалению, Борис Эрдниевич не помнит ее имени, но очень благодарен за то, что она как смогла помогла им и другим калмыкам, оказавшимся в такой ситуации.

В мае 1944 г. Борис Эрдниевич приехал в деревеньку Кривоеш, что в Болотинском районе Новосибирской области. Какая была радость, когда он нашел здесь своего отца! Отец был колхозным табунщиком и жил до этого времени в полном одиночестве. Оказалось, что по пути следования в Сибирь отец разлучился в суматохе с семьей. Но по соседству жила молоденькая русская девушка, которая одаривала отзывчивого старика, не раз помогавшего ей перевезти урожай домой и вообще по хозяйству, хлебом, молоком, яйцами. Поэтому отец был не в плохом состоянии, в отличие от земляков, которых Борис Эрдниевич встречал в пути. Хотя до приезда калмыков колхозникам рассказывали, что они изверги и чуть ли не людоеды.

По приезду мой рассказчик сразу же начал писать письма, запросы в разные инстанции по розыску его матери и сестренки. И добился этого. Оказалось, они находились в селе Сухари Минусинского района Красноярского края. С разрешения коменданта Борис Эрдниевич съездил и привез их в деревню.

Приближалась осень. Если летом кое-как можно было перебиться, то к осени и зиме нужно было готовиться, ведь на заработанный трудовень много не разживешься. В это время жителям деревни стали раздавать небольшие наделы земли, чтобы население как-то запасалось на зиму, но работать можно было только после смены в колхозе. Так круглые сутки Борис Эрдниевич работал, еще успевал помогать своей соседке, ведь девушка — сирота и отцу в свое время помогала. Часто он заходил к Татьяне Николаевне, приглашал в кино, по деревне поползли слухи. Многие осуждали девушку. Такого же мнения придерживалась и мать Бориса Эрдниевича. Только отец был на их стороне. Вскоре они расписались в ЗАГСе, создали семью.

Бориса Эрдниевича приняли учетчиком в МТС, а его жена по-прежнему работала в колхозе. Скорая в работе и труде, она постепенно завоевала расположение свекрови. И у Бориса Эрдниевича ладилась дела. Его поставили вначале заместителем главного бухгалтера, а со временем назначили главным бухгалтером машинно-тракторной станции.

Радостная весть о снятии репрессивных мер с калмыцкого народа облетела бескрайние сибирские просторы. Но для руководства МТС Борис Эрдниевич как грамотный работник был равносильным дорогим кладу, лишиться которого было бы для него большой потерей. Поэтому отпускать его никак не хотели, и Борис Эрдниевич остался работать на прежнем месте. Родители же обосновались на одной из ферм Черноземельского района, куда ездил мой рассказчик на время отпусков. А в очередной отпуск напросилась в поездку и Татьяна Николаевна. Конечно, непривычно показалось ей в жаркой степи. Но на переезд в поселок Комсомольский она согласилась.

Борис Эрдниевич долгое время заведовал складом в совхозе имени Ю. Гагарина, а Татьяна Николаевна работала рабочей в столовой районо. Дети всегда были под присмотром. Хорошо учились в школе. Старший сын Михаил живет в Подмосковье, Виктор после окончания Волгоградского строительного института работает в городе Элисте, куда привез затем родителей, Александр — тоже инженер-строитель, живет в городе Калинин, Николай работает водителем, с сестрой Надеждой проживают в Ставрополе.

2001

Люба Балюгинова

Депортация, от латинского «deportation», буквально означает вывоз — принудительное перемещение лица за пределы государства, применяется по отношению к иностранцам и апатридам, находящимся на территории

государства без соответствующего разрешения, и другим категориям «нежелательных лиц».

Депортация коснулась и нашего народа. Главным зачинщиком был Берия и его сподвижники. 27 декабря 1943 г. был подписан Указ о ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР.

В это же время «изменники» сражались, не щадя себя, за Родину, Советский Союз. Никто в Калмыкии не подозревал о надвигающейся беде, не думал и не помышлял об этом, поскольку это действительно было невысказанным. Несомненно, некоторые факты просачивались, но абсолютное большинство о депортации узнало только лишь на рассвете 28 декабря 1943 г.

По воле случая семья моего дедушки не относилась к числу людей, узнавших о трагедии слишком поздно. Все благодаря солдату, к сожалению, имя неизвестно, приехавшему накануне в наш хотон. Он подробно рассказал о завтрашнем дне, сказал, что нужно взять все самое необходимое, запастись продуктами, зарубить скот. После ошеломляющего известия солдата моя семья приступила к сборам: была пущена на мясо скотина, подготовлены и упакованы теплые вещи, а также, это фактически спасло от голодной смерти в Сибири, тюки тканей, швейная машинка и мешок картошки, впоследствии обмениваемой на еду.

В результате в Куйбышевский район Новосибирской области наша семья прибыла без потерь. Именно благодаря доброте, гуманности, сочувствию солдата спаслись не только мои родные, но и люди, ехавшие с ними вместе.

В Сибири бабушка шила наволочки, белье и другие вещи на продажу и обмен. Так и жили, пока в 1946 г. не приехал дедушка, Бата Дорджиевич Севкенов, потерявший ногу на войне. Он сделал все от него зависящее, чтобы его семья ни в чем не нуждалась даже в Сибири. Сразу же он начал работать рядовым бухгалтером в колхозе, но местное руководство посчитало его не пригодным для этой работы, ссылаясь на то, что у дедушки не было специального образования (хотя в Калмыкии он проработал учетчиком). Чтобы доказать пригодность, Борис Дмитриевич (так звали его в Сибири) поехал учиться на курсы бухгалтеров. Сдав все экзамены на пятерки, он показал аттестат руководству села Булатово и добился повторного назначения на должность уже главного бухгалтера совхоза. Поначалу семья жила в служебном доме, но по истечении времени дедушка построил два дома: один — себе, другой — брату жены. Они жили очень хорошо, издали приезжали голодные, без крова калмыки, наедались вдвоём, им бабушка давала картошку и другие продукты на дорогу.

Сейчас я расскажу удивительную историю, случившуюся с моими родными, точнее с мамой. В 1947 г. родилась Мара Батаевна, как называли ее

в семье. Поначалу детей в селе было очень мало, только русская девочка Люба из очень бедной семьи, слабая и хилая, у которой мама постоянно в землянке выбивала стекло и лакомила блинами и киселем. И мальчик, ему было около двух лет, который не мог передвигаться без помощи костылей. Так как моей маме не с кем было играть, она в буквальном смысле вытаскивала девочку Любу и полупарализованного мальчика на улицу и водила с ними хоровод. Ей было всего три года, она не понимала, что пацаненок не может ходить, ей казалось, он специально сопротивляется, чтобы не играть с ней. Тем самым мама еще больше «теребила» его, водила за собой, и ему в любом случае приходилось хоть как-то передвигаться, чтобы поспевать за ней. В конце концов полупарализованный мальчик начал не только самостоятельно ходить, но и с остальными детьми прыгать, бегать, резвиться. Вот так, сама того не зная и не осознавая, мама лечила инвалида детства.

Вообще же за 13 лет ссылки наша семья не знала нужды ни в еде, ни в одежде. За годы депортации они помогли многим семьям по пути в Сибирь и на месте. Когда пришло сообщение о реабилитации калмыцкого народа, дедушка незамедлительно отправил родственника в Калмыкию: купить небольшой дом на том месте, где жили раньше. Таким образом возвратились и стали жить опять же благополучно.

Делая вывод, хотелось бы особое внимание обратить на наше подрастающее, молодое поколение. «Не делайте того, что осуждает ваша совесть, и не говорите того, что не согласовано с правдой; поступайте так, и вы исполните всю задачу своей жизни» (М. Аврелий). И еще один совет: никогда не опускайте рук даже в самых затруднительных положениях; вспомните те испытания, которым подверглись наши бабушки и дедушки в годы Великой Отечественной войны и депортации.

2001

Лена Дорджиева

В 1943 г. моей бабушке было тринадцать лет. Она, ее мама, братик Миша (ему было два года) и четыре сестры (точнее сказать две сестры и две сестренки, эджя была средней) жили в Астраханской области в селе Приволжье. Отец в это время был на фронте.

Узнали о выселении калмыков 28 декабря. Как говорит мама, всему селу не повезло, не дали достаточно времени для сбора вещей. Вышли из дома, не взяв ни теплых вещей, ни еды. Сразу же повезли на станцию, где посадили на поезд. Все это происходило стремительно, быстро, калмыки боялись, не знали что и думать. Но как только увидели поезд, то поняли, что их везут куда-то далеко... И повезли их в Сибирь. Дорога в Сибирь

была тяжелой, изнурительной, в дороге эджя потеряла двух своих сестер, умерших от холода и голода. Привезли бабушку в Хакасскую область (село не помню), расселили по баракам.

В это время началась эпидемия тифа, от недоедания, холода, тяжелых условий жизни многие калмыки умирали; тиф унес и жизни двух сестер эджи. Но самое страшное в жизни эджи — потеря мамы, которая заболела тифом и умерла. И тогда не осталось родных у эджи, она — одна в этом незнакомом суровом краю, и на руках у нее — четырехлетний братишка Миша.

Последующие два года были самыми тяжелыми в жизни моей бабушки. Эта маленькая четырнадцатилетняя девочка вынуждена была выкапывать мерзлую картошку, ходить по мусоркам и вытаскивать оттуда что-нибудь поесть. Можно сказать, это были беспризорные дети. Главной заботой эджи, то, о чем, она думала, — это не дать умереть Мише. Спустя два года она с братиком попала в детдом. Мама вспоминает, что у эджи был низкий рост, и поэтому ей написали вместо положенных пятнадцати одиннадцать лет. В детдоме стало лучше, было где переночевать, там давали одежду и еду.

Через некоторое время Мишу захотели усыновить, но о эдже ни слова. Но так как Миша с сестрой никогда не расставались, были очень привязаны друг к другу, то взяли их обоих. Новыми мамой и папой стала одна калмыцкая семья, не имевшая детей. Она очень хотела сына, и естественно, что больше внимания они уделяли Мише, тем более эдже уже исполнилось к тому времени восемнадцать лет. Эджя устроилась на работу: вначале — на лесозаготовках, затем — на рыбозаводе на реке Енисей. Хочу отметить, что в скором времени между эджей и новыми родителями сложились теплые отношения, она называла их мамой и папой.

Возвратились они вместе с семьей в Астраханскую область. Жила эджя с ними до двадцатисемилетнего возраста, а после вышла замуж. Но судьба ее родных сложилась трагически: умерли мама и папа, от сердечного приступа скончался Михаил, очень рано она стала вдовой. И снова она одна, но с ней и ее три дочери, которых она должна была воспитать, научить жизни... И она растила их одна, эта маленькая, с виду хрупкая женщина. Она дала им всю любовь, нежность, заботу, которые не получила в детстве. Надо быть сильным, мужественным человеком, чтобы не сдаться, выстоять, выжить в таких трудных условиях и дать достойную жизнь своим детям. Такова судьба моей эджи.

Совсем иными предстают эти годы (1943–57) у моего авы. В отличие от бабушки семье моего авы на сборы дали примерно три-четыре часа, кроме того, солдат сказал им, что предстоит дальняя дорога, советовал взять теплые вещи и еду про запас. Мама и папа быстро все собрали, одели своих детей: аву и трех девочек. На станции Басы их посадили в товарные вагоны и отправили в Сибирь.

Попал ава в Красноярский край. Распределили их по временно выстроенным баракам. Как было в то время, здоровых с одеждой брали на работу, и прадедушка (ему было тридцать восемь лет) и дедушка (ему было семнадцать лет) пошли работать на лесозаготовки. За эту работу им давали полбулки черствого хлеба. Но в дальнейшем платили и деньгами, когда поняли, что калмыки трудолюбивый народ; сибиряки уважали их за скромность, сдержанность.

Поначалу было трудно, но со временем свыклись, освоились. Прадед даже приблизительно через шесть-семь лет построил дом из бревен. Как папа вспоминает, такой добротный бревенчатый дом. Есть фотография прадедушки на фоне дома. За годы ссылки семья авы потеряла только одну сестру, погибшую на лесоповале.

В 1952 г. ава женился. Интересно, что они встречались, когда жили в Астраханской области; они учились в одной школе. По воле случая они встретились в Сибири, уже в 1954 г. рождается мальчик (мой папа). В Сибири у них родилось шесть детей, но трое из них умерли. Жили небедно, папа вспоминает заячью шубу, которая была любимой, и он ходил и всем показывал ее. Папа говорит, что всегда был сыт, не знал нужды в чем-либо. Когда они вернулись на родину, то прадедушка хотел отправиться снова в Сибирь, но ему не хватило денег. Папа вспоминает из рассказов родителей, что летом они ходили в лес, собирали ягоды, грибы, солили, заготавливали на зиму. А также ходили запастись кедровые орехи; ловили сусликов — тоже прибавка к еде.

В 1957 г. возвратились на родину, семья переехала в Икрянинский район, где создавался новый рыболовецкий совхоз «Двадцатый партийный съезд», в село Маячное. Прадед устроился рыбаком, ава — пастухом. Ава и поныне живет там.

2001

Баира Инджиева

Депортация — трагедия калмыцкого народа. Страшно, что мы начинаем забывать об этом. Сегодня ведется множество разговоров о возрождении калмыцкого языка, традиций. Кажется странным, что народ, пронесший свою культуру через годы ссылки, теряет ее полвека спустя, когда жизнь начинает налаживаться. В чем причина этой утери национальной культуры? Немаловажным фактором является наша короткая память. Мы уже почти забыли о том, что пришлось перенести нашим дедушкам и бабушкам. А лет через двадцать депортация станет просто фактом в биографии калмыцкого народа. Это — последствие великой катастрофы, которая привела к потере преемственности между поколениями. Я, как и многие

из моих ровесников, не могу назвать себя калмычкой, хотя бы потому, что я не знаю калмыцкого языка. Культура калмыцкого народа для меня, признаться честно, значит не больше, чем культура любого другого народа — русского, английского, французского, японского.

Я говорю об этом с сожалением, но это не значит, что от этого во мне станет больше «калмыцкого». Это «сожаление» не заставит меня изучать родной язык или уделять больше внимания эдже и аве. Все, что я могу и обязана сделать, — знать историю калмыцкого народа, чтобы попытаться разобраться, прежде всего, в своих корнях.

Моя бабушка Сара жила с родителями в селе Батханта Искрянского района Астраханской области. В семье их было шестеро: моя бабушка, ее родители, брат и две сестры. Когда их выселили, моей бабушке было семь лет. А ее младшей сестренке всего несколько месяцев.

Ранним утром в дом вошли два человека в военной форме, приказали родителям взять детей и выйти из дома. Брать что-нибудь с собой запретили. Родители почувствовали что-то неладное и отнесли младшую дочь — грудного ребенка к соседям, оставили ее у них. В Сибирь уехало пять человек. А приехало только четверо. Отец умер в дороге. Остались моя бабушка Сара и ее сестра Шура, ее мать и брат. В Сибири они все работали на лесоповале. У старшего брата была семья: жена и трое детей. И когда его придавило лесом, заботиться о его семье стали его мать и сестры. Жить было очень тяжело. Бабушка рассказывает, что они с сестрой зимой искали очистки картофеля. А когда находили, несли домой, варили и пекли лепешки. Это было самое вкусное из того, что они ели. Работали много и долго. Моя бабушка, ее мать и сестра выжили и вернулись домой в Калмыкию.

Не так давно моя бабушка ездила к своей младшей сестре, которую оставили соседям. Это была тяжелая встреча. Как сказала бабушка, сестра ее не признала. Ведь вырастили ее другие люди, а родную мать и сестер она, конечно же, не помнит. Моя бабушка очень переживала, но у родителей не было другого выбора, если бы они взяли грудного ребенка с собой в Сибирь, он бы умер.

Депортация оставила глубокий след в каждой семье, исковеркала судьбы наших дедушек и бабушек, а значит, и судьбу всего народа.

2001

Сагара Мантыева

Так уж случилось, что в истории калмыцкого народа много трагических страниц. Но самой трагичной, я считаю, было выселение калмыков в Сибирь.

В настоящее время мы заново постигаем историю своего народа, восстанавливаем ее страницы. Благодаря этому мы уже достаточно много знаем о трагедии нашего и других народов, выселенных из своих родных мест. Так, 27 декабря 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Калмыцкий народ был объявлен «врагом», «предателем» и с этим позорным клеймом вынужден был жить долгие тринадцать лет. В наши дни, несмотря на то что прошло более полувека с того момента, многие писатели снова и снова обращаются к этой теме. Причин, на мой взгляд, много. Но самое главное — люди не должны забывать ужасы репрессий, разлуку, смерть десятков тысяч людей. Это трагическое событие, к сожалению, коснулось почти каждой калмыцкой семьи. Воспоминания наших бабушек и дедушек — это свидетельства очевидцев, переживших все ужасы насильственного выселения.

Так, мой дедушка Васильев Наран Бадминович рассказывал, что в семье у них было восемь детей. Высылка, болезни, голод унесли пятерых. Там, в Сибири, он многое перенес. По его воспоминаниям, с вечера все было спокойно, а наутро у каждой двери стоял солдат. На улицу никого не пускали, ближе к обеду им велели быстро собираться. Стояла зима, шел снег с дождем. Люди зябко кутались в то немногое, что успели взять с собой в дорогу. Они тогда еще не знали, что эта дорога будет длиной в долгие тринадцать лет. Это калмыцкий народ запомнил хорошо.

Всех жителей собрали в одном доме, куда и подогнали машины для загрузки вещей. Из-за нехватки мест вещи стали выкидывать. То было началом ужаса, который предстояло пережить калмыкам в их нелегкой судьбе скитальцев. По пути в Сибирь от холода и голода, не вынеся тягот дороги, нашли свою смерть самые слабые старики и малые дети. Так, по дороге в Сибирь от простуды скончалась сестренка моего деда. Мама его умерла в городе Куйбышеве Новосибирской области.

По воспоминаниям деда, в Сибири их называли нацменами. Тогда он, девятилетний мальчик, особо не задумывался, что означает это слово. Много узнала моя мама из рассказов отца: как выкапывали они оставшуюся на полях мерзлую картошку, как он рубил дрова и возил их на продажу в областной центр. Как потерял он своего младшего брата, из-за того, что некому было оказать ему элементарную медицинскую помощь. Многие его односельчане умерли в ссылке, не выдержав суровых условий. Практически в каждой семье потеряли кого-то из близких...

Сейчас мы все являемся свидетелями значительных перемен. В Калмыкии идет процесс национального возрождения. В этом смысле мне кажется весьма символичным, что Эрнст Неизвестный создал памятник, посвященный жертвам политических репрессий, и решил, что он должен быть установлен именно в Элисте — на родине тех, кто на себе испытал

лишения в ссылках и лагерях. Памятник «Исход и Возвращение» стал для калмыков не просто одним из монументов или очередным архитектурным украшением, а чем-то большим, особенным. И хорошо, что в любой период жизни мы можем прийти к этому памятнику, помянуть умерших, подумать о прошлом, будущем, настоящем...

2001

Чигиз Сангаджи-Горяев

Батр Манджиевич Мангутов живет недалеко от меня, в стареньком домике. Батр Манджиевич стар и одинок. Пожалуй, именно одиночество является причиной того, что он тянется к людям. Так, он всегда хочет поговорить со мной, осведомляется о моих делах, успехах в учебе, в то время как я, сказав ему сухое «здрасьте», пытаюсь пройти мимо. Не так давно я стал думать о судьбе этого человека: почему он одинок? Где его семья, родственники? Что таится в душе этого человека?

Однажды, возвращаясь из лица дома, я вновь встретил Батра Манджиевича на улице: он сидел на скамейке у стены своего дома. Мне вдруг захотелось поговорить с этим человеком. Сначала разговор наш затрагивал в основном бытовые темы, но постепенно мы стали говорить о серьезных вещах и перешли к теме трагической истории калмыцкого народа. Тут-то и раскрылась тайна одиночества Батра Манджиевича: депортация разрушила его судьбу, в Сибири он потерял своих родителей, брата, жену.

После долгого и крайне тяжелого пути, после грязного и холодного вагона для скота семья Мангутовых, наконец, прибыла к месту своей ссылки: Красноярский край, село Варгино. С горем пополам обустроились, обзавелись хозяйством: домишко, построенный из разной рухляди, тощая корова, которую подарили соседи-сибиряки. Казалось, все утряслось... Но страдания не закончились. Отец Батра Манджиевича, ушедший в лес за дровами, вскоре был найден околелым. Как оказалось, он попал в пургу и, будучи одет в драную фуфайку, замерз насмерть.

Не успели похоронить отца, как через год серьезно заболела мать. Промучившись недолго, она умерла. Так Батр Манджиевич и его брат остались сиротами. Его брат был старше на 6 лет, а потому он считал своим долгом воспитывать младшего брата. Не имея образования, Лиджик, старший брат Батра Манджиевича, устроился работать на лесоповал. Казалось бы, жизнь устроилась, но через два года Лиджи Манджиевич трагически погиб, задавленный срубленным деревом. Батр Манджиевич чуть не сошел с ума от горя; он остался совсем один... Но жизнь продолжалась, он оправился от ударов судьбы. Проучившись на краткосрочных курсах, он устроился комбайнером в колхозе. Здесь, в колхозе имени Кирова, он

познакомился с русской девушкой Таней. Они полюбили друг друга и решили пожениться. После двух лет брака Таня забеременела — Батр был счастлив. Но несчастье опять поджидало Батра Манджиевича: Таня скончалась при родах.

Это предрешило судьбу Батра Манджиевича — он потерял интерес к жизни и потерял веру в лучшее. В 1957 г. он вернулся в восстановленную Калмыкию. С 1958 до 1990 г. он работал в качестве комбайнера в районах республики. Счастье так и не пришло к нему: он потерял родных и возлюбленную.

Кто же виноват в том, что его судьба не сложилась? Безусловно, депортация, в пучине которой погибли его родители и любовь. Вероятно, семья Манджиевых была связана с Калмыкией так неразрывно, что она не смогла адаптироваться в новых, сибирских условиях.

2001

Баир Бадмаевич Церенов

28 декабря 1943 г. калмыцкий народ был выслан в Сибирь. Сейчас с точки зрения нашего поколения мы можем более или менее спокойно рассуждать, чего не скажешь о старшем поколении. Думая, как начать свое сочинение, я хотел написать что-то новое, необычное; но это для меня оказалось слишком трудно: я понял, что практически ничего не знаю об этой трагедии. Лично меня это не коснулось, а все, что мне известно, — сухие данные, подчерпнутые из исторических книг и уроков. Конечно, я слышал рассказы моих бабушек, но все-таки, я думаю, мне трудно быть оригинальным, потому что это общенациональное горе.

Бабушка по отцу рассказывала, как их семью и всех односельчан поселка Зурган Малодербетовского района посадили на грузовики и повезли на железнодорожную станцию. Для многих ссылка была неожиданностью, поэтому люди не были подготовлены. Наспех собранные узелки с вещами, немного еды — вот все, что успели взять с собой люди. Их везли в Сибирь, как и всех, в товарных вагонах. Им было не легче, не тяжелее остальных: холодно, голодно, обогривались кипятком, слабые и больные, старики и дети не выдерживали дороги. Привезли их в Красноярский край, разместили в бараках. Местные жители их боялись: думали, что мы предатели и людоеды. Всех взрослых и стариков выгоняли на работу на лесоповале. Семья моей бабушки состояла из шести человек: сноха Бергн, двое ее детей и два младших брата, которых впоследствии забрали в детдом. Бабушка и сноха устроились на работу на молочной ферме. Сноха была рабочей, а бабушка — учетчиком по молоку, так как умела писать и читать по-русски. Вскоре умерли сноха и два племянника, так как у них нечего

было есть; они поели полусырые гороховые лепешки и легли спать, а ночью у них вздуло животы. Умерли они в страшных мучениях, и им нечем было помочь. Бабушку спасло то, что она съела совсем немного.

Через два года жизнь понемножку стала налаживаться благодаря работе и помощи местных, среди которых нашлись добрые люди. Немного окрепнув и обжившись, бабушка стала искать своих младших братьев по детским домам, ходила пешком в райцентр. Наконец, она их нашла и забрала из детского дома.

В 1948 г. бабушка вышла замуж, и у них с дедушкой родилась дочь Зоя, которая умерла в четыре года. Потом родились еще две дочери. В 1954 г. они переехали в Казахстан, где и прожили до 1957 г. Вообще, судьба моей бабушки во многом похожа на судьбу многих. Но для каждого это была и личная трагедия. Я не буду сейчас разбираться в политических причинах, потому что с человеческой точки зрения это сумасшествие, глупость и преступление советских вождей того времени. Урон, нанесенный репрессиями, еще не восполнен, да и никогда не будет. Остается только учиться на ошибках. А для этого нельзя терять ни крупницы истории, тем более своего народа.

2001

Баир Васильевич Церенов

Этот холодный декабрьский день 1943 г. каждый калмык — и стар и млад — запомнил на всю жизнь. В этот день калмыцкий народ решением тогдашнего руководства страны в считанные часы был выселен из родных мест и под конвоем отправлен на спецпоселение в различные районы Сибири.

«За что?» — спрашивал каждый калмык.

«За что?» — кричали старики и дети.

«За что?» — недоумевали герои-фронтовики.

Но никто не мог дать им всем вразумительного ответа. На этот вопрос вряд ли могли ответить и сами организаторы депортации. Серьезных материалов, на основе которых можно было бы подвергнуть наказанию народ, не было и не могло быть.

Эту страшную участь народа разделил со всеми и Тимофей Алексеев. Ему тогда было пять-шесть лет. Рано утром, когда все еще спали, в дом зашли два солдата и офицер, которые зачитали указ и дали на сборы два часа. Жили они тогда в поселке Цаган-Нур, это недалеко от Цекерты Уланхольского улуса. Так случилось, что отец с матерью разошлись еще до войны, и Тимофея присудили матери. Но бабушка стала плакать и просить: «Оставь мне моего внука, ты еще молодая, еще будут дети». И мама

отдала его бабушке. Так что мама отправилась в ссылку отдельно от сына. Бабушка плохо понимала по-русски. Но была тетя, учительница, она все и объяснила. Бабушка суетилась, чтобы хотя бы чаю попить. У дома стояла машина «студебеккер», их посадили и повезли. Привезли на станцию Улан-Хол, погрузили в товарные вагоны, и начался путь в Сибирь. В пути умирали люди, на остановках приходили с носилками и забирали мертвых. Детей старались оградить: их положили в один угол, накрыли тулупами, чтобы теплее было. Приносили еду на всех: два ведра похлебки и мешок хлеба. А в вагоне стояла печка-буржуйка, и ребят по очереди подсаживали к ней: погрееут и снова в угол.

Тимофей Алексеев с бабушкой и тетей попали в Алтайский край, в райцентр Тальменку. Мать Тимофея дорогой умерла. Бабушка с тетей делали все, чтобы внук учился. Но многие калмыки проучатся два-три года и бросают, так как, во-первых, они плохо знали русский язык, а во-вторых, тех, кто заканчивал учебу, никуда не брали. Местные дети дразнили нашего героя: «калмык-бандит». Он дрался. Из-за этого поменял несколько школ.

Каждое лето Тимофей пас коров. Утром холодно, ноги мерзнут, и дети-пастухи грели их, наступая в горячие коровьи «лепешки». Хозяйева обычно выносили им еду. Таков был обычай: сегодня одна хозяйка кормит, завтра — другая. А однажды очередная хозяйка не вынесла ничего. И Тимофей загнал назад ее корову, мол, паси ее сама. Вечером у ворот стоит мужчина: «Мальчик, иди-ка сюда!» Герой наш подошел. Мужчина: «Ты, Тимоша, сюда возвращайся, когда коров назад загонишь». Тимофей вернулся, незнакомец провел его на веранду, а там — картошка, хлеб, молоко. Мужчина говорит: «Ешь». И мальчик накинулся на еду. Дома ему сказали, что незнакомец — районный прокурор. В общем, они стали друзьями.

Прошло лето. Наступила осень. И вот прокурор однажды завел Тимофея, накормил его и сказал: «Я хочу сделать тебе сюрприз». Вынес лист бумаги, поставил ногу Тимофея на нее, обвел ступни карандашом. И дней через двадцать, как-то вечером, прокурор подарил мальчику ботинки. Это запомнилось Тимофею на всю жизнь.

Побывал он и в детдоме. Вначале его избивали. Но затем самый главный среди детей, калмычонок, вышел из другой комнаты и помог Тимофею: герой наш отомстил за избивание и стал сам за главного.

Позже Тимофей Алексеев поступил в Ленинградский театральный институт. В 1974 г. он был назначен художественным руководителем Калмыцкой государственной филармонии, затем — художественным руководителем театра кукол, сейчас — ТЮЗа.

Так из пастушка Тимофей Алексеев превратился в известного деятеля культуры и внес весомый вклад в культуру калмыцкого народа.

2001

Баина Шардаева

Мне в провалах судьбы
Одинаково жутко
От покорства толпы
И гордыни рассудка.

Наум Коржавин

Депортация калмыцкого народа навсегда останется вписанной в страницы истории всего человечества. И в каждой калмыцкой семье чтят память предков, которым уже не суждено ступить на родную землю, вдохнуть горький полынный запах степей.

Разве могут быть разумные объяснения убийства тысяч и тысяч людей, причем убийства жестокого и четко спланированного? Сталин, Берия и их приспешники думали иначе. Они обвинили калмыков в поражениях, пытались обелить себя. Террор и культ личности Сталина набирали силу. Страна, раскинувшаяся на огромных пространствах Евразии, была раздавлена. Анна Ахматова напишет о ней в «Реквиеме»: «И безвинная портилась Русь под кровавыми сапогами».

Мы живем и ничего не знаем о своих близких. Когда моя бабушка рассказала мне про Сибирь, я взглянула на нее новыми глазами. И все поняла. Поняла, почему она так отзывчива на людское горе, снисходительна к слабостям, почему она так дорожит родными и знакомыми...

Моя бабушка, Шардаева (в девичестве Доржинова) Мария (Баина) Семеновна, не любит говорить о прошлом, вспоминать вслух те ужасные годы. И никто не имеет права ее судить. Мы, молодое поколение, с трудом можем представить, что ей выпало пережить.

Семья Доржиновых издавна жила в Сталинградской области, Котельниковском районе, на хуторе Коммуна. Состояла она из 6 человек: отца, трех братьев и двух сестер. Моей бабушке было 14 лет, когда в середине мая 1944 г. в их дом вошли суровые русские солдаты, зачитали указ и дали сутки на сборы. Их семья, конечно, слышала о депортации калмыков, проживающих на территории КАССР. Многие сталинградские калмыки, в том числе и мой прадедушка, даже ходили просить в сельсовет, чтобы их выслали тоже, вслед за остальным народом. Видимо, в сознании малого народа заложен инстинкт самосохранения. В трудные минуты он консолидируется, так как в единстве народа — сила и спасение.

Семья стала лихорадочно собирать еду и одежду, но разрешили взять только малую часть. Когда выезжали из дома на станцию Котельниково, с болью слышали, как собаки подняли жуткий вой, словно предчувствуя беду и смерть. Пока собирали всех калмыков, проживающих в Сталинградской области, Доржиновы всей семьей жили на улице в построенном собственноручно балаганчике. Они не знали, куда их везут, но надеялись,

что к землякам. Прошел месяц в ожидании. Потом их загнали в вагон для скота. Ехали в тесноте, ехали долго, около полумесяца. Несмотря на более выгодные условия депортации волгоградских калмыков, смерть не щадила и их. Умирили в основном старики и дети. Моя бабушка как могла спасала младших братишку и сестренку, которым она заменяла мать. В дороге им очень помогли заготовленные продукты. Ехали в полной неизвестности, в заколоченных вагонах, лишь знали, для чего останавливался поезд в глухой тайге. Сколько людей нашли последний приют в неродной, неуютной земле в Сибири, вдали от родных сердцу степей...

Привезли Доржиновых в Свердловскую область, город Тавда. Всех калмыков затолкали в холодные, грязные бараки. Приходилось приспособливаться к новому месту. Спасибо, местные люди калмыков встретили очень хорошо, помогали им с едой, одеждой. Семья моей бабушки жила довольно обеспеченно. Ее отец работал сапожником, был хорошим мастером, и поэтому они никогда не голодали. Ведь человеку везде, а тем более в Сибири, всегда требуется обувь. Но горе не обошло семью стороной. Через два месяца после приезда двое младших детей умерли от тифа, который легко косил людей, ослабленных голодом, болезнями; умирали десятками без оказания медицинской помощи. Не было ни одного врача, ни одного лекарства — никакого спасения. Но остальным удалось выжить. Двое старших братьев работали на лесопилке, очень уставали. Каждый месяц необходимо было проходить регистрацию. Доржиновы перезимовали в Тавде, а на следующий год переехали в Барнаул, где жили их родственники. Там было легче. Они, конечно, жили на окраине, сажали картошку, начали разводить скот — словом, становились на ноги. Отец заметно ослаб после пережитого, часто болел, а братья по-прежнему работали не покладая рук, только теперь в совхозе: сеяли пшеницу, рожь. Бабушка трудилась в огороде, что было очень ответственно, так как от него зависела семья; ухаживала за больным отцом, братьями.

Когда они в 1956 г. услышали радостную весть, сразу же поехали домой. Человек кровно связан с Родиной, и ничто, на мой взгляд, не заменит степь выросшему на ее просторах калмыку. 1 мая 1956 г. семья приехала к родственникам в Астраханскую область, село Зензели, и начала все заново. Через некоторое время умер мой прадед, но родился мой отец. Никто не умрет, пока будет продолжаться жизнь на земле. И в себе я чувствую тонкую нить, связывающую меня с прошлым и будущим. Поэтому зную историю своего народа — это не только долг перед предками, но и необходимое условие для сохранения нации.

Моя бабушка, как и почти все калмыки, плакала, когда услышала о смерти Сталина. На мой недоуменный вопрос: «Почему?», она ответила: «Любили мы его, не верили, что он виноват в наших бедах». Страшно и труднообъяснимо, что один человек повинен в миллионах смертей.

Жизнь — это величайший дар, и никто не вправе распоряжаться им. Поэтому я — за демократию, за гуманное отношение к человеку. К сожалению, и сейчас наше государство не жалеет людей: бросает невинных парней на войну, не заботится о детстве и старости. Да и мы сами порой равнодушно слушаем о жертвах аварий, войн и так далее. Я хочу, чтобы каждый ужасался и страдал, узнавая о погибших. Я хочу, чтобы горе не было чужим...

2001

Данзан Эрендженев

28 декабря 1943 г. — трагическая страница истории калмыцкого народа. В этот день, холодным зимним утром, калмыкам была объявлена ужасная весть: их как врагов народа выселяют из родных степей в далекие безграничные просторы Сибири; там на их долю выпадут 13 лет лишений и жестоких испытаний.

В этот трагический день была депортирована и семья моей бабушки. С горечью и слезами на глазах рассказывала она о тех черных днях для всех калмыков, которые не стерлись из ее памяти до сегодняшнего дня.

«Наша семья в то время жила в поселке Ики-Бурул, — начала свой рассказ бабушка. — Вся семья состояла из женщин и детей, мужчины воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Самой старшей в семье была моя мама Саву, ей тогда было 62 года, а мне за месяц до депортации исполнилось 22 года. Старшие братья, Бода и Бува, были призваны на фронт в 1942 г. и воевали на Ленинградском фронте. Дома остались их жены и шестеро детей, старшему из которых не было и 10 лет.

Ранним утром меня разбудил резкий стук в окно. Когда я открыла дверь, в дом вошли два солдата с автоматами и объявили о том, что все калмыки выселяются в Сибирь и нужно в течение нескольких часов подготовиться и собрать необходимые вещи. Нас всех погрузили с вещами на грузовые машины и отвезли на железнодорожный вокзал в Дивное.

Трудно описать то состояние, в котором мы все находились: никто толком не мог понять сути происходящего, все плакали и молились. В тот же день нас посадили в товарные вагоны, предназначенные для перевозки скота. Наш состав мчался, не останавливаясь, до Урала. Лютый холод не щадил ни детей, ни взрослых. По очереди грелись у буржуйки в центре вагона, кутались в теплые вещи, которые успели взять из дома.

На каждой остановке солдаты вытаскивали из вагонов тела умерших от голода и холода, которых было немало. К счастью, в нашей семье потерь в дороге не было. Огромное спасибо за это солдату, который постучал в окно нашего дома тем трагическим утром: он посоветовал взять побольше теплых вещей и еды в дорогу.

Около двух недель мы провели в этом поезде, увозящем нас из родных степей в далекую Сибирь. Наш состав доехал до Омска, откуда нас распределили по районам. Наша семья попала в Селькульский район, совхоз «Боевой», где и провела все годы ссылки.

Мои старшие братья Бода и Бува не были депортированы, вероятно, благодаря своей некалмыцкой фамилии — Васильевы. Узнав о депортации калмыцкого народа, Бува написал письмо в Омск в один из руководящих органов о том, что его семья депортирована в Омскую область и обречена на голодную смерть. Нам сообщили об этом письме и выделили отдельный четырехкомнатный дом и обеспечили небольшими запасами продовольствия. Как бы то ни было, это спасло нас от голодной и холодной смерти.

Из всей нашей большой семьи работала одна я, так как невестки не могли оставить маленьких детей, а мама была уже пожилой. В нашем совхозе было много калмыков. Наиболее трудоспособных молодых девушек и женщин, в том числе и меня, взяли на работу на лесоповал. Просыпаясь рано утром, мы шли в лес и возвращались только к вечеру. Это был неимоверно тяжелый труд: мы стояли по пояс, а то и по грудь в снегу в тридцатиградусный мороз и пилили двуручными пилами толстые мерзлые стволы деревьев, затем очищали их от ветвей и сучьев. Трагически оборвалась жизнь моей подруги Нюдли: на нее обрушилось спиленное дерево. Так проработали мы на лесоповале два года.

Летом 1945 г. вернулись с фронта Бода и Бува, которые дошли до Берлина. Приехав в наш совхоз, Бода стал работать ветеринаром на молочной ферме, куда и меня устроил дояркой. Постепенно налаживалась жизнь. Семья не страдала от голода: всегда было молоко, сыр, картошка. С огромным уважением и благодарностью вспоминаю директора фермы Татьяну Николаевну, которая была очень отзывчива и добра к людям, помогала многим калмыцким семьям. Однако горе не обходило и нашу семью: от эпидемии тифа умерли два моих племянника и невестка. Из всех калмыков нашего совхоза домой вернулось меньше половины...

Но калмыки — очень стойкая и мужественная нация. Несмотря на все невзгоды и испытания, мы смогли выжить и вернуться на родные просторы. Нам помогала вера в Бога и справедливость.

В Сибири я познакомилась и со своим мужем, у которого тоже была нелегкая судьба. В начале 1941 г. он был призван в армию и служил где-то в Белоруссии. В самом начале войны их отряд попал в окружение и оказался в плену, откуда ему удалось бежать через несколько месяцев и снова воевать в Красной Армии. Но его, как и всех пленных, репрессировали как врага народа и предателя. Он оказался в Новосибирске на строительстве завода, откуда был освобожден в 1948 г. и отправлен в тот самый совхоз, где была наша семья.

Мы поженились в 1949 г., и в Сибири у нас родились три дочери, твои тети, — подводила к концу свой рассказ бабушка. — Это лишь часть того, что мы пережили в те годы. Все рассказать невозможно. Главное, чтобы вы знали и помнили историю своего народа. Пусть ни с кем не случится того, что произошло с калмыками».

Бабушка вытерла платком слезы на глазах, вызванные грустными воспоминаниями. Нашему поколению никогда не осознать в полной мере всех несчастий, которые перенесли наши предки. Поэтому нам нужно всегда помнить об этих событиях и не допустить повторения тех черных для калмыков дней. Хотя бы раз в год вспомним о тех, кто жил ради нового поколения, ведь их с каждым годом становится все меньше...

2001

Алена Анацкая

В истории нашей страны имеется немало примеров того, как внутренняя политика вождей, а именно тоталитарная система «страха», существовавшая в Советском государстве, «поломала» сотни и тысячи судеб ни в чем не повинных людей.

Так, самой черной страницей в жизни нашего народа является депортация 28 декабря 1943 г. По обвинению в измене Родине и сотрудничестве с фашистами калмыцкий народ был депортирован, а Калмыцкая АССР была ликвидирована, так же как и ряд других автономных республик. Это трагическое событие, конечно же, затронуло и мою семью. Моя бабушка Макарова Елизавета Манджиевна, 1936 г. рождения, проживала вместе со своей матерью в селе Бага-Тугтун Яшалтинского улуса. Мой прадед умер от тяжелой болезни, поэтому бабушка жила со своей мамой одна.

О депортации она вспоминает с неохотой, но о детстве и о подругах рассказывает мне очень часто. Однажды бабушка рассказала о том, как их известили о выселении: «Одним холодным декабрьским вечером мы с мамой уже собирались ложиться спать, как вдруг раздался стук в дверь. Отворив, мы увидели на пороге молоденького офицера. Он вел себя очень вежливо и сообщил нам с мамой об указе Сталина. Также он посоветовал нам взять теплые вещи и немного еды, потому что, по его словам, дорога нам предстояла долгая и очень тяжелая. Собрав вещи, мы вышли на улицу. Все жители поселка столпились и были в недоумении от всего происходившего... Затем на машинах нас отвезли в Сальск (там, по-видимому, находился ближайший вокзал), после чего посадили в поезд для перевозки скота и повезли в далекую и неизвестную калмыкам Сибирь. Дорогу я помню плохо, потому что на следующий день пути очень сильно заболела и находилась в полубессознательном состоянии до самого прибытия

на место назначения. Единственное, что я помню, это то, что было очень холодно и моя мама, постоянно укутывая меня в свой овчинный тулуп, благодарила Бога за то, что он послал к нам того доброго офицера, который позволил нам более или менее собраться в дорогу.

Итак, можно сказать, что моей семье очень «повезло» в том смысле, что на жизненном пути в то нелегкое время им встречались добрые и отзывчивые люди.

Жизнь в Сибири была, конечно же, несладкой. Моя прабабушка с дочерью часто голодали, и им приходилось очень много работать, чтобы хоть как-то выжить в этих совершенно нечеловеческих условиях.

В 1953 г. моей бабушке исполнилось шестнадцать лет. В том же году она устроилась работать на швейную фабрику города Рыбинска после окончания курсов по специальности «портной верхней мужской одежды». Конечно же, это была очень тяжелая работа для шестнадцатилетней девушки, но несмотря ни на что она очень старательно трудилась, чтобы прокормить себя и уже довольно-таки пожилую мать. Еще через четыре года она выходит замуж и переезжает в село Бородино Красноярского края.

После смерти Сталина 9 января 1957 г. выходит Указ об образовании Калмыцкой АССР и о реабилитации калмыцкого народа. Бабушка говорит, что после того как они узнали об этом указе, счастью и радости не было границ. Все друг друга поздравляли с тем, что они увидят свою родную землю, степь, вдохнут горький запах степной полыни и аромат весенних тюльпанов.

Моя бабушка часто, разговаривая со мной, отмечает, что выжить им в тех суровых условиях помогла вера, вера в светлое будущее и, наконец, вера в Бога, который никогда не допустит страданий невинных людей. И нужно сказать, что именно эта вера спасла целый народ вместе с его богатой культурой, обычаями и традициями. И я искренне восхищаюсь нашим народом, который выдержал все невзгоды, не утратив свою самобытность, ведь это удалось далеко не всем.

2003

Церен Балтыков

Моя бабушка, Уланова Инджир Оконовна, родилась 9 мая 1935 г. в селе Зергепта Малодербетовского района. В семье было шестеро детей: четыре сына и две дочери. Моя бабушка была самой младшей. Когда началась война, на фронт ушли три старших брата. Вернулся домой только один. Отец не пошел на войну, потому что был болен.

28 декабря 1943 г. в пять часов утра семью моей бабушки разбудили солдаты. В дом вошли два русских солдата. Они начали обыскивать дом,

а затем больного прадеда. На русском языке мог говорить только младший брат, который учился в школе. Ему тогда было шестнадцать лет. Старшей сестре двенадцать, а моей бабушке восемь лет. Младший брат объяснил всей семье, что надо собирать вещи. Никто не понимал, что происходит. Солдаты постоянно подгоняли, напоминая о пятнадцатиминутном сроке. Все же родители догадались взять теплую одежду. Все семьи из села посадили на грузовые машины и отвезли на железнодорожную станцию. Привезли их туда к ночи.

Затем посадили в телячьи вагоны, оборудованные нарами, которые стояли в два яруса. Семьям, успевшим занять места на нарах, повезло. Остальные разместились на полу. Щели в стенках вагонов были настолько велики, что можно было свободно просунуть палец. В центре вагона была печка-буржуйка. В одном вагоне помещалось не менее сорока семей.

Когда отправились в путь, вагоны заперли снаружи. Выпускали из вагонов только на длительных остановках. На коротких остановках не выпускали. Из каждого вагона брали несколько человек и выдавали горячие пайки. Эти пайки делились в вагоне между семьями. Семье моей бабушки повезло — в одном вагоне с ними ехали два брата-военных: они были высокими и с длинными руками. Эти два парня были ранены, и поэтому их отпустили с фронта домой. Они через окошко дотягивались до крючка, закрывающего дверь, и открывали его. На коротких остановках благодаря этому можно было выйти.

Конечной остановкой было село Зональное Зонального района Алтайского края. Отсюда все семьи развозились в разные места на санях.

Бабушка с семьей попала в тайгу, в промышленную артель по изготовлению изделий из дерева. Делали все: от деревянных ложек до деревянных подошв. На этом месте жизнь начала складываться хорошо.

Перезимовали в хороших условиях, но в сентябре сорок четвертого семью переселили в другое место. Работой на новом месте была заготовка леса. На новом месте они очень страдали от голода, кормили очень плохо. Люди умирали даже во время работы от голода и истощения. Они просто падали и не вставали. Здесь умерла мама моей бабушки, моя прабабушка.

В 1946 г. отец перевез семью в село Зональное на вторую ферму. Сделал он это без разрешения коменданта, спасая семью от голода, за что его посадили в тюрьму. В Зональном условия жизни были лучше. Развели хозяйство, построили свой дом.

В 1947 г. вернулся с фронта третий брат. Он сумел договориться с комендантом об освобождении отца. Два месяца после освобождения отец лежал в постели, и без того слабое здоровье было подорвано тюрьмой. Но жизнь наладилась. Местные жители относились с пониманием. На этом месте семья бабушки жила вплоть до 1957 г. — года завершения депортации.

Арслан Басанов

Родоначальниками семьи Басановых были мой прадед — Джалда Мукабенович Басанов и прабабушка Анна. У них было двое детей, сын Бембя и дочь Мария. Мой дед женился на Феодосии Анджалдыковне Эмкеновой, моей бабушке, у них было восемь детей, но выжили только трое, одна из которых — моя мама.

До войны семья одно время кочевала по Тереку¹, а позже жили в Ставропольском крае в совхозе «Борец». Жила семья Басановых на Ставрополье, из-за доносов и жалоб недоброжелателей². Вместе с нами жили наши родственники — двоюродные братья Тепшиновы Петр Макарович и Церен Эрендженевич, рядом жила семья Дорджи и Марии. Во время войны наши семьи переехали в Калмыкию, Яшалтинский район, деревню Будульчинер, здесь мои предки прожили 3 месяца. До этого бабушкину семью сослали на Урал, так как они были кулаками.

И вот 28 декабря 1943 г. в пять часов утра в дом зашли 3 солдата и офицер и зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР. Разрешалось взять с собой принадлежащее им имущество (одежду, мелкий сельхозинвентарь и бытовую утварь, зерно и продовольствие весом всего до 500 кг на семью).

В то время в семье оставались больной дед и женщины с детьми. Дед подхватил эхинококк и был болен. Единственная, кто выжил после раскулачивания 1937 г., прабабушка Буля оказалась к тому времени в семье. Как вспоминает мой дядя Анатолий, дали 2 часа, а потом всех собрали в колхозном амбаре, погрузили в машины и под конвоем отвезли на станцию Сальск, где вместе с другими калмыцкими семьями они были загружены в товарные вагоны (телятники), стоявшие в тупике под охраной.

Началась дорога в Сибирь. В лютые морозы в течение 15 дней пришлось преодолевать путь, в холоде и голоде, — в вагоне, где примерзали даже собственные вещи. Печь, которая стояла в середине вагона, не грела, вокруг нее сидели старики. На остановках иногда разрешали брать кипяток и горячую баланду из картофеля и кукурузы.

Прибыли в поселок Мазуву Красноярского края, нас выгрузили в школе, а потом стали расселять по баракам. Бараки, сделанные наспех, находились на склоне горы, их стены были в горе, а одна сторона выходила на улицу; сделанные из бревен, они были холодные. Работать устраивали по списку, туда, где были рабочие места, на шахты. Многие умерли в дороге, особенно старики и дети. Трупы оставляли на станциях, где хоронили, никто не знает. Так началась жизнь спецпереселенцев в незнакомой Сибири.

¹ Здесь жили терские калмыки.

² Видимо, были высланы как кулаки.

В течение года калмыки обустроивались на новых местах. Умер дед в 1946 г. в омской больнице из-за неудачной операции. Все тяготы легли на плечи хрупких калмычек и на молодежь 13–15 лет, которые зарабатывали немного. Они влились в ряды сибиряков, стали принимать их образ жизни, тяжелой, трудной жизни в Сибири.

28 декабря
 На утренней заре
 Печальный выдался рассвет.
 Кругом калмыцкие растерянные лица,
 Никто не даст ответ.
 Здесь дети невинные совсем,
 За ними больные старики,
 А женщины чуть-чуть вдали.
 Ажиотаж везде и суматоха!
 Солдаты их толкают вслед.
 Ох, как же было плохо!
 Ну, вот взошли все на вагоны.
 И ничего, не говоря,
 Они закрыли все заслоны.
 Земля все плачет! Стонет степь!
 Прощай, родная сторона!
 Да! Этот день мы будем помнить впреред!
 И по щеке течет слеза...

2003

Ангира Дашева

Дорога. 28 декабря 1943 г. в красный кирпичный дом вошли люди в форме. Их речь сводилась к командам, приказаниям, окрикам. При виде непрошенных, незнакомых гостей дружно, в голос заревели ребятишки. На сборы дан час. Началось выселение калмыков.

В первые минуты опускались руки, и мозг отказывался осознать происходящее. Ссылка? За что? Почему? Всех?

«Быстрее, быстрее», — торопили солдаты. Один подсказал зарезать барана — и его мясом будет питаться вся семья всю дорогу. Хозяйка тем временем одевала детей, лихорадочно собирала вещи. В последний раз взглянула она на свой родной очаг. Скот, дом, птица, утварь — все оставалось. Была дана расписка о том, что не будут претендовать на имущество. Калмыки выселялись навечно, оставляя нажитое поколениями.

Ульдючины — Дивное. Красные телячьи вагоны. В них погрузили людей, закрыли двери и трое суток везли по направлению к Воронежу. Поезд полз, оставляя за собой скорбный след из умерших. Особенно много

умирало стариков и детей. Во все щели вагона дуло, и дети громко кричали перед смертью. Старики — те умирали молча. Дорога в Сибирь нашла отражение в песнях «Улан вагон» и «Сиврин дун»¹.

Станция «Лиски». Здесь впервые за все время пути открылись двери вагонов. Вошли русские женщины с ведрами, полными горячего борща. Наверняка этот борщ спас множество калмыков, уже сколько дней не евших горячего. Мой ава со слезами благодарности на глазах вспоминал этих женщин. «Русские матушки» — так он называл их.

Омск. Здесь людей погрузили на телеги и развезли по разным селам. Там калмыки столкнулись с настороженностью и неприязнью местных жителей, вызванными худой славой о людоедстве калмыков. Не пускали в дома, прогоняли, обижали, натравливали собак. Семья поначалу приютилась в конюшне: лошади своим теплом грели не привыкших к холодам степняков. Потом люди обжились, вырыли землянки, погреба. Меняли одежду, обувь, золото на хлеб и картошку, чтобы выжить и выкормить детей. Порой оставалась лишь та одежда, что была на теле, — остальное было уже выменено. А весной калмыки стали сажать картофель, чтобы осенью было чуток полегче.

Машинка. При выселении солдат подсказал взять с собой швейную машинку. У эджи был «Зингер». Это была машинка дьявольской силы: она шила шубы, дохи, тулупы, играючи прошивая толстую кожу. При шитье она издавала громкое дребезжание. Машинка не умолкала ни днем, ни ночью. Одежда шилась при свете керосинки. Лампу нужно было чистить каждый день. В подслеповатом свете эджя шила пальто-«москвички», тонкие платья для местных жительниц. Каждый приносил хлеба, или кусок сала, или ведро картошки. В трудное голодное время машинка-кормилица спасла семью. Жили лишь ею — остановись она, семья была бы обречена на гибель. Приехав из Сибири, семья жила в Ставропольском крае. Там машинка-спасительница ушла в чужие руки от нас навсегда.

2003

Даяна Джимбеева

Ларион Цеденович Джимбеев родился в 1914 г. в городе Элиста. Окончив школу, поступил в Саратовский институт, после чего поступил в аспирантуру, но образование прекратил в связи с Великой Отечественной войной. Раньше, в 1939 г., он сражался с белофиннами, получил заслуженно звание офицера, затем должность политрука. После нападения Германии на Советский Союз записался добровольцем на фронт. В 1944 г. его

¹ «Красный вагон», «Сибирская песня» (калм.).

отослали с фронта на командирские курсы «Вымпел» в город Новосибирск. В этом городе дедушке посчастливилось встретиться со своей семьей: женой Евдокией Ерофеевой и дочкой Инной. Стоял холодный, морозный, но безветренный день, руки и ноги ооченели от холода, хотелось выпить горячего калмыцкого чая. Всюду была суета, приезжали калмыки, пытались найти пропитание для своих детей. К этому времени от голода и холода уже умерло много детей. Родители делали все, что было в их силах, чтобы сохранить жизнь своего ребенка, то же самое делал для своих детей и Ларион Цеденович.

Тяжело прокормить семью, для этого нужно было вставать рано, работать от рассвета до заката. Он вспоминал, что, бывало, утром, когда идешь за дровами, на улице появлялись деревенские мальчишки и начинали их дразнить. Вообще к калмыкам относилось враждебно почти все местное население, но постепенно они завоевывали их уважение. Сибиряки начинали привыкать к нашему образу жизни, стали больше общаться с нами, делиться едой, одеждой. Дружественное отношение друг к другу оставило отпечаток в памяти калмыков. Старики частенько вспоминают о совместной жизни с другими народами в Сибири.

С продовольствием, едой у нас были серьезные проблемы, но в первую очередь калмыки погибали от холода, им приходилось жить в холодных хижинах; неполноценное питание вызывало болезни, такие как туберкулез, воспаление легких.

Несмотря на плохие условия, голод, холод, болезни, наш народ сохранил свою богатую национальную культуру, никогда мы не забывали калмыцкие праздники, обычаи и традиции. Благодаря старикам происходило постепенное возрождение культурного наследия калмыков: сказки, разнообразные небылицы, поучительные пословицы — все это крепло в молодом поколении, помогло жить дальше и справляться с бедами.

2003

Рая Джиргалова

Моя бабушка Джиргалова (Бурнинова) Раиса Адыяновна, родившаяся 25 мая 1925 г. в Ростовской области, селе Ковалёвка, колхозе «Кирсан», жила с братом Басаном, которому было 16 лет. 28 декабря 1943 г. поздно ночью пришли три солдата, один из которых стоял на улице, а двое зашли в дом и сказали: «Собирайтесь, берите теплые вещи и выходите на улицу». Но в ту ночь братишки не было дома, так как он эвакуировал колхозный крупный рогатый скот за Волгу, спасая от немцев. Моя бабушка, плохо понимая русский язык, догадалась, что нужно делать. Она немножко растерялась, ей было всего 18 лет. Быстро собрав вещи, она не могла понять,

куда ее ведут, в чем же ее вина. Она сначала подумала, что пришли только за ней, не переставала плакать. Она не могла зайти к соседям и передать весточку брату. Солдаты все время стояли у дверей и торопили ее. Когда ее вывели на улицу, она увидела, что во всех домах горит свет и люди выходят под конвоем солдат. Всех жителей села: стариков, женщин, детей — собрали в школе, находившейся неподалеку от дома. Люди положили свои вещи в кучу и, сидя на них, услышали о том, что всех калмыков выселяют в Сибирь как предателей Родины.

Они провели ночь в школе. А утром некоторые просили у офицера, сидевшего в сельском совете, находившемся через дорогу от школы, разрешения пойти домой забрать нужные вещи, он их отпускал в сопровождении двух солдат. А другие забивали своих кур, свиней, овец, потому что машины еще не приехали за ними. Бабушка была одна, и скотину забить было некому. Она взяла только сало, баранью брюшину, в которую завернула масло, и кое-что из продуктов.

Все находились в школе двое суток под охраной солдат. В эти два дня по селу разносился рев скота, давно не кормленного, голодного. А солдаты не разрешали покормить скот. На третьи сутки прибыло много бортовых машин. Посадив всех на машины, повезли на железнодорожный вокзал, где их разместили по товарным вагонам и отправили в Сибирь — холодный край, непривычный для калмыка — друга степей. По пути туда они варили калмыцкий чай на маленькой печке, которую топили сами. Также в пути умирали люди, в основном немощные старики, дети. Когда поезд останавливался, их выносили, оставляли, не предавая земле. Через 15 дней они приехали в Новосибирскую область, Убинский район, на станцию п. Убинск. Там их ждали лошади, запряженные в сани. Моя бабушка с родными тетей и дядей попала в с. Кириловка. Хозяева встретили бабушку хорошо, покормили, выделили комнату. Через неделю она вышла на работу на молочно-товарную ферму, где ухаживала за телятами. Раз в месяц ходила и отмечалась в спецкомендатуре. Комендантом был тов. Копылов, относившийся к калмыкам хорошо, так как когда-то жил в Калмыкии. Бабушка решила через Копылова найти братишку. Он проживал в Тюменской области, и Копылов дал вызов в эту область. Брат бабушки приехал в 1945 г.

Мой дедушка Джиргалов Борис Григорьевич, родившийся 20 ноября 1920 г., жил там же, где и бабушка. В 1940 г. он был призван в армию, а в 1941 г. послан на фронт. Воевал до 1946 г. Несмотря на то что народ был репрессирован, его оставили на фронте. Он воевал в танковых войсках. В 1946 г. приехал в п. Убинск к своим родным. А в августе того же года он женился на моей бабушке. В 1948 г. они построили дом. Жили в Сибири до июня 1958 г., у них родились 4 дочки и 2 сыновей.

Жизнь моих бабушки и дедушки, испытавших репрессию, была не из легких. Они многое повидали на своем веку, но остались добрыми, любящими. Они не хотят, чтобы их внуки, правнуки прошли через все то, через что прошли они за годы депортации.

2003

Савр Дякиев

Все мы знаем, что такое депортация. Но истинный смысл этого слова понимаем, лишь слушая рассказы близких.

Когда я писал свой реферат, мое сердце переполняли эмоции, теперь оно только сжалось от боли, на глаза навернулись слезы. Мне тяжело слушать и тяжело писать про депортацию моей семьи. Что же переживает моя бабушка Евдокия Бовлдыковна, когда она рассказывает мне о высылке?

Моя семья жила в селе Вторые Ульдючины. К тому времени отец и оба дяди были на фронте. Неожиданно в шесть часов утра 28 декабря нагрянули солдаты и приказали собираться. Конечно, в спешке и суматохе многие нужные вещи не успели взять с собой. Всех калмыков собрали в здании школы и держали там до вечера. Примерно в четыре часа людей посадили в «студебеккеры» и привезли на станцию Дивное, где заперли в так называемых «телятниках». На следующее утро состав уже несся в далекую Сибирь. Только на крупных станциях давали еду: десять булок хлеба и два ведра супа (баланды) на вагон. Но вот все трудности пути миновали, и начались трудности обустройства.

15 января состав прибыл на станцию Лиманскую Тюменской области. Людей накормили, отвели в баню и устроили на ночлег в сельском клубе. На следующий день по распределению моя семья попала на лесозаготовки. Начались тяжелые дни борьбы за выживание. Да-да, именно за выживание. Даже приезд отца, раненного на фронте и прошедшего два месяца в госпитале в Новосибирске, не облегчили положения. Лишь к началу 50-х годов жизнь наладилась. Моя бабушка вышла замуж, и тут вышел указ об образовании КАССР. Евдокия Бовлдыковна не хотела возвращаться, и только под давлением моей прабабушки Аппи Катаевны семья выехала на Родину в 1958 г.

За этими сухими цифрами и словами скрываются невыразимые муки и страдания. Из большой и дружной семьи выжили только лишь Евдокия Бовлдыковна и ее брат Андрей Бовлдыкович. Все слезы выплакала моя бабушка, и лишь тяжело вздыхает она, рассказывая про высылку. И сколько человечности, доброты, любви и веры в счастье нужно, чтобы выстоять и не сломиться, не ожесточиться и озлобиться, вырастить детей и внуков, восстановить из праха родную республику!

К сожалению, я не имею сведений о высылке семьи моего дедушки, поэтому я о нём не упоминаю.

2003

Кермен Кинзеева

Депортация является трагической страницей в истории не только калмыцкого, но и многих других ни в чем не повинных народов Советского Союза, которые стали жертвами сталинской акции по разобщению и наказанию целых народов, представленной как необходимая мера по защите страны.

Многие народы Советского Союза, в том числе и калмыки, ясно осознавали угрозу смертельной опасности и порабощения, нависшую над отечеством, над каждой нацией, над каждой семьей. Именно поэтому народы СССР, в том числе и калмыки, не поддержали тех, кто сотрудничал с оккупантами, даже под лозунгом борьбы со сталинской тиранией.

Но отлаженная система сталинского режима привела к тягчайшему обвинению не только людей и групп, но и целых народов в измене Родине. С карты Советского Союза стали исчезать отдельные национальные образования. Депортации подверглись более миллиона немцев Поволжья, более 93 тыс. калмыков, 68 тыс. карачаевцев, 500 тыс. ингушей и чеченцев, 37 тыс. балкарцев, 183 тыс. крымских татар, 12 тыс. болгар, 91 тыс. турок, курдов, хемшинов и многие другие народы.

Я думаю, что сегодня нет ни одной семьи, которая не пережила бы трудностей и ужасов депортации. Депортация не обошла стороной и мою семью, как и многие тысячи других.

О депортации калмыков мне известно из воспоминаний моей бабушки, в девичестве Манджиевой Евдокии Тюрбеевны. Моя бабушка родилась 22 февраля 1933 г. В декабре 1943 г., когда калмыцкий народ был депортирован, моей бабушке было десять лет. Она вместе со своей мамой жила в Цекерте, а ее отец воевал в рядах Красной Армии.

По рассказам бабушки, ранним утром 28 декабря 1943 г. военные ворвались в их дом, когда все еще спали. Подняв всех с постели, военные приказали собрать вещи и багаж за 20–30 минут. Но что могли успеть собрать сонные, растерянные и ничего не понимающие люди за 20–30 минут? Как определить и выбрать самое нужное? Поэтому многие, в том числе и моя бабушка с матерью и родственниками, вышли в чем были обуты и одеты: без теплых вещей, без пищи, не взяв с собой ничего. Затем, по рассказу моей бабушки, военные погнали их, как скот, к сборному пункту. Там, погрузив в грузовые машины, их отправили к железной дороге.

На станции «арестантов» грузили по 40–50 человек в двухосные вагоны, так называемые «теплушки», в один из которых была распределена и моя бабушка. Бабушка рассказывала, что в вагонах было очень холодно, так как они продувались сквозняками, отчего многие люди замерзли, без пищи и тепла многие старики и просто больные умирали здесь же, еще не тронувшись с места. Не выдержав трудностей дороги и голода, умерла мама моей бабушки. Так моя бабушка осталась сиротой в десятилетнем возрасте.

Поезд, на котором ехала моя бабушка, прибыл в Алтайский край. Калмыки, прибывшие на нем, были размещены в Алейском районе, в селе Большое Пенюшево. Моя бабушка жила со своими дальними родственниками в одной из избышек этого села.

Чтобы как-то себя прокормить, она нянчила детей, прибирала дома, помогала по хозяйству родственникам. Затем устроилась дояркой на молочно-товарной ферме. Когда бабушке в 1954 г. исполнился 21 год, она вышла замуж за Кинзеева Николая. Мой дедушка тогда работал в лесхозе лесорубом. В 1955 г. бабушка родила моего отца. Когда ему было полтора года, мой дедушка сильно простудился и вскоре умер. Оставшись одна с маленьким ребенком на руках, бабушка продолжала работать в колхозе.

Однажды в село, где жила моя бабушка, приехала ее дальняя родственница и рассказала ей о судьбе моего прадеда. После того как калмыки были депортированы, отец моей бабушки был снят с фронта и очень долго искал свою семью. Ему удалось узнать, что жена умерла в дороге, а про судьбу дочери ему ничего не было известно. Поиски его были безрезультатны, и в 1950 г. он женился во второй раз на Саранговой Киште, после чего в 1951 г. у них родилась дочь Лидия. В 1952 г. после долгой болезни мой прадед умирает, так и не встретив бабушку. Вскоре бабушке удалось разыскать и познакомиться со своей сводной сестрой.

В 1958 г., после того как калмыки были реабилитированы, моя бабушка вместе со своим родственниками и сестрой переехала жить в Астраханскую область, Лиманский район, село Промысловку, где и живет поныне.

История моей бабушки не единична. Подобные истории происходили и в других калмыцких семьях, может быть, даже и с более трагичным концом. Моей бабушке посчастливилось выдержать трудности в дороге и в суровых условиях сибирской жизни найти свою сестру — единственного родного человека, который у нее остался после трагических дней депортации.

Итоги депортации ужасны. Всего за годы депортации было выслано 115 тыс. калмыков, из них 40% умерло в пути и в годы проживания в Сибири. За годы депортации особенно страдали ни в чем не повинные дети, которым пришлось за короткий срок не только повзрослеть, но и научиться

ся жить по-новому, видя смерть, голод и невероятные страдания целого народа.

На сегодняшний день многие калмыки, которым довелось пережить трудности и ужасы депортации, стараются об этом не говорить, но боль, скорбь и страдания, которые они испытали, навсегда останутся в их душах и памяти.

2003

Саглар Лиджиева

28 декабря для калмыцкого народа День Памяти. В этот день бабушки и дедушки вспоминают о семье, близких, друзьях. В День Памяти мы навещаем пожилых членов семьи.

Наверное, каждому пожилому человеку трудно возвращаться в те ужасные годы — годы войны и годы несправедливой ссылки. Но моя бабушка всегда делится воспоминаниями. Она рассказывает, может быть, потому, что этот день такой, что навевает ей воспоминания, и она рассказывает о них внукам, чтобы мы знали, где побывали и что испытали калмыки.

Мою бабушку зовут Баин Манджиевна. В год высылки ей было 8 лет, но она достаточно хорошо помнит о ходе высылки. Во время высылки она была со своей матерью, бабушкой и сестрами дома, в то время папа и дядя были на фронте.

Рано утром 28 декабря 1943 г. бабушка еще спала, но проснулась от прихода в дом солдат. Она встала, ничего не понимая из того, что говорят эти солдаты, так как не знала русского языка. Затем пошла в комнату, где были старшие члены семьи, и увидела, что дедушка плачет и показывает солдатам письмо. Это письмо было получено днем раньше, 27 декабря, от дяди моей бабушки. В нем говорилось о том, как бьют немцев, как он сражается. Благодаря этому письму солдаты сменили свой гнев на милость, так как поняли, что эти люди не предатели. По приказу командира стали помогать собираться. Солдаты говорили, что надо на себя надеть как можно больше вещей, так как никто не знал, что их ждет. По словам бабушки, на всех детей надели все новое, взяли все семейные драгоценности и другие ценные вещи. Семья собрала достаточно вещей, так как их дом был первым в деревне и соответственно у них было больше времени.

Их погрузили в вагоны, в которых перевозили скот. Несмотря на то что люди вспоминают, что много калмыков умерло в дороге, моя бабушка говорит, что в их вагоне не умирали, так как успели взять с собой еду или зарезать скотину.

В январе 1944 г. семья бабушки прибыла в Хакассию, г. Абакан. К вагонам подъехали люди в санях и развезли по колхозам. Бабушкина семья и еще три семьи попали в село Патрушиново. По воспоминаниям бабушки, они попали в колхоз, где жили бедно. Их поселили в длинном бараке, состоящем из одной комнаты.

Прошли 1944–1945 гг. Кончилась война. Дядя бабушки вернулся с фронта в отпуск и перевез семью в другой колхоз. Семья жила в то время бедно, так как пришлось все продать. Через несколько месяцев дядя вернулся в армию и служил до 1946 г. По возвращении его направили военруком в совхоз «Минусинский», и он перевез семью туда, затем они переехали в Черногорск. Вскоре мать бабушки умерла. Она осталась с бабушкой и дедушкой, а ее сестер и брата отправили в детдом. По воспоминаниям сестры бабушки, по дороге в детдом брат заболел и скончался. Моя бабушка не знает, так это или нет, так как тогда это скрывали от них. В 1949 г. сестер забрали из детдома. На вопрос, чем они занимались, она сказала, что недалеко были шахты с углем и они собирали уголь и продавали его, собирали урожай. Так добывали средства на жизнь.

К концу срока высылки жизнь наладилась. Люди стали относиться к ним нормально, и они зажили достаточно хорошо. Дядя присылал что-то из того, что зарабатывал, и они сами зарабатывали неплохо.

В 1956 г. родилась моя мама, и в июле их возвратили на Родину в Астраханскую область.

Так помнит высылку бабушка. Возможно, я где-то перехожу к повествованию от ее имени, потому что представляю, как это было. Наверное, она что-то подзабыла, что-то не хотела говорить и не смогла. Но это закономерно, так как это трудные годы для любого человека.

2003

Джангар Сангаджи-Горяев

1943 г., 28 декабря. Ночь. До Нового года оставалось три дня. По рассказам моей прабабушки, все было тихо, и ничего не предвещало беды.

Мужья, братья и сыновья да некоторые девушки ушли на фронт защищать свою Родину от немецких захватчиков. Уже третий год не щадя жизни воюют калмыцкие сыновья и дочери.

Но вот 4 часа утра, неслыханный гул машин, свет фар разбудили собак и скот, лай и вой, неистовое мычание коров потревожили мирно спящих людей. На тот момент моя прабабушка Кермен проживала в Улан-Хольском районе, селе Цекерта вместе со своим двухгодовалым сыном (моим дедушкой), их разбудил грохот ударов прикладов и сапог в дверь и окрик:

«Калмыки! Вставайте, быстро собирайтесь, брать только необходимое, на сборы 20 минут! Все! Не разговаривать!»

В дом моей бабушки вошли трое военных людей с автоматами: два солдата и один офицер. Вошедший офицер сел за стол и стал рыться в ящиках, не переставая командовать солдатами. И вдруг офицер обратился к моей бабушке, держа в руке фотографию мужа с фронта, уже с гвардейским значком и двумя медалями: «Это твой муж?» — «Да». — «Так, эту семью надо хорошо вывезти, это семья фронтовика», — сказал он солдатам. Солдаты чуть присмирели и стали вежливее. Во дворе было две коровы. Одну из них солдаты зарезали и уложили в мешок. Были еще две швейные машинки «Зингер» — одна подарок на свадьбу, другая — на день рождения сыну. «Зингер» разобрали, уложили в мешок. «Пригодится, далеко едете».

Подогнали грузовую машину, там уже сидели несколько семей, покидали наши вещи и запихнули мою бабушку с ее сыном. Привезли на станцию «Улан-Хол». Там уже было полно народу. Никто ничего не понимал: куда? зачем? почему? Всех людей посадили в товарные вагоны, и состав двинулся в направлении Астрахани. Говорят, что при переезде через Волгу калмыцким составом испытывали новый, только что построенный мост.

А чем дальше, тем холоднее, мороз, в вагонах поставили печки-буржуйки, но топить нечем. На остановках давали дрова и немного угля, но они быстро кончались, да к тому же калмыки угля не знали, часто печки тухли, приходилось растапливать заново.

Моя бабушка была очень благодарна тем солдатам, которые помогли ей собраться. Мясо досталось всем: и родным, и близким, и даже незнакомым. И все-таки дорога была длинной, морозы крепчали, люди начали потихоньку умирать.

В вагоне, где ехала моя бабушка, умерло двое стариков и одна бабушка и один чей-то ребенок. На остановках подходили и кричали: «Мертвые есть?!» Мертвых сносили в пустой последний вагон и складывали, как дрова, а где-то, видно, разгружали, и никто не знает их «последнего адреса».

Вот и Алтайский край. Станция Гордеевка. Всех разобрали по колхозам и совхозам. Везли от станции еще 50–60 км, на санях под рогожей на соломе, привезли в село Ельцовку, поселили три семьи в колхозный клуб, дали солдату набить матрацы и мешки, с полмесяца где-то так прожили, в марте двум семьям дали избы, в том числе и моей бабушке как семье военнослужащих. Естественно, все делалось под надзором коменданта.

Впереди их ожидали новые трудности сибирской жизни. Но они постепенно привыкли.

2003

Володя Овшинов

Я бы хотел рассказать о том, как пережила депортацию моя бабушка Галина Алексеевна.

В 1943 г. она жила с мамой и старшей сестрой в Башанте, ныне г. Гродовиковск. Бабушка училась в восьмом классе Башантинской средней школы. Шел декабрь, и 27 числа, на 2 дня раньше, их отпустили на каникулы, так как в школе разместили солдат. В этот день в селе появилось много грузовых машин, но так как в село прибыли войска, никто этому не удивился.

28 декабря в 5 часов утра раздался стук в дверь. Вошли два солдата и офицер. Они зачитали указ о депортации калмыков. На сборы им дали два часа. Бабушка и ее мама успели собрать кое-какие теплые вещи, после чего их увезли в пункт сбора — школу. Целый день туда подвозили семьи, жившие в Башанте и близлежащих селах.

На следующий день их повезли в Сальск на железнодорожную станцию. Всех людей погрузили в товарные вагоны. У них не было еды. В центре вагона стояла маленькая печка, но не было дров, чтобы затопить ее. В вагоне было очень холодно, началась эпидемия сыпного тифа. В пути погибло очень много людей.

В январе поезд прибыл в Омск, где стояли тридцатиградусные морозы. В Омске все прошли санобработку, и их распределили по селам и колхозам. Моя бабушка попала в колхоз им. Карла Маркса, где жили депортированные в 1941 г. немцы Поволжья. Немцы калмыкам не помогали, поэтому приходилось ходить в соседние русские колхозы, чтобы обменять некоторые свои вещи на картошку. Начался голод, но их спасла картошка, которую обменяли на некоторые вещи. Весной стало легче, т. к. на поле собирали колосья, делали из них подобие муки и варили суп. В мае семью моей бабушки отправили в г. Ханты-Мансийск. Летом бабушка работала грузчиком на военном консервном заводе. Летом стали отоваривать карточки, а на заводе кормили рыбьими головами.

В августе моя бабушка поступила в фельдшерско-акушерскую школу и благодаря мастеру Анне Ивановне, следившей за ними на заводе, ей разрешили там учиться. В 1947 г. она закончила школу с отличием, ей не разрешили ехать учиться в Свердловский мединститут, но она работала сначала в Заполярье, потом Ханты-Мансийске врачом. В 1951 г. бабушка вышла замуж за моего деда Овшинова Владимира Николаевича. Он работал в Ханты-Мансийске капитаном парохода «Варяг». В 1954 г. перевели работать в Тюмень, а в 1955 г. моим бабушке и дедушке разрешили переехать в Алма-Ату к дяде, где они прожили до 1957 г. В 1957 г. они вернулись в Калмыкию. Так сложилась их судьба.

2003

Ксения Сармашева

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

А. Ахматова

Суровый зимний день 27 декабря 1943 г. стал для каждой калмыцкой семьи важной вехой в их жизни. Тщательно запланированная операция под кодовым названием «Улусы», утвержденная «железным сталинским наркомом» Берией, одновременно охватила все хотоны, села, поселки и города, где проживали калмыки.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. все калмыки объявлялись изменниками и предателями и выселялись в Сибирь, а Калмыцкая Автономная Республика ликвидировалась. Калмыков обвинили в том, что якобы в период оккупации они изменили Родине, предавали немцам честных советских граждан, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, терроризировали население.

И это несмотря на то, что с первых дней войны на защиту Родины из республики было мобилизовано в ряды Красной Армии свыше 20 тысяч воинов. Среди тех, кто отважно сражался в первые годы войны, был мой дедушка Леджиев Шура Убушиевич. Когда он ушел на фронт, ему было 27 лет. Его призвали в первые дни войны, и он был одним из защитников, которые воевали на территории нашей республики. Сам он был родом из Зензелей и воевал на Астраханском направлении. У него было несколько наград, но больше всего он ценил медаль «За отвагу». Он был ранен в одном из боев, а затем лечился в госпитале в Саратове. Именно там его застала весть о депортации калмыцкого народа. Поэтому после лечения он был депортирован тоже как враг народа, несмотря на то, что был фронтовиком. Со второй волной депортированных он попал в Казахстан, где жил и работал до 1959 г. Моя мама родилась в Казахстане в Гурьевской области. Ее родители работали на нефтяных месторождениях. Что касается моего папы, то он родился в период депортации в селе Дружинино Купинского района Новосибирской области. Здесь он закончил два начальных класса. В мае 1958 г. вместе с большой семьей переехал на родину предков в поселок Алцын-Хута (ныне Заливной).

Депортация унесла жизни многих калмыков и навсегда осталась в истории и памяти народной. Этому историческому отрезку в жизни народа посвящен памятник известного скульптора Э. Неизвестного «Исход и возвращение».

2003

Эрдни Церенов

Шел 1943 г. Война. Было трудное время, и мог ли кто из калмыков подозревать, что для них оно окажется трагическим вдвойне. К моменту высылки калмыцкого народа в Сибирь моей бабушке Бараевой Кюкен Аркаевне было девять лет, жила она в поселке Адык Черноземельского района в семье своего дяди Тельтеева Чоови. А ее родные (папа, мама, брат и сестренки) жили в поселке Цаган-Усн Яшкульского района.

28 декабря... Море слез, рыданий, криков, суматошных сборов, которые были слышны в каждом доме. Люди не понимали, в чем дело, были растеряны. В каждый дом заходили солдаты и говорили, что калмыков выселяют...

Дядю убили в 1942 г. бандиты, а через год зимой моя бабушка, ее старая тетя и жена дяди Тельтеева Баир уезжали в товарняке в страшную и холодную неизвестность. В вагонах было холодно и темно, на нарах безмолвно лежали люди. Кто-то доживал последние минуты, замерзая от холода, в ком-то еще теплилась душа...

Никто не видел ни восходов, ни закатов солнца на пути следования. Одежда не выдерживала сибирских морозов, каждый согревал себя как мог, надеясь на здоровье и духовные силы...

В пути их кормили гороховой похлебкой, выдавали крохи хлеба, а кипятком угощали односельчане, запасаясь им во время остановок. Так доехали до пункта назначения — деревни Киряково Болотнинского района Новосибирской области. Через несколько месяцев родные моей бабушки умерли. Она осталась одна...

Потом, вспоминая, Кюкен Аркаевна все думала, как она смогла выжить, сколько она слез пролила. В детский дом ее никто не отдал, видимо, из-за того, что село было дальше. В то время уполномоченные на то люди ездили по селам, собирали детей-сирот, устраивали в детские дома.

Чтобы выжить, моя бабушка с девяти лет пасла сельских коров, за работу давали хлеб, ведро картошки. Устроилась жить у чужих людей. Однако через три года ее нашел единственный брат — Бараев Цаган Аркаевич. В 1949 г. моя эджя вышла замуж за Дорджиева Босхомджи Тугульчиевича (моего дедушку). Они стали работать в колхозе.

Одна и та же мысль была у всех на уме: увидят ли они свою родину? И когда? И чем дольше жили в неволе, на чужбине, тем сильнее становилась тоска по родине. В той дали явственно ощущали широту степных просторов, где круглый год было тепло, солнечно и мирно паслись стада.

Родители моей мамы приехали из Сибири в 1957 г. Сначала до 1961 г. жили в п. Оргакин Ики-Бурульского района, затем переехали в Черноземельский район. Так как у моей бабушки не было образования, всю жизнь она проработала техничкой в школе, потом поваром в школе-интернате, затем там же нянечкой. Очень много она видела плохого, перенесла все

унижения, похоронила в Сибири родных, но не стала злой и жестокой. У нее сейчас 12 внуков. Бабушки нет с нами уже 11 лет. Но мы всегда помним о ней!

А сочинение я написал по рассказам мамы и по архивным данным семьи.

2003

Евгений Шитлянов

28 декабря 1943 г. в 6 часов утра в один из домов калмыцкого поселка под названием Шара-Бюрбья, расположенного в Астраханской области¹, пришли два русских солдата. В этом доме жила моя бабушка со своим отцом и тремя братьями. Отца звали Горяев Саранг Болданович, он был 1897 г. рождения, мою бабушку зовут Нина Лиджи-Горяевна, она 1923 г. рождения, а братьев — Церен, 1927 г., Иван, 1929 г. и Михаил, 1935 г. Когда пришли солдаты, моей бабушки не было дома, так как она работала в соседнем селе. Солдаты отобрали топор и острые вещи, велели одеваться и выгнали во двор. Потом их отвезли в школу, где собирали всех жителей поселка, оттуда всех повезли на железнодорожные линии. Там моя бабушка и отец с братьями встретились и больше не расставались.

Позже всех калмыков погрузили в товарные вагоны, и поезд начал свое движение. Конечным пунктом этого пути был поселок Усть-Бюр, находящийся в Хакасской автономной области Красноярского края. Этот «переезд» длился 15 дней. В каждом вагоне было около десяти семей. Среди них определяли главного, который получал в дороге еду и раздавал в своем вагоне. Кормили хлебом, водой и баландой. Спали в вагонах на нарах или что-нибудь стелили на пол. В дороге многие не выживали, умерших собирали в отдельные вагоны и на остановках выкидывали, госпитализированных в пути не было.

В Усть-Бюр поезд прибыл 12 января 1944 г. Когда поезд был еще в пути, до жителей поселка Усть-Бюр дошел слух, что едут калмыки-людоеды, и когда калмыки приехали, жители поселка прятали своих детей, но потом они лучше узнали калмыков и поняли, что это не людоеды. В поселке жили русские и финны, которых сослали туда до калмыков, но их было немного.

Работала моя бабушка на заводе, как и все, помимо этого она и многие другие загружали приходящие локомотивы бревнами, рельсами и многим другим. Рабочий день на заводе длился до 17 часов, а загрузка поездов была круглосуточной, так как поезда приходили в разное время суток. Мой прадед не работал, он был болен. Братья моей бабушки тоже не работали,

¹ Тогда Астраханская область еще не была сформирована.

только старший, Церен, работал, очищая бревна от коры. В 1948 г. Церен пошел работать на завод. Михаил учился в школе, а Иван сидел дома. Каждый месяц моя бабушка, как и все калмыки, кроме детей, ходила в комендатуру расписываться в своем личном деле, так как велся спецучет.

В Усть-Бюре 24 ноября 1947 г. моя бабушка вышла замуж за солдата, высланного после войны и приехавшего в Усть-Бюр, так как его семья (отец, мать и две сестры) тоже была выслана туда. Этого солдата звали Шитлянов Гага Горяевич. После свадьбы моя бабушка сменила фамилию на Шитлянову. В 1952 г. у них родилась дочка Алефтина — моя мама, в 1954 г. у них родилась еще одна дочка, Мария — моя тетя. До 1958 г. у моих бабушки с дедушкой родилось еще три ребенка (два сына и дочка), но они не выжили и умерли через год после рождения. Также до 1958 г. у моего дедушки умерли родители.

После отмены спецучета мои бабушка с дедушкой всей семьей 1 мая 1958 г. вернулись в Астраханскую область, и в этом же месяце они переехали в Цаган-Аман.

2003

Лена Цебекова

Я не помню свою прабабушку Нину, поэтому я расскажу ту историю, которую рассказала прабабушка моей маме.

В тот вечер ничего не предвещало беды, все шло как обычно. Ночью раздался стук в дверь, вошли солдаты и сказали ей, чтобы она собрала за пятнадцать минут все необходимые вещи. Самое дорогое, что у нее было — это кусочек мыла, он остался у нее как память о первенце. Этим кусочком мыла ей было дано всего один раз искупать своего ребенка. Когда солдат увидел это мыло, то он забрал его, несмотря на просьбы оставить. Он грубо оттолкнул бабушку и ударил прикладом винтовки.

Их везли в товарных вагонах, как скот, многие умирали в дороге, тела их выбрасывали по пути следования поезда. Бабушку выселили с двумя сыновьями и больной старенькой матерью, а мужа у нее не было, так как он тяжело болел и умер до войны. Младший брат умер уже там. Однажды она пришла домой и увидела, что малыш упал с кровати; видимо, он пролежал долгое время на глиняном полу, так как после этого заболел и вскоре умер. Много пришлось пережить ей лишений.

Слушая разные истории, не могу понять, как, пережив столько страданий и лишений, народ смог сохранить язык, культуру, традиции. Вернувшись из ссылки, люди не пали духом, не озлобились, а принялись за восстановление народного хозяйства. Все это является примером для молодого поколения.

2003

Анна Убушиева

Слава о победе русского народа в Великой Отечественной войне разнеслась по всему миру. О мужестве, доблести и любви русских к своей родине узнали все жители планеты. Но мало кто из них знает, что в ожесточенных боях против фашистов сражались, отдавая жизни, также и «малые народы», не уступая в храбрости и отваге.

Обозвав этих людей врагами народа и унизив их достоинство, советское правительство подвергло депортации многие из них: татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, среди них был калмыцкий народ.

Операция по депортации калмыков состоялась в декабре 1943 г. и носила название «Улусы». Во время ссылки потеряли свой кров 93139 человек, среди которых были мои бабушка и дедушка.

«Это случилось внезапно. Я со своим братом Авлей была в море, на малых островах, когда за нами пришли военные и попросили проследовать за ними...»

Так начала моя бабушка Бадма-Убушаева Евдокия Балткаевна. Она родилась в бедной калмыцкой семье, в которой было пятеро детей. Нищета, голод заставили рано начать работать, и как только бабушке исполнилось 16 лет, она уехала с братом на заработки. Вот и оказалась она рыбачкой на Каспийском море. Помогала брату и, зарабатывая гроши, отсылала их родителям.

Из смутных воспоминаний бабы я поняла, что сначала они переходили реку. Была зима и вода замерзла, но сердце колотилось еще быстрее, когда под ногами хрустел и раскалывался лед: «Вот-вот и ты упадешь, и никто не поможет и не подойдет...» После этого «перехода» их распределили по эшелонам

Разместившись в вагонах для скота, люди отправились в совсем чужие им края, в бескрайнюю ледяную Сибирь. Дорога была длинной и долгой... По пути туда погибло много людей: одни умирали от холода, другие от голода...

«Места было мало, и заледенелые трупы сразу же выбрасывали из вагона. Во время остановок люди выбегали и набирали снег в ладони, он таял, и мы получали воду... Со мной ехала большая семья, старики и брошенные дети. Они плакали, не переставая: их животы были пусты и от холода отнимались руки и ноги...»

Вот, наконец, стук колес начал замедляться, они прибыли в Сибирь. Бабушка рассказывала, что главным для нее было найти своих родителей, братьев и сестер, но известий о родных так и не было. По приезде грязные и голодные калмыки были размещены в бараках по сорок человек. Бабушку с братом поместили с мужиками (примерно 20 человек). Спали они на холодном полу, укрывались тонкими солдатскими одеялами. Очередь на

кухне была большая, хотя готовить было не из чего. Питались они кожурой от картошки, из кожуры лука, по словам бабы, получался хороший русский чай. Многие из женщин продавали украшения в обмен на продукты.

«Меня никто не хотел брать на работу, особенно на лесоповал: говорили, что еще молодая, сил нет, худенькая, но голод давал о себе знать». После нескольких дней моя бабушка стояла в ряду людей, которые перевыполняли план на работе. Она почти привыкла к тяжелым брезентовым штанам, которые выдавались для работы в лесу, к десятичасовому рабочему дню, холоду, который никогда не беспокоил дома, в Калмыкии.

В 1948 г. вышла замуж за парня, который работал вместе с ней. У них родились девочки Тома, Зина и Нина. Дети были единственной отрадой в те тяжелые годы. После рождения мальчика Вити моя бабушка сразу принялась за работу. Хотя она и пыталась проводить время с детьми, ей пришлось оставлять маленького ребенка под присмотром старой женщины. От недостатка ухода, холода ребенок умер. Сначала никто не подозревал, что у мальчика туберкулез: «Он умер у меня на руках по дороге в районную больницу, в 18-ти километрах от нашего села Кубанка». На следующий день бабу ждала работа. Ночью ребенка похоронили, смастерив из ящика маленький гроб.

Шли годы. Люди постепенно привыкали, хотя все также скорбели по умершим родным, по своему краю.

Когда пришло сообщение о реабилитации калмыков, никто не поверил. Даже через несколько дней мне с трудом верилось в то, что я увижу своих родителей, свой дом, свою Калмыкию... Мою бабушку вместе с семьей отправили в Элисту, где они получили двухкомнатную квартиру по улице Клыкова. Город был разворован. Мой дедушка работал трактористом, а бабушка — уборщицей. Дети ходили в школу, постепенно жизнь налаживалась...

Уже в конце рассказа у бабушки потекли слезы. Она сказала, что никому не пожелает такого горя, какое перенесли они за те страшные тринадцать лет.

2003

Айса Ажигалиева

Моя бабушка Киштанова (Когаева) Софья (Хоньда) Нимеевна одной из первых ушла на фронт, как только объявили о наборе добровольцев. Несмотря на юный возраст — 19 лет она не отставала от мужчин. Вскоре она научилась метко стрелять из автомата, затем стала зенитчицей. После депортации калмыков она отправилась на место поселения. Не было никакой надежды на помощь: отец пропал без вести, сестренка и еще один

ребенок погибли в дороге, мать тяжело болела. Шесть братьев и сестер содержала хрупкая девушка. Все медленно умирали от холода и голода. Работала на МТФ¹, иногда удавалось принести немного молока. Но и эти крохи не спасали... Остались трое — старая бабушка и двое братьев.

Мой дедушка, Контуш Убушевич Киштанов, тоже был участником войны — офицером, имел боевые награды, но несмотря на это тоже был сослан. Он умер от болезни, заработанной в Сибири.

Каждая семья депортированных потеряла своих близких, друзей, знакомых. Человека можно убить штыком, пулей, но можно и погубить массу людей просто так, выгнав их из родных мест...

2004

Альма Бурулова

28 декабря 1943 г. — черная дата в жизни калмыцкого народа. В ходе репрессий, примененных сталинским режимом против калмыков, было выслано в Сибирь 120 тыс. человек, которым пришлось пережить немало лишений: голод, холод, смерть близких. В этот день на территории всей республики проходят траурные митинги.

Депортация: как это было. Мой дедушка Авеев Социал Хулхачиевич в газете «Элистинские новости», под заголовком «Пусть помнят дети и внуки», пишет об этом. Также он решил поделиться со мной своими воспоминаниями.

28 декабря 1943 г. ранним утром в село Оргакины, где он родился и жил, прибыли американские машины «студебеккеры». В каждой машине, по его рассказу, находились два солдата с винтовками. Войдя в дом, они объявили, что всех калмыков отправляют в Сибирь, дорога предстоит дальняя, велели собраться в течение получаса, взять с собой теплую одежду и продукты питания понемногу. Его бабушка по отцу и мама успели взять шубы, тулуп из овечьей шкуры и немного мяса на дорогу. Его отец тогда воевал на Западном фронте. Их согнали в школу и никуда не пускали, многие калмыки не владели русским языком, они не могли выяснить, куда их отправляют. Потом их погрузили в машины, колонна большегрузных автомашин направилась в г. Элисту, а потом в село Дивное, на железнодорожную станцию. Там всех загоняли в холодные товарные вагоны по 40–50 человек в каждый.

Посередине вагона, по его словам, коптила одна печка, в народе их называют «буржуйками», которая совсем не обогревала вагон. По пути следования в Сибирь от холода и голода многие умерли, их складывали, как

¹ МТФ — молочно-товарная ферма.

он говорит, в последний вагон поезда для массового захоронения. Более двух недель они находились в пути следования до города Ишим Тюменской области. Далее их на санях в конной упряжке доставили в совхоз Песьяновский Ишимского района, где они и прожили тринадцать лет в ссылке. «На всю жизнь врезались в память огромные снежные сугробы, трескучие морозы и разноголосье скрипа полозьев конных саней», — вспоминает мой дедушка.

В первую ночь их разместили в клубе совхоза, на другой день развозили по животноводческим фермам. Его семья с другими попала на ферму № 4. Питались в основном они картофелем, обменивая на одежду. В первые, самые трудные месяцы 1944 г. остались живыми благодаря помощи местного населения — сибиряков. В 1946 г. его отец вернулся с фронта и был назначен заведующим складом, затем они переехали на вторую ферму, где его отец работал бригадиром дойного гурта, а мама — дояркой вплоть до возвращения на родину. Сейчас его маме, т. е. моей прабабушке, 89 лет. Отца его уже нет в живых, но память о нем остается. Когда я его слушаю, на глаза навертываются слезы и хочется вернуть то время и изменить все.

Светлая память всем навечно оставшимся в сибирской земле.

2004

Алтана Гаврилова

...средняя наша человеческая память не удержала ни от XIX, ни от XVIII, ни от XVII века массовой насильственной пересылки народов.

А. Солженицын

История нашего калмыцкого народа началась с конца XVI — начала XXVII века, когда часть ойратов отделилась от основной массы.

Калмыки — очень смелый и сильный народ, переживший много трудностей и трагедий. Их история — непрерывная цепь страданий. Калмыки с честью перенесли Гражданскую войну, пережили коллективизацию и культштурм.

28 декабря 1943 г., тот суровый, холодный день, запомнил калмыцкий народ на всю жизнь. Задолго до рассвета в соответствии с тщательно запланированной операцией под кодовым названием «Улусы», утвержденной «железным сталинским наркомом» Л. П. Берия, в одно и то же время во всех хотонах, селах, поселках и городах в дома калмыков вошли по двое, трое военных из войск НКВД и объявили, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. все калмыки как изменники и предатели выселяются в Сибирь, а Калмыцкая Автономная Республика

ликвидируется. Для калмыков это был огромный шок, на сборы дали совсем немного времени.

Часто задают вопрос: «А были ли основания для ликвидации национально-государственного образования калмыков и насильственного их переселения?» Нет, не было, но в чем только не обвиняли калмыков: изменники родины, предатели Красной Армии, террористы, организаторы банд, и это еще не все. Также они обвинялись в том, что передавали немцам эвакуированный из других мест колхозный скот, предавали немцам честных советских граждан, совершали налеты на колхозы и совхозы.

Это ужасно несправедливо, ведь в 1941–43 годы почти все мужчины призывного возраста, годные к несению воинской службы, были мобилизованы в армию и находились на всех фронтах Отечественной войны; значительная часть населения была мобилизована на строительство оборонительных сооружений, железной дороги Кизляр — Астрахань, переправ через Волгу и перегон скота. Понятно, что практически все народное хозяйство легло на плечи женщин, стариков, детей.

Депортация унесла много невинных жизней. Только по дороге в Сибирь погибло много детей. Не было еды, воды. Не хватало теплых вещей, а было очень холодно. Вот цифры только по одному из четырех сибирских регионов, куда были высланы калмыки — Алтайскому краю: здесь из 478 погибших в пути умерло от воспаления легких, туберкулеза и дистрофии 290 человек. А сколько сотен и тысяч людей погибло от непривычных для них условий жизни.

Да, было очень тяжело, но калмыки старались выжить. Не было еды, ели замерзшую картошку и все, что попадалось. Очень помогали коренные жители Сибири: поддерживали морально, делились теплой одеждой и едой. И когда уезжали домой, в родные места, то многие калмыки оставляли людей, с которыми, сами того не замечая, сроднились за эти годы, полюбили их, сами стали их частицей.

Несмотря на жестокий режим спецпоселения, калмыки не хотели мириться со своим бесправным положением, совершали побеги из мест ссылки, наиболее отчаянные — по нескольку раз. Немало калмыков бежали в южные районы страны и, нужно отметить, многим это удалось.

17 марта 1956 г. согласно принятому Указу Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» калмыки, как и другие народы, начали обретать свои потерянные ранее права. Во второй половине 50-х гг. началось их возвращение.

После восстановления автономии калмыки возвращались на свою возрождаемую землю. Вновь приходилось обустриваться на месте, что требовало огромных усилий. Государство тоже оказывало помощь. Принимались меры по улучшению социального положения трудящихся калмыков, почти заново воссоздавалась жизнь народа.

Да, калмыки перенесли депортацию, но какой ценой, сколько близких они потеряли, сколько пролили слез, и как бы ни было трудно, они выжили, они вернулись. Отсюда следует только то, что калмыки — сильные, но такого больше не должно повториться.

2004

Эркина Гиляндикова

28 декабря 1943 г. — черная дата в истории калмыцкого народа, народа, не однажды бывшего в изгнании. Заснеженная степь, трескучий мороз, несвойственный для Калмыкии, как бы символизировали те 13 лет и 13 дней, которые провели наши предки на чужбине.

В четыре часа утра, холодным декабрьским утром, люди, одетые в военную форму, постучали в дверь каждой калмыцкой семьи. Этот тревожный громкий стук впоследствии часто сопровождал многих, и люди с учащенным сердцебиением просыпались по ночам от этой слуховой галлюцинации. Из своих обжитых домов уходили целыми семьями практически с пустыми руками, не подготовленные к дальней дороге, ведь люди шли в безызначность, думали, что их везут на расстрел. Невзирая на возраст, их грузили в холодные, неотопливаемые вагоны, предназначенные для перевозки скота, так называемые «телячьи» вагоны, в дверях которых стояли вооруженные солдаты. Люди, выросшие на юге, непривычные к суровым условиям Сибири, голодные и холодные, в этих бесчеловечных условиях нашли здесь свой последний приют.

Всё дальше, в стылую мглу и враждебную безызначность, увозил товарняк от родных мест калмыков. Стариков, юнцов, младенцев и еще не родившихся детей, матерей, дочерей, жен, старух. Мужчин зрелых не было: они воевали на фронте. За исключением душевнобольных, слепых, глухих, хромых, обиженных богом.

В вагоне стоял смешанный запах от давно немых тел, мочи. Январский сибирский мороз словно бы заморозил живой дух. Двери вагона не открывались по трое суток, т. е. за все 13 дней пути открывались всего раза три-четыре. За это время умирали старухи, дети, молодые. Трупы их складывали обычно у дверей. На глухих полустанках тяжело открывались вагонные двери. Хмурые конвоиры ударами сапога и приклада отделяли примерзшие к полу трупы и вываливали их за дверь. Где будут похоронены эти останки? Об этом спрашивать не полагалось. Да и были ли они людски закопаны в землю?

Что же ожидало их в Сибири? Тот же сорокоградусный мороз и снег в человеческий рост. Полураздетых грузили на сани-розвальни и отправляли в самые отдаленные районы, где, по-видимому, в связи с войной не хватало рабочих рук. Сколько их погибло в пути? А сколько осталось в холод-

ной сибирской земле — неизвестно. И даже в этих нечеловеческих условиях наше старшее поколение заботилось о подрастающем поколении: когда давали по карточкам 100 граммов хлеба взрослым и 50 граммов на детей, они старались отдать большой кусок ребенку. Невзирая на то, женщина это или мужчина, подросток или старик, отправляли на лесоповал без рукавиц и валенок, без теплой одежды. По пояс в снегу, они рубили неохватные деревья, а некоторые так и оставались под сваленным деревом, но никто не нес за это никакой ответственности. И в таких условиях они оставались людьми, помогая друг другу чем могли. Часто от местных жителей можно было услышать обидные реплики, как-то: людоеды, предатели родины и другие. Но наши предки не падали духом, держались изо всех сил.

Прошло 13 лет. Среди тех, кто поехал в Сибирь ребенком, были уже школьники старших классов и студенты, выделявшиеся особым усердием в учебе и усидчивостью. И так, 1957 г. XX съезд партии. Указ Президиума Верховного Совета о возвращении калмыцкого народа в родные места, подписанный Н. С. Хрущевым, был принят с величайшим восторгом. И те крохи, что остались от когда-то довольно многочисленного народа, вернулись в родные края, в родную степь.

Депортация калмыцкого народа воистину является трагедией.

2004

Надежда Дармаева

Конец декабря. Все люди, все народы Земли с нетерпением ждут начала Нового года, нового счастья, радости, новостей, начала всех начал. Я думаю, нет ни одного человека, который бы за несколько дней не подготовился к этому празднику. И именно в этой предпраздничной суматохе 28 декабря каждый год на один день замирает один-единственный народ, чтобы почтить память своих близких, погибших в эти страшные 13 лет борьбы за существование, борьбы за жизнь.

Через ссылку прошли мои бабушки и дедушки. Жизнь, по их словам, давалась очень тяжело. Кому-то везло, кому-то приходилось выживать, бороться со смертью. Вспоминая эти годы жизни, мои бабушка и дедушка плачут, не скрывая слез. Мне всегда больно и тяжело затрагивать эту тему, я боюсь расстроить их.

Мне отрадно, что сейчас я вижу и чувствую такое же уважение к людям, прошедшим ссылку, от моих сверстников, взрослых людей и маленьких детей. Несмотря на новый век и новые устои, люди не боятся показывать свои истинные чувства по этому поводу. Мы всегда помним, что наши родные пожертвовали своим здоровьем, жизнями, чтобы жили мы.

2004

Хонгр Замбаев

Давно уже нет в живых моей бабушки — замечательной рассказчицы. Мне часто не хватает ее, но в моей душе сохранились ее рассказы о далекой сибирской ссылке, о дружелюбной сибирячке тете Маше, которая помогла выжить моей бабушке в голодной стороне. Тогда, маленьким мальчишкой, я воспринимал эти рассказы, как сказки... Но с возрастом, изучая историю Калмыкии, я стал понимать и чувствовать боль, пережитую моей бабушкой. Очень трудно понять, как такое могло случиться...

В то время, когда тысячи калмыков воевали, не щадя своей жизни, приближали своими ратными делами Победу, их отцов и матерей, жен и детей согнали под дулом автоматов с родных мест, погрузили, как скот, в тысячи «телячьих» вагонов и повезли под охраной, как преступников, на Восток. Десятки железнодорожных эшелонов в холодную декабрьскую стужу 1943 г. медленно тянулись в Сибирь, оставляя в пути сотни, тысячи трупов, в основном стариков и детей. И вся эта операция шла под кодовым названием «Улусы».

Моя бабушка со своими родными после долгого пути потеряла в дороге отца (он умер — не смог вынести тяжелой дороги, ведь ему было далеко за 70), прибыла в город Красноярск на станцию Енисей. И выйдя из железнодорожных теплушек, на сибирской земле стала спецпереселенкой, без суда и следствия, без причины и вины грубо была ограничена в своих гражданских правах.

Она, как многие другие калмыки, находилась под надзором спецкомендатуры. Работая на лесоповале, ела мерзлую картошку и мечтала о своей солнечной родине — Калмыкии. Несмотря на горе, тяжелый труд, лишения, моя бабушка с теплотой вспоминала годы ссылки, прожитые в Сибири. Она говорила с уважением и любовью о женщинах-сибирячках, которые всегда помогали им чем могли, рассказывала об удивительной красоте сурового сибирского края, о холодной звенящей прозрачной воде реки Енисей, о непроходимой тайге, о юркой красавице-белке.

Бабушка говорила: «Когда приехали — мы плакали оттого, что не понимали, как будем жить и выживать, но и, дождавшись указа о возвращении домой, в феврале 1957 г. тоже плакали, но уже вместе с ними плакали местные сибирячки в ожидании бессрочной разлуки».

Моя бабушка удивительно красиво говорила на калмыцком языке, пела старинные протяжные калмыцкие песни, знала многие сибирские шутки-прибаутки и русские сибирские песни, о чем бы она ни рассказывала, всегда вспоминала свою сибирскую жизнь...

Вот и я, читая о депортации калмыцкого народа, на все смотрю бабушкиными глазами, слышу ее сибирские песни и храню тепло ее натруженных рук в своей душе.

2004

Бова Ильджиева

Среди самых горьких страниц истории особое место занимает депортация. Это было время, когда в стране господствовал тоталитарный режим. Ни в чем не повинные народы обвиняли в пособничестве фашистам, предательстве, бандитизме. Тысячи людей прошли через годы лишений и страданий, не зная до сих пор причины ссылки. Что же они сделали плохого? Почему их называли «врагами народа»? Наверно, потому, что народы, подвергшиеся политике истребления, были малочисленны. Их с легкостью можно было уничтожить.

Страшные годы не обошли и наш калмыцкий народ. Высылали невинных детей, стариков, женщин, а потом и фронтовиков. Они гибли в дороге от холода и голода, более трех тысяч человек не выдержали долгого и сурового пути. А впереди их ожидало еще тринадцать лет каторги, унижений, издевательства. Но самая большая несправедливость была в разлуке семей. До сих пор люди не могут найти своих родственников и не знают, живы ли они вообще. Удивительно, как наш народ остался жив, шансов ведь не было никаких. Мир не без добрых людей, и нашим предкам помогали местные жители.

И сейчас чувствуется обида за наши страдания, несправедливость. В нашей памяти останется горечь той утраты. Никогда мы не забудем те 13 лет, 13 дней.

2004

Санан Кичиков

Материал взят из воспоминаний очевидца Николая Николаевича Кувакова.

В шесть утра нас подняли солдаты. Приказали собраться за двадцать минут. Мы оказались в вагонах для перевозки скота, которые к тому же еще и не отапливались. Многие умирали в пути. Сообразили сделать спасительную печку. Многих она спасла. Тела умерших складывали в один вагон. Мне было тогда четырнадцать лет. И часто приходилось с риском для жизни добывать дрова. В дороге умер мой брат. Наш эшелон был большой и по пути следования (30 дней) умерло более ста человек. Особенно тяжело пережили этот путь дети и старики. Высадили нас на станции Боготол в Красноярском крае. Приняли нас неплохо — угостили картошкой, выделили места для проживания, детский сад.

А весной опять пришло несчастье — от тифа умерли брат и сестра. Мать лежала без сознания, только мой брат Дорджи держался. Питаться было нечем, ели мерзлую картошку, если подыхала лошадь, ели мясо.

Хлеба не было, мешка картошки и немного муки, которую заработала мама, едва хватало, чтобы не умереть с голоду. А когда мать слегла, и вовсе стало тяжело. Я пошел работать. Мне давали пятьсот граммов хлеба, половину я отдавал братишкам. Мерзлую картошку растирали и пекли лепешки. Нас спасала корова. А весной сажали картошку. Так и жили... Права уехать у нас не было. Отмечались в комендатуре.

Участвовал в перекрытии Оби, строил ГЭС. Пожал руку самому Никите Сергеевичу. Во время работы к нам часто приезжал секретарь обкома Новиков. Однажды нас сняли на кинохронику, но затем вырезали, потому что я калмык.

Возвращение домой встретили с большим воодушевлением. И даже жара нас не смущала. Ведь мы были на своей Родине!

Калмыцкий народ подвергся страшным, необъяснимым репрессиям, но выстоял и стал еще сильнее и сплоченнее.

2004

Булгун Кичикова

В моей семье не любят говорить на тему депортации нашего народа. Во всяком случае, мой ава говорит, что почти ничего не помнит, и уходит от разговора. Ему было тогда 14 лет. Может, он действительно не помнит, а может, просто не хочет помнить всего, что он пережил. Я знаю только лишь то, что его вместе с семьей угнали в Германию. Ава Ким не любит вспоминать об этом. Наверное, слишком тяжело ему думать об этом, о всех страданиях и лишениях, выпавших на его долю.

Аака Булгун, в честь которой называли и меня, потеряла на фронте мужа, а в ссылке — сына. Сейчас ее сыну уже было бы 60 лет. Что-то она рассказывает, что-то скрывает. Она рассказывает, как жили, чем питались, какие люди были там.

Мамины родители, ава Ким и эджя Читля, не любят рассказывать о ссылке. Для них это слишком тяжело и больно. Эджя Читля ехала туда с семьей, их было 8 человек. Вернулись в Калмыкию только она и ее младший брат Коля. Двоих детей она похоронила, трое выжили (они родились в Алтайском крае). Всего у эджи и авы 9 детей (8 дочерей и один сын).

Папины родители тоже были в ссылке. Эджя Саглр на Сахалине, а ава — в Казахстане. К сожалению, ава уже умер. Эджя Саглр жива и иногда рассказывает мне о своей жизни на Сахалине.

Начало у всех общее. 28 декабря 1943 г. рано утром пришли вооруженные солдаты и сказали, что калмыков приказано депортировать в Сибирь... После этого рассказы уже идут по-разному.

Я считаю, что депортация, которую пережили мои бабушки и дедушки, была лишней, глупой и неправильной. Эти несчастные дети, женщины и старики, которые могли бы принести намного больше пользы здесь, в Калмыкии, были обречены на голодную, холодную смерть. Самое страшное — это осознание того, что эта ссылка была полной бессмыслицей, чьей-то прихотью. Причины депортации до сих пор неясны не только нам, подрастающему поколению, но и людям, пережившим этот кошмар.

Но какие бы причины ни были названы, я все равно считаю, что эта депортация была геноцидом по национальному признаку, уничтожением калмыцкого народа. И до сих пор стоит вопрос: зачем нужны были эти человеческие жертвы и эти страдания?!

2004

Лилия Машаева

Каждая семья хранит свои истории, которые складываются из рассказов наших родителей.

Семья моей бабушки также подверглась высылке в Сибирь. Они жили на территории Калмыцкого района Ростовской области. У моей бабушки было четыре брата. Двое старших братьев были призваны в ряды Советской Армии¹. В то время ей было около шести лет.

На рассвете ворвались солдаты и зачитали приказ о депортации, но, не поверив им, Сара Лиджиевна запрягла лошадь и поскакала в райцентр чтобы узнать — не произошла ли ошибка, ведь в семье было два фронтовика. Но на это никто не обратил внимания. Их повезли в Сальск. Всех погрузили в товарные вагоны и отправили в Сибирь. Мой прадед успел взять в дорогу топленое масло. В дороге он поил свою семью этим маслом, но спасти свою жену не смог. Она умерла. Трупы людей складывали, как дрова, в последнем вагоне. Вынесли где-то в районе Уфы. Мы до сих пор не знаем, где она похоронена. А маленькая дочь помнила только желтые носочки и красивое платье своей мамы...

Прибыли в Тюменскую область. Они жили в маленькой комнатке. Стояли сильные морозы. Когда отец вырубил на дрова несколько деревьев, его за это арестовали и расстреляли... Но об этом мы узнали лишь в девяностых годах, а тогда детям сообщили, что их отец изменник родины.

Пятнадцатилетний Очир устроился на работу, а маленькие братик и сестренка целый день были дома одни. Соседи сообщили в отдел образования. Лиду и Клима забрали в разные детские дома. В Тобольске детских

¹ Тогда в РККА.

домов было очень много и поэтому Очиру было трудно их найти. В 1946–47 гг. с войны вернулся Борис, разыскал своих близких, и они стали жить вместе. Бабушка закончила Наманганское педагогическое училище, затем пединститут.

Моя бабушка очень рано умерла — сказались годы ссылки. Никому не пожелаешь пережить такую беду, такие испытания, перенесенные моим народом, моими близкими.

2004

Валерия Ланцанова

Выселение с 28 по 31 декабря 1943 г. коснулось в основном калмыцкого населения на территории Калмыцкой АССР и Калмыцкого района Ростовской области. Вслед за основной группой в конце марта 1944 г. было осуществлено выселение калмыков, проживавших в отдельных населенных пунктах Ростовской области, в июне 1944 г. — из Сталинградской области. Всего, таким образом, подверглось депортации около 120 тысяч калмыков. Калмыки были отправлены в Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую области, Красноярский и Алтайский края, на Сахалин.

Что касается моей семьи, то в депортации была моя бабушка вместе со своей семьей. В начале января 1944 г. моя бабушка со своими мамой, семью сестрами и маленьким братиком, которому был один год, были отправлены в Омскую область. Моя бабушка была девочкой-подростком 12–13 лет. С самого начала ее семью не хотели брать, так как нужно было, чтобы на одного иждивенца был один работающий человек. А в их семье могли работать только ее мама и старшая сестра. Поэтому всем детям-подросткам прибавили по 2–3 года. Из-за этого бабушке по документам стало 15–16 лет. До сих пор по официальным документам моей бабушке на 3 года больше, чем на самом деле.

Они ехали 13 дней, в дороге у них умер маленький мальчик Валера, бабушкин самый младший брат, которому был только год. Они провели голодную зиму в Омске, вначале нигде не могли устроиться, жили в каком-то сарае. Выжили и пережили зиму только благодаря тому, что старшая сестра меняла свои вещи на продукты. Делали мучную похлебку, дети собирали в поле колоски. Рядом раньше было зернохранилище, поэтому зимой они привозили на санках мерзлую землю, в доме промывали ее и из 5–6 больших кусков земли намывали одну-две чашки зерна.

Весной 1944 г. их перевезли в Тюменскую область под Ханты-Мансийск. Несмотря на массу трудностей на новом месте, они уже жили лучше. Собирали в лесу грибы, ягоды, шишки, ловили в реке рыбу. Работали в лесу, доярками, сапожниками, водовозами. Бабушка работала на при-

стани. С ее слов, выжили только благодаря тому, что попали под Ханты-Мансийск, где могли добывать пропитание в лесу и ловя в реке рыбу.

Вернулись на Родину в 1957 г. Если считать потери, то умерло восемь детей из шестнадцати, а также их отец.

В официальных правительственных документах, которые не публиковались в открытой печати, выселение народов объяснялось стремлением ослабить этническую напряженность в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку. Главные же причины этой акции, по моему мнению, заключались не только в стремлении к расправе с народами, но и в том, что советское руководство в какой-то степени желало переложить свои серьезные промахи, обернувшиеся поражениями в первые годы Великой Отечественной войны, потерями людских и материальных ресурсов, на некоторые малочисленные народы, т. е. оно преследовало свои цели. В названном указе, в частности, против всего народа были выдвинуты обвинения в измене, вредительстве при эвакуации скота, имущества, при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства.

Правительство страны не ограничилось переселением калмыков, оно приняло дополнительные меры по ужесточению режима их проживания в местах поселения, за пределы которых без разрешения комендатуры нельзя было выезжать. Но и это не все: руководство страны, видимо, преследовало цель окончательно растворить, уничтожить калмыцкий народ как этнос. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» спецпереселенцы должны были оставаться в этом статусе навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Определялись даже меры ответственности: за побег с места обязательного поселения — 20 лет каторжных работ. Кроме того, данный указ закрыл калмыкам доступ в учебные заведения (техникумы и вузы).

Для того чтобы исправить допущенную в отношении калмыцкого и ряда других народов несправедливость, восстановить их государственность, потребовалось более тринадцати лет!

2004

Юлия Наминова

28 декабря 1943 г. — самый трагический день в истории калмыцкого народа. В этот день все население Калмыкии было отправлено в ссылку, в далекую и холодную Сибирь. Тринадцать долгих лет провели калмыки в совершенно незнакомом месте с клеймом предателей Родины.

Я хочу рассказать о депортации калмыцкого народа на примере моей прабабушки Домбр Данеевны Доржеевой. Д. Доржеева в 1943 г. была отправлена на восстановительные работы в Сталинград. После возвращения домой Домбр и всю ее семью отправили в Сибирь, как и тысячи других калмыков.

Тяжело было молодой женщине одной воспитывать детей и ухаживать за престарелой матерью. Добрались до места ссылки, семью Доржеевых отправили в Алтайский край, Быстроистокский район, село Верхоануйск. На первое время они устроились в амбаре для домашних животных, так как своего жилья у них не было. Сначала пришлось всей семьей побираться. Некоторые давали мерзлую картошку, мерзлую тыкву или лук. Но этого, конечно, было мало. Поэтому многие калмыки в первый же год ссылки умерли от голода. Единственным напитком в доме был чай. На него вся семья могла рассчитывать всегда. Заваркой служили высушенные листья яблони или груши. Со временем калмыкам пришлось многому научиться в Сибири: полоть редьку, косить сено, собирать урожай. Именно этим занималась Домбр Доржеева. Через некоторое время Доржеевы вырыли небольшую землянку. Это была яма, а сверху были набросаны ветки деревьев. Таким образом, жилище представляло собой земляной подвал. Зимой было страшно там жить. Ведь существовала опасность, что ночью пурга могла занести крышу и сровнять ее с землей. При этом люди не могли самостоятельно выбраться оттуда. Поэтому их откапывали другие люди, вовремя успевшие покинуть свои землянки. Приближались самые сильные холода. У калмыков не было теплой одежды, хорошей обуви, чтобы спастись от заморозков. Впоследствии калмыки стали покупать у местного населения брезентовые сапоги с деревянной подошвой. Валенки считались роскошью. Поэтому семья Доржеевых накопила денег и купила эту обувь единственному сыну Шовгуру. Мальчик ходил в школу и, перебираясь через ручей, снимал валенки и босиком переходил ледяную воду. Вскоре Шовгур заболел воспалением легких.

Наступил 1956 г. Калмыки наконец-то возвращаются на свою историческую Родину. Наша семья навсегда оставила в Сибири многих своих домочадцев: бабушка умерла от недоедания, Шовгур умер от воспаления легких, Домбр Доржеева, отсидев 3 года в тюрьме за 24 кг зерновых колосков, умерла от язвы желудка.

Прошло много лет... Изменилась форма государства, изменились ценности и идеалы нашего общества, но осталась боль за несправедливую депортацию всего народа. Боль, которая никогда не пройдет.

2004

Анна Новикова

В то время, когда тысячи калмыцких воинов, не щадя своей жизни, мужественно сражались с фашизмом, их жен и детей, отцов и матерей грузили в товарные вагоны и отправляли в холодную Сибирь. Их согнали под дулами автоматов и винтовок с родных мест, погрузили, как скот, и повезли под охраной, как преступников. Калмыки в пути оставляли сотни, тысячи трупов, среди которых было много детей. Положение калмыцкого народа было очень тяжелым. Это было положение людей, оказавшихся вдали от родных мест в суровых сибирских районах без средств к существованию. На долю калмыков выпали холодные, суровые зимы сорок первого, сорок второго, сорок третьего годов, когда температура доходила до 20–30 градусов мороза. Но калмыки нашли в себе силы и в течение нескольких лет жили и трудились бок о бок с русским населением в Сибири. Добрую память оставили калмыки в сердцах сибиряков. По их воспоминаниям, калмыки были очень трудолюбивыми, держали скот.

Хотя официальной причиной высылки калмыков были бандитизм, вредительство, коллаборационизм, на самом деле это был самый настоящий геноцид — истребление, ликвидация калмыков как нации. Сколько людей потеряли своих родных и близких!

Пройдут годы, десятилетия, а калмыки, пока жив народ, будут помнить о неслыханной трагедии своего народа в декабре сорок третьего года.

2004

Дорджи Омиков

Мой дедушка родился в 1906 г., а бабушка — в 1914 г. Дедушка окончил восемь классов, хорошо знал русский язык, разбирался в математике и поэтому считался образованным человеком. Так как денег много в семье не было, дед бросил учебу и стал работать. Вскоре он устроился работать бухгалтером.

Бабушка после окончания школы поступила в техникум и стала медсестрой. Познакомились в 1932 г. Вместе работали в парторганизации. Дедушка, Дорджи Денисович, — оперуполномоченным по делам организации, а бабушка — секретарем партийной организации. В 1939 г. дед был призван на фронт на советско-финскую войну, откуда он вернулся в звании сержанта. В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Дедушка с первых дней войны воевал под Киевом, под Москвой, в окруженном Сталинграде. Там же был ранен, ему ампутировали ногу.

1943 г. Все калмыки высланы в Сибирь. В вагоны для скота погрузили по сорок человек. По прибытии осталось двадцать четыре человека. В первое

время жили в бараках. Работу давали самую «черную». Так, дедушка сначала совсем не работал, но нужно было как-то жить, и поэтому он был вынужден работать сторожем, затем сапожником.

В 1944 г. Дорджи Денисович Омиков написал письмо Калинину, в котором просил выдать ему жилье. Через некоторое время семье Омиковых выделили дом. В 1944 г. родилась дочь Майя, потом родилось еще пять сыновей и три дочери, но суровый климат, голод и холод сделали свое страшное дело — почти все дети умерли. Было настолько унижительно ему, фронтовику, не жалевшему свою жизнь, отмечаться в комендатуре, как преступнику! Приходилось добираться до райцентра пешком, натирая кровавые мозоли, — никто не хотел подвезти «людоеда».

2004

Бая Очирова

Генеральная Ассамблея ООН определила геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо расовую или религиозную группу». А депортацию калмыков и других четырнадцати народов по-другому назвать нельзя.

27 декабря 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР, а на следующий день началось его осуществление.

Моей бабушке было восемь лет, когда ее, маму и брата депортировали. Они жили в поселке Цунцун Долбанского района Калмыцкой АССР. На рассвете пришли солдаты и приказали собраться и следовать за ними. Им повезло: накануне они зарезали бычка и смогли взять с собой мясо. Взяли с собой вещи, которые потом часто выручали. Их обменивали на продукты. Привезли в поселок Зензели, погрузили в вагоны и началась долгая изматывающая дорога в Сибирь. Старики, женщины, дети никак не могли понять: за что? Ведь многие проводили своих сыновей защищать Родину, многие получили похоронки, женщины трудились во благо Родины.

Семья моей бабушки попала по распределению в Омскую область, Любинский район, в поселок Сергеевка. Когда они только прибыли сюда, отношение к ним было неприязненное, их считали изменниками, а некоторые даже называли людоедами и прятались от них. Весна 1944 г. была холодная, и приходилось варить и есть мерзлую картошку. Поселок находился посреди тайги, и во двор часто забредали и выли волки. Затем семья завербовалась и переехала жить на Север в Тюменскую область, Березовский район, поселок Сертынья. Там моя бабушка пошла в школу, а ее брат работал. В 1947 г. погибла мама: работая телятницей, гнала скот через кладбище, упала в могилу и умерла от сердечного приступа. Оставшись

сиротами, бабушка и ее брат перебрались к родственникам, а вскоре переехали в другой поселок. Там не было школы, и поэтому с учебой пришлось распрощаться. Так и прожили до возвращения на Родину.

2004

Саша Хагеева

Я хочу воспроизвести воспоминания сестры своего авы, Антонины Демишевны, которую мы просто называем тетя Тося.

Семья у них была сравнительно небольшая: мама, старшая сестра Надя и она сама. Отца своего она не помнит. Когда в 1942 г. он уходил на фронт, ей было всего два года. Ее мама рассказывала, что прежде чем уйти, отец сказал: «Одна Тося будет носить в будущем мою фамилию, а Надя не будет». К сожалению, его предсказание сбылось: Надя умерла в Сибири. Тетя Тося не помнит ни сборов, ни самой дороги в Сибирь, но обо всем ей рассказала мама. Когда 28 декабря пришли военные и приказали собираться, их мама не растерялась. Она взяла ведро, котелок, летнее и зимнее одеяло, а самым главным их богатством был отцовский тулуп. Он был очень большим и очень теплым. Всю дорогу в Сибирь маленькие Надя и Тося просидели, закутавшись в него. Ведро было единственное на весь вагон, поэтому кипятком, которым запасались на станциях, заканчивался быстро. В чугунке все варили чай по очереди.

Поселили их троих в Троицком районе Алтайского края. Надя уже в то время болела, была слаба и не могла работать, а Тося была слишком маленькой. Их маме приходилось много работать, чтоб прокормить их. Она вместе с другими колхозниками сажала и выкапывала картошку и свеклу. Что тетя Тося помнит хорошо, так это как их мама продала летнее одеяло, привезенное с собой из Калмыкии. Оказывается, в Сибири одеяла были дефицитом, поэтому за него они получили 100 ведер картошки, неслыханное богатство! Годы в Сибири прошли для тети Тоси как-то быстро, скорее всего потому, что она была маленькая, еще беззаботная, не размышляла долго о бедах и не тратила слез, вспоминая Калмыкию, потому что свою знойную республику она просто-напросто не помнила. В 15 лет она пошла работать, вместе со своими ровесниками она сушила зерно. Проработала она там 10 месяцев, пока не наступил самый счастливый день в жизни народа, когда они узнали, что вернутся домой. Вернувшись на родину, они с мамой обосновались в Черноземельском районе, в поселке Комсомольский. Помня предсказание своего отца, она не поменяла фамилию, выйдя замуж.

Вспоминая о тех днях, она испытывает чувство горечи и тоски по всем погибшим в Сибири калмыкам.

2004

Эльзята Шангаева

В холодную зиму 1943 г. согласно операции «Улусы» все калмыки независимо от пола, возраста и семейного положения были высланы в Сибирь... 13 дней, 13 долгих лет. Одним росчерком пера был поставлен крест на истории малого народа. Нет народа, нет языка, нет истории, нет памяти... «Нет проблемы». Жертвой геноцида стал еще один этнос. Можно ли выносить приговор целому народу? История дает утвердительный ответ... Ингуши, калмыки, чеченцы, поволжские немцы, ингерманланды... XX век, человечество существует уже 3 миллиона лет и до сих пор имеют место быть милитаристские тенденции. Государство есть высшее благо? Возможно ли существование подобных мыслей в современном обществе? Гегелю принадлежат слова: «Свобода есть осознанная необходимость». Необходимо добавить: права и свободы человека и гражданина, народов и национальных групп тоже есть осознанная необходимость. Права и свободы реально защищены и гарантированы только в демократическом, правовом государстве, когда человек является высшей ценностью общества и государства. Причиной тысяч смертей, слез, страданий явился тоталитарный политический режим. Геноцид в Тибете, в странах Африки.

Горький опыт человечества убеждает в том, что оно не извлекает уроков из прошлого. Но все-таки хочется верить, что такого больше никогда не повторится и важнейшим принципом жизни будет человеколюбие, гуманность и социальная справедливость. Иначе имеют ли право люди называться существами разумными?

2004

Дякиев Савр,

лицеист I историко-юридического курса.

Руководитель: Шевенова С. И.

Почему депортировали калмыцкий народ?

Реферат

Когда бы слезы тех собрать,
Кто потерял отца и мать,
Все слезы матерей, отцов,
Утративших своих сынов,
Когда бы слить в один сосуд
Все слезы тех, кто тщетно ждут,
Какой сосуд ни выбирай,
Все перельется через край.

Д. Кугультинов

По окончании Второй мировой войны многие в мире поняли, что если права человека, его честь и достоинство попираются в отдельных стра-

нах, весь мир легко может быть вовлечен в кровавый конфликт. Ибо неправовые, диктаторские, тоталитарные режимы не довольствуются подавлением инакомыслия внутри страны, им потребны послушные сателлиты на мировой арене. Вот почему страны-победительницы вместе с другими государствами создали Организацию Объединенных Наций (ООН), в Уставе которой сказано, что народы Объединенных Наций преисполнены решимости «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых народов». Это очень важно для нашей страны, в которой столько лет попирались права человека, хотя в сталинской Конституции СССР 1936 г. они были вроде бы ясно и четко прописаны.

Пусть поздно, только в конце XX в., в нашей стране заговорили об уважении к правам и свободам человека, общечеловеческим ценностям, которые зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах. Но нам, молодому поколению, предоставляется право и возможность жить в правовом государстве и формировать гражданское общество в России. Мы никогда этого не добьемся, если не очистимся от лжи, от преступлений сталинского и не только сталинского режима. Одним из самых страшных преступлений против человечества является геноцид. В СССР он проявлялся в форме депортации целых народов. Как ни тяжело об этом говорить, но это так!

Массовые депортации целых народов в годы Великой Отечественной войны относили к числу самых мрачных страниц истории XX в. Она получила соответствующую оценку на мировой арене и в самой России приняты законы «О реабилитации жертв политических репрессий» и «О реабилитации репрессированных народов», по которым реабилитированы подвергшиеся депортации народы.

Темы, связанные с проблемами депортации, были до недавнего времени запрещенными в бывшем СССР. Только в период перестройки появились исследования, посвященные массовым депортациям, были проведены научные конференции. Наибольшей известностью в нашей республике пользуются работы В. Б. Убушаева «Калмыки: выселение и возвращение» и Н. Ф. Бугая «Операция “Улусы”». Однако оставались вне поля зрения движения за гражданские права калмыцкого народа, и здесь трудно переоценить роль Джаба Наминова-Бурхинова. Он первым из калмыков сделал обстоятельный доклад о положении депортированных калмыков СССР в госдепартаменте США, направил несколько меморандумов в ООН и выпустил книгу «Борьба за гражданские права калмыцкого народа».

Целью моего небольшого исследования является изучение причин депортации калмыков. Насколько были обстоятельны заявления, что калмыки были высланы за «предательство и массовое сотрудничество с немецкими оккупантами»? Я не претендую на полноту освещения этих вопросов.

Это моя первая попытка заняться научными исследованиями, и я надеюсь, что для вас она представит интерес.

«Вынув золото, выкинули сундук» — гласит калмыцкая пословица. Она как нельзя более точно подходит к судьбе калмыков. В первые годы войны калмыки отдали все: сыновей и дочерей на защиту Родины, силы для труда на благо Отечества. «Высосав» все лучшее из народа, И. В. Сталин выселил калмыков. Последствия депортации мы ощущаем и сейчас. Были утрачены безвозвратно материальная и духовная культура, национальные традиции и обычаи и многое другое. Но главное — это убийство сотен и тысяч невинных людей.

Так что же это такое — депортация? Депортация с латинского переводится как вывоз, высылка. Депортация целого народа — особый вид государственного преступления против свободы и человечности.

В первобытном обществе человека изгоняли из племени за нарушение правил рода, традиций и обычаев. Изгнание было равносильно смерти, так как человек не мог выжить один. Таким образом, депортация возникла еще на заре человечества.

В Древних Афинах Клисфен ввел «суд черепков» — остракизм, своеобразный вид тайного голосования. Раз в год на рыночной площади собирались все граждане города, и каждый имел право нацарапать имя человека, казавшегося ему особенно опасным для демократии. Этот черепок назывался остраконом. Если при подсчете черепков одно и то же имя повторялось более 6 тысяч раз, то такого человека изгоняли из Афин на 10 лет, чтобы «и голоса его не слышать». Остракизм не был наказанием, а средством уменьшить зависть, иначе как объяснить изгнание Фемистокла, полководца, выигравшего сражение при Саламине и спасшего Афины от персов.

В Средние века высылали знатных людей. Так, например, в 1136 г. новгородцы на вече осудили на изгнание князя Всеволода, ставя ему в вину трусость в бою, политическое непостоянство, излишнюю любовь к забавам и охотам.

24 декабря 1800 г. на первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта было совершено покушение. Велено было составить список из 130 вождей якобинцев или лиц, принимаемых за таковых. Они были арестованы и сосланы в Гвиану и на Сейшельские острова. Однако вскоре выяснилось, что якобинцы тут не при чем, а заговор устроили роялисты. Роялистов, участвовавших в покушении, казнили, многие были сосланы, подобно якобинцам.

В США заселение Запада привело к новым столкновениям с индейцами. Остатки индейских племен были загнаны в резервации. Индейцы были обречены на вымирание.

История знает немало примеров, когда людей депортировали или из страны или внутри ее. Во всех случаях причины высылки ясны: несо-

блюдение традиций и обычаев, неугодность правителям страны или ее народу, зависть, нужда в новых землях, расовая принадлежность.

В основном в своей работе я хочу проанализировать причины депортации калмыцкого народа. СССР был тоталитарным государством, и этот режим во многом объясняет причины высылки калмыков. Тоталитаризм — строй, при котором государство стремится к полному контролю над всем обществом, права человека ущемляются и нарушаются. Естественно, мало кому нравится постоянный контроль. Поэтому, чтобы люди подчинялись, И. В. Сталин должен был держать население СССР в страхе. Нужно было постоянно показывать, что будет с непокорными, с врагами существующей власти. Сначала выселили так называемых «кулаков». Только за 1931–1932 гг. выселили 1 803 392 человека. Перед самой Великой Отечественной войной подверглись репрессиям польские офицеры. В начале войны выселили «на вечное поселение» в Сибирь и Казахстан немцев Поволжья.

Население СССР было затерроризировано своим же правительством. Как известно, многие русские, украинцы, белорусы переходили на сторону врага. Выселить всех украинцев, например, физически невозможно. Калмыков же мало, выселить их легче, а это надо, чтобы устроить другие народы, удержать их от сотрудничества с немцами посредством неизбежности наказания.

И. В. Сталин хотел показать населению силу своей власти. Он и показал населению, что может все. Страх постепенно пропитывал людей. И по сей день мы не избавились от страха перед людьми в милицейской форме, от грубого окрика начальника, от страха наказания за митинги и забастовки. И возможно, именно И. В. Сталин виновен в том, что мы до сих пор живем в полуавторитарном государстве.

Во время Великой Отечественной войны были переходы воинов РККА на сторону немцев, сотрудничество с ними носило не разовый характер, сдача в плен была реальностью, поэтому власти должны были принимать по этому поводу быстрые, жесткие и решительные меры. Именно поэтому в РККА 16 августа 1941 г. появился приказ № 270 Ставки Верховного Главнокомандования. В первом и втором параграфах приказа указывается на то, что семьи сдавшихся в плен командиров и политработников подлежат аресту, а семьи сдавшихся красноармейцев лишаются государственных пособий и помощи.¹ Этот приказ был суровой, но необходимой мерой. Ущемлялись права человека, часто выносились несправедливые приговоры, но приказ действовал.

¹ Иванов М. П. Малоизвестные страницы Великой Отечественной войны. Элиста, 1996. С. 38.

Сотрудничество с оккупантами имело место и среди мирного населения. Народы Прибалтики, насильно присоединенные к СССР, другие народы, недовольные советской властью, переходили на сторону врага, активно сотрудничали с ним. Так, к концу 1941 г. тыл немецкой армии обслуживали около 700 тысяч человек, многие из них были добровольцами¹.

Чтобы удержать население от сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами, нужны были, как и в армии, быстрые и жесткие меры. Депортация калмыков была как показательный урок. Так же было с советскими немцами, «стрелявшими в спины воинов РККА», с корейцами, «хотевшими перейти на сторону милитаристской Японии». Характерно донесение командующего 43-й Армией К. Голубева на имя И. В. Сталина: «...Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо обласкать, и до 600 человек представили к правительственной награде...»² Таковую же политику проводили и по отношению к населению СССР, о чем свидетельствует депортация калмыков.

СССР в Великую Отечественную войну нуждался буквально во всем: от зерна до танков. Причем интересно отметить, что ресурсы были, и они были громадными, но, к сожалению, находились в Сибири и на Дальнем Востоке. Рабочих рук для освоения этих территорий не хватало, добровольцев для работы на рудниках и шахтах в таких страшных условиях не было. Власти нашли «выход». Вначале для освоения земель выселили «кулаков». Потом начали выселять немцев и поляков, за ними крымских татар и корейцев, карачаевцев и калмыков, чеченцев и ингушей, многие другие народы.

Калмыков выселяли семьями. Для чего? Ведь старики и дети не могут работать на стройках и рудниках, лесоповалах и шахтах. Я думаю, что стариков и детей выселили для того, чтобы «привязать» работоспособное население к местам расселения.

Например, какой-нибудь мужчина хочет убежать с лесоповала. Это не очень сложно. Но если у него семья, что будет с женой, детьми, родителями? Бежать же со стариками и детьми невозможно. Все, что оставалось делать, — это работать, осваиваться на новом месте. Моя бабушка, Евдокия Боволдыковна, рассказывала о том, как она не хотела уезжать из Сибири. Здесь были семья, дом, работа, друзья. Лишь по настоянию моей прабабушки они выехали в Калмыкию. Вышеприведенный пример показывает, как далеко и как «хорошо» рассчитало правительство СССР депортацию калмыцкого народа.

Ради чего, как не для освоения новых земель 120 тысяч калмыков расселили на территории площадью примерно 10 миллионов квадратных ки-

¹ Новейшая история Отечества. XX век. Т. 2. С. 150.

² Иванов М. П. Указ. соч. С. 175.

лометров? В советско-партийной прессе объяснялось, что это делалось якобы в исключительно гуманных целях, а именно для «разгрузки» отдельных экономических районов от «избыточной» рабочей силы, ради освоения новых экономических районов.

Переселив калмыков, И. В. Сталин и Л. П. Берия не интересовались благоустройством калмыков. Им не выдавали одежды, продовольствия, домов для расселения. По воспоминаниям моей бабушки, 130 человек жило в бараке площадью 28 метров. Начальник УНКВД по Новосибирской области Ф. П. Петровский и начальник ОСП Г. Жуков докладывали министру внутренних дел СССР, что «местные партийные и хозяйственные органы не занимаются трудоустройством калмыков, считая, что это дело органов НКВД»¹. В НКВД же очевидно считали, что их дело довести калмыков до Сибири, а там ими должны заниматься местные органы власти, поэтому некоторым калмыкам по три месяца не то что работы, продовольствия не выдавали.

В рыбной промышленности были задействованы 40 тысяч человек. Это треть от общего числа выселенных. Все фронтовики трудились на строительстве Широковской ГЭС. В общем во всех районах расселения калмыки были относительно трудоустроены. Но поступали запросы на дешевую производительную силу из других областей. Так, секретарь Молотовского обкома РКП(б) Хмулевский в телеграмме на имя Л. П. Берии выразил готовность о приеме 40 000 калмыков.

Калмыков часто переселяли с места на место. Например, 700 семей калмыков направили в Нарымский округ Новосибирской области, однако он уже оказался «занятым» спецпереселенцами-немцами. Тогда их отправили в Иркутскую область для работы на слюдяных предприятиях, но и там жилья не оказалось. Поэтому семьи калмыков пришлось в августе 1944 г. направить для работы на Канский и Красноярский гидролизные заводы, где, очевидно, было жилье.

Возможно, калмыков и выселили для освоения новых земель и развития новых экономических районов, но прием, трудоустройство, обеспечение жильем и едой были совсем не организованы.

Были ли основания для депортации калмыцкого народа? В документе о ликвидации Калмыцкой АССР говорится о «массовом предательстве» калмыков. Было ли это на самом деле? Если калмыки — предатели, то они бы трудились на благо СССР спустя рукава. Посмотрим статистику за 1941 г.: как это было.

До начала войны в РККА служило 5000 выходцев из Калмыкии. За первые 8 месяцев Великой Отечественной войны из Калмыкии на фронт отправились 20 000 человек. То есть в 1941 г. Отечество защищали

¹ Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». С. 30.

25 000 человек, из них собственно калмыков было от 16 до 17,5 тысячи человек. 9000 человек трудились на строительстве Донского оборонительного рубежа, и еще 9000 человек строили железную дорогу Кизляр — Астрахань. В связи с недостатком мужчин женщины заменяли их. Характерно обращение девушек Улан-Хольского улуса ко всем девушкам Калмыкии. Они призывают всех к труду, к овладению новыми профессиями для победы РККА¹. А перевыполнение производственных заданий стало законом для тружеников во всех отраслях народного хозяйства. Например, стахановцы рыболовецкого колхоза им. Чапаева Лаганского улуса за 25 дней июля 1941 г. перевыполнили план добычи рыбы 3-го квартала. Работники колхоза «Красный овцевод» сдали государству сверх плана 160 центнеров мяса и 120 центнеров шерсти. Необходимо отметить, что колхозники также выделили средства в фонд обороны. И так по всей республике. Калмыцкая АССР за первый год войны поставила армии 20 тысяч лошадей, более тысячи повозок, 800 автомашин, сотни тракторов. Поступление в фонд обороны страны — 200 млн рублей, трудящиеся республики отправили бойцам РККА 23 тыс. пар валенок, 3652 полушубка, 3115 седел, большое количество теплой одежды.

В 1942 г. план военного займа за четыре дня подписки был перевыполнен на 400 тыс. руб., общая сумма займа составила 25 млн рублей. Работники рыбной промышленности к 10 мая 1942 г. перевыполнили годовой план на 120,6%². В июле 1942 г. закончилось строительство железной дороги Кизляр — Астрахань, по ней пошли военные грузы. В общем, в 1942 г. наблюдается та же картина, что и в 1941 г.: массовый патриотизм, неустанный труд. Но это было до оккупации КАССР.

И. В. Сталин предполагал, что фашисты в летнюю кампанию 1942 г. нанесут удар по Москве с целью ее захвата. Весной 1942 г. была предпринята неудачная попытка освобождения Харькова. В результате оголилась южная часть Восточного фронта. Немецкие войска двинулись в наступление и захватили значительную территорию. Из 13 улусов КАССР были полностью оккупированы пять и частично три. Калмыки на оккупированных территориях в большинстве своем не шли на сотрудничество с фашистами, наоборот, они сопротивлялись захватчикам. На оккупированной части КАССР был создан 21 партизанский отряд, из них 8 ушло в Сталинградскую и Ростовскую области и Орджоникидзевский край. Также действовало 6 подпольных улускомов, 5 патриотических отрядов. В Кетченеровском улусе калмыки партизанили группами по 4–5 человек. За 3 меся-

¹ Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста, 1985. С. 5.

² Навеки вместе / Под редакцией К. П. Катусова, А. И. Наберухина. Элиста, 1991. С. 172–173.

ца борьбы партизанские отряды и патриотические группы уничтожили 500 солдат, подорвали 30 автомашин, сожгли 3 вещевых склада противника. Комсомольцы также уходили в партизанские отряды, как, например, Тамара Хахлынова, Юрий Клыков, Клава Красикова, Клава Мукукенова и многие другие¹.

Наконец, зимой 1942–1943 гг. Калмыкия была освобождена от немецкой оккупации. И сразу же трудящиеся республики принялись на восстановление хозяйства, за работу.

Уже в 1-м квартале 1943 г. был перевыполнен план мясopоставок и дополнительно сдано 630 тонн мяса для войск Южного фронта. Колхозы и совхозы за 9 месяцев 1943 г. увеличили поголовье скота с 281 970 до 317 320 голов. Благодаря самоотверженному труду хлеборобов план весеннего сева был выполнен на 103%. К лету 1943 г. были восстановлены все разоренные фашистами хозяйства. Рыбаки Прикаспия выполнили план 1-го квартала 1943 г. на 375%, а рыбаки Поволжья полугодовой план на 200%. Среднегодовое выполнение плана по Калмгосрыбтресту составило 196%.

На 15 июня 1943 г. на строительство танков было собрано 8 млн рублей, на восстановление Элисты 1 млн 300 тыс рублей. За 3 дня подписки на военный заем его сумма составила 23 млн 489 тыс. рублей. По этому показателю КАССР заняла 3 место в РСФСР. План 1943 г. перевыполнили мясомолочная и пищевая промышленности².

Трудящиеся республики в очередной раз доказали свое трудолюбие, свой патриотизм. Однако калмыки не только работали в тылу, но и воевали на фронте.

К началу войны в РККА служило 5 000 сынов республики. 22 июня 1941 г. артиллеристы А. Мучкинов и А. Ташнинов встретили врага артиллерийским огнем. Они служили в Брестской крепости, плечом к плечу с ними сражались Н. Санджиев, Ц. Пасугинов и Н. Оликов. Только за первые 8 месяцев войны Калмыкия отправила на фронт 20 тыс. человек. В московской битве образцы героизма показали С. Сарангов, И. Шараров, П. Укурчинов, И. Джалаев, Г. Шапшуков, А. Босхомджиев.

Сангаджи Сарангов, например, в начале войны был рядовым, но вскоре стал лейтенантом. Он был послан с отрядом в тыл немцев. Бойцы лейтенанта причинили немцам много вреда. Фашисты называли его «злым калмыком». Во время боя за крупный населенный пункт советские войска вынуждены были отступить. С. Сарангов с отрядом в 12 человек отражал превосходящие силы противника. В том бою С. Сарангов уничтожил

¹ Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 6.

² Там же. С. 313–314.

58 офицеров и унтер-офицеров. За этот подвиг он был награжден орденом Красного Знамени¹.

Осенью был сформирован Калмыцкий кавалерийский полк, в феврале 1942 г. были образованы 110-я и 111-я калмыцкие кавалерийские дивизии. В марте 1942 г. 111-я кавдивизия была расформирована из-за больших потерь личного состава. Летом в ОККД сражалось 3238 калмыков. После тяжелых боев войска 28-й и 51-й армий остановили фашистов в районе пос. Хулхута. В оборонительных боях за р. Дон увековечил свое имя сержант Эрдни Деликов. В течение 6 дней эскадрон Деликова оборонял переправу через Дон. В бою он уничтожил 3 автомашины и 3 броневика противника с 60 солдатами и офицерами. Осколком авиабомбы ему оторвало одну ногу. Несмотря на ранение, он продолжил бой и подбил еще одну автомашину, в которой сгорело 15 вражеских солдат. Ему оторвало вторую ногу. Только после этого замолчал его БТР².

В боях за Брест и Смоленск, Москву и Ленинград, Новороссийск и Севастополь, Будапешт и Белград, Вену и Варшаву, Берлин и Прагу прославили себя воины-калмыки. Анна-Луиза Стронг, американская журналистка, писала: «По странной иронии судьбы, первые красноармейцы, упомянутые в берлинской прессе за “сумасшедший героизм”, были не русские, а калмыки, представители народности из дельты Волги, страдавшие от различных завоеваний на протяжении 1000 лет. Нацистская “высшая раса” должна была признать, что из этой “низшей расы” вышли герои войны».

Кавалеристы-калмыки бросались с шашками на танки фашистов и немцы отступали.

Всего в Великую Отечественную войну сражалось 30 тыс. калмыков, из них 14 тыс. были награждены орденами и медалями. 9 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Калмыки по этому показателю занимают 4–5 место среди народов бывшего СССР.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: калмыки в подавляющем большинстве своем не были предателями, а, наоборот, были горячими патриотами.

И. В. Сталин всегда восхвалял только русский народ. Немцы воспользовались этим для разжигания ненависти между народами. В СССР было создано 90 национальных легионов, в которых служило порядка 100 тыс. человек, из них около 5 тыс. человек были калмыками. Что же толкнуло их стать пособниками фашистов?

Во-первых, большинство предателей-калмыков были врагами Советской власти. Это были белогвардейцы, белоэмигранты, духовенство, а так-

же дезертиры. Во-вторых, их привлекла идея возрождения старого, традиционного уклада. Поначалу немцы по приказу Гитлера проводили гибкую политику по отношению к национальным меньшинствам. Фюрер считал, что «СССР — колосс на глиняных ногах». Привлекая на свою сторону нацменьшинства, он хотел развалить СССР. По рассказам очевидцев, фашисты доброжелательно относились к населению, одаривали детей конфетами, шоколадом, были случаи, когда они помогали отдельным гражданам в починке инвентаря, ремонте гужевого транспорта и т. д. Добиваясь расположения местных жителей, фашисты раздавали скот, издавали литературу на русском и калмыцком языках, печатали поэмы на калмыцком языке, в которых современные герои сравнивались с богатырями из народного эпоса «Джангар». Из части калмыков, сочувствующих новой власти, из бывшей знати, дезертиров был сформирован Калмыцкий кавалерийский корпус (ККК). Командовал им сотрудник абвера О. Верба («доктор Долл»). Легион использовался для несения разведслужбы, охраны флангов, нападения на передовые посты советских войск и борьбы с партизанами.

Но все же подавляющее большинство трудящихся Калмыкии оставались преданными Советской власти, на территории республики развернулась вооруженная борьба с врагом. В народное ополчение входили истребительные батальоны, ведшие ожесточенные бои с фашистскими войсками. В первые годы войны были мобилизованы все мужчины призывного возраста, а гражданское население ударно трудилось, обеспечивая фронт продовольствием, денежными и материальными средствами. Великая Отечественная война и последующая депортация калмыков принесли нашему народу неисчислимые бедствия. Месяцы господства фашистов были временем грабежа, насилия и террора. Людей истязали и расстреливали за отказ от принудительных работ, за убой скота без разрешения немецких властей и т. д.; были введены телесные наказания. По неполным данным, гитлеровцы расстреляли и замучили около двух тысяч жителей, несколько тысяч человек были угнаны в плен¹. Но переживших оккупацию, не оправившихся от недавней борьбы мирных граждан ждало худшее будущее — массовая высылка, длившаяся 13 черных лет и унесшая жизни десятков тысяч человек.

Сталинский геноцид глубоко подорвал генофонд калмыцкого народа, что сказалось в резком снижении численности населения. Если сравнить число жертв фашистских захватчиков и сталинского геноцида, то вывод не в пользу последнего. Депортация народов, как результат сталинской национальной политики, пагубно сказалась на межнациональных отношениях внутри страны. Существующее в настоящее время напряженное

¹ Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 411.

² Там же. С. 409.

¹ Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста, 1991. С. 15.

положение в некоторых регионах России носит отголосок тех далеких лет. Депортация нанесла огромный ущерб калмыцкому и другим народам, подорвав не только их экономическое развитие, но и основы их культурного и нравственного совершенствования, нанеся огромный ущерб традициям добрососедства и дружественных отношений между народами. Сегодня, мысленно возвращаясь в прошлое, мы ужасаемся той трагедии, которая произошла с калмыцким народом. Пройдут годы, десятилетия, и поколения калмыков будут считать своим долгом воссоздание памяти погибших калмыков в далекой Сибири и создание правового государства в нашей стране. Карл Поппер сказал: «Никто не должен жить за счет милосердия других, мы должны иметь право на защиту со стороны государства. Для послетоталитарного общества одной из главных задач является укрепление свободы и осознание вытекающей из нее ответственности»¹.

История доказала бесперспективность тоталитарного режима не только на примере нашей страны. Социалистические эксперименты в итоге дали результат со знаком минус, хотя на этот счет есть и другие мнения. Общество, в котором мы живем, должно претерпеть существенные изменения и развиваться по пути мира и демократии.

2002

Именной указатель

Авадаева И. 92	Балюгинова Л. 163
Авеев С. Х.	Бараев Ц. А. 194
Ажигалиева А. 198	Бараева К. А. 194
Акиева И. 154	Баранов И. 30
Алексеев Т. 172	Барваева С. 98
Алексеева К. 155	Басанов А. 22, 35, 181
Амнинов Д. 158	Басанов Д. М. 181
Анацкая А. 179	Басанова Б. 35
Араева Д. 160	Батнасунов М. 47
Артаев С. 72	Батырева К. 13, 74
Артемов А. Ч. 67	Бачаев А. 97
Астахов Ф. В. 117	Бембеев О. Ц. 49
	Бембеев Т. О. 123
Бадакова С. 94	Бовашева А. Д. 152
Бадмаев Б. 30	Болдырева В. 99
Бадмаева А. 31	Босхомджиев А. 221
Бадмаева Д. 30	Босхомджиева Г. 48
Бадмаева С. 73	Бочкаев Б. О. 101
Бадма-Убушаева Е. Б. 197	Бочкаев Н. 101
Бадминова Г. А. 105	Бугай Н. Ф. 215
Бадядаева Н. Л. 96	Бугакова А. 30
Бакаев Б. 64	Булукова М. 103
Бакаев Д. 64	Буринов В. Э. 149
Бакаев Н. 139	Буринов Э. 149
Бакаев Н. Д. 139	Бурлуткина Д. 102
Бакаев П. Д. 35	Бурулов Р. 7
Балакаев Г. 156	Бурулова А. 199
Балакаева Б. 156	Бушкиев Б. Б. 81
Балинов А. Э. 159	
Балинова Н. Д. 158	Ванькаева М. М. 107
Балтыков Ц. 179	Василенко А. 30

¹ Азаров А. Я. Права человека. М, 1995. С. 34–35.

- Васильев Б. 177
 Васильев Б. 177
 Васильев Н. Б. 169
 Васькина А. 75
- Габунщина** О. Д. 31
 Гавирова Б. 105
 Гаврилова А. 200
 Гаврилова В. 144
 Гаджиев Э. 49
 Гайворонская Е. 35, 104
 Гиляндикова Э. 202
 Годяев П. О. 35
 Гонцукова М. А. 77
 Гонцукова О. 35, 77
 Городовиков О. И. 80
 Горяев С. Б. 195
 Горяев Ю. 51
 Гучинова Э.-Б. 6, 7, 11
- Давыдова** И. Б. 31
 Дарбаков А. С. 53
 Дарбакова К. 53
 Дармаева Н. 203
 Дашева А. 182
 Деликов Э. 222
 Демиденко А. 35, 107
 Джаврунов С. 35
 Джалаев И. 221
 Джамбинов О. 30
 Дженджиева Г. 106
 Джимбеев Л. Ц. 183
 Джимбеева Д. 183
 Джиргалов Б. Г. 185
 Джиргалова Р. 184
 Джиргалова Р. А. 118
 Дорджиев Б. Т. 194
 Дорджиев В. П. 35
 Дорджиев И. Б. 153
 Дорджиев М. 141
 Дорджиева Б. 142
 Дорджиева Б. А. 67
- Дорджиева Е. 165
 Дорджиева Т. С. 51
 Доржиева Д. Д. 210
 Доржинов А. Н. 149
 Дуляев Р. 79
 Дякиев С. 6, 30, 186, 214
- Есинова** И. 112
- Замбаев** В. 112
 Замбаев Х. 35, 204
 Зунгруева Н. 81
- Иванова** Ж. 82
 Иджаева Б. 145
 Ильджиева Б. 205
 Илюмжинов К. Н. 120
 Инджиева Б. 167
 Исмашева З. Х. 123
- Кагалтынов** Е. 19, 113
 Каляева К. 84
 Карпенко Д. 35, 115
 Кинзеев Н. 188
 Кинзеева К. 187
 Кичиков И. 7
 Кичиков С. 205
 Кичикова Б. 206
 Киштанов К. У. 199
 Киштанова С. Н. 198
 Клыков Ю. 221
 Коваль С. 35
 Колаев Б. Д. 47
 Копылова Ю. 35, 55
 Красикова К. 221
 Кугультинов Д. Н. 91, 112, 127
 Куваков Н. Н. 205
- Ланцанова** В. 208
 Леонова Э. 116
 Лепетикова И. 85
 Лиджеева Г. 146

- Лиджи-Горяев Б. М. 57
 Лиджиева С. 189
 Лиджиев Ш. У. 193
 Лялина К. 150
 Лялина Н. 150
- Макарова** Е. М.
 Малабонин В.
 Маливанова Н. 30
 Мангутов Б. М. 170
 Манджиев А. М. 58
 Манджиев М. 86
 Манджиев Н. О. 130
 Манджиев О. 7, 10
 Манджиев Ю. 147
 Манджиева В. Б. 31
 Манджиева Г. 35
 Манджиева Г. Ш. 61
 Манджиева Е. Т. 187
 Манджиева С. 56
 Манджиева С. 118
 Манжиков О. 149
 Мантыева С. 168
 Манцева К. Э. 6, 33, 41
 Машаева Л. 207
 Менкенова В. 119
 Менкенова М. С. 53
 Москуева Ц. 35, 120
 Муев Б. 87
 Мукукенова К. 221
 Мурмылюк Г. 58
 Мучкинов А. 221
- Наминова** У. 35
 Наминова Ю. 209
 Наминов-Бурхинов Д. 215
 Наранкаев У. Б. 59
 Наранкаева Б. 59
 Наранкаева В. У.
 Наранкаева М. Т.
 Неизвестный Э. И. 120, 135, 169
 Немгиров С. 61
- Неретнице А. 34
 Новикова А. 211
 Номинханова Б. 35, 62
 Нуров В. 34
 Нюденова Б. 66
- Овшинов** В. 192
 Овшинов В. Н. 192
 Овшинова Г. А. 192
 Оглаев Ю. О. 35
 Оконов А. О. 71
 Оконова Б. Б. 71
 Оликов Н. 221
 Ольховская Ю. 121
 Омиков Д. 211
 Омиков Д. Д. 212
 Осина И.
 Очилдаева Б. Н. 124
 Очирова Б. 212
- Папуев** Б. Т. 149
 Пасугинов Ц. 221
 Пахутова Т. В. 110
 Перфильева Т. 67
 Питкиева Т. И. 31
 Попенко И. 123
- Савченко** А. 35, 150
 Сагаева А. 123
 Самтонов А. С. 152
 Самтонов Н. С. 152
 Самтонов П. С. 152
 Самтонова О. С. 152
 Сангаджи-Горяев Д. 190
 Сангаджи-Горяев Ч. 170
 Сангаджиев К. О. 124
 Сангаджиев О. 124
 Сангаджиев Э. 35, 69
 Сангаджиева И. 35
 Санджиев Д. 51, 53
 Санджиева М. М. 94
 Санджиев Н. 221

- Санджикова Б. О.
 Сарангов С. 221
 Сармашева К. 193
 Севкенов Б. Д. 164
 Семенов И. В. 154
 Семенов П. И. 154
 Семенова М. А. 154
 Сенин А. 30
 Синев А. Е. 31
 Солдусов Г. Б. 54
- Т**ашнинов А. 221
 Тельтеев Ч. 194
 Тельтеева Б. 194
 Тепшинов П. М. 181
 Тепшинов Ц. Э. 181
 Тюрбеев Б. Э. 161
- У**бушаев В. Б. 34, 35, 38, 215
 Убушиев А. К. 35
 Убушиева А. 197
 Убушиева С. И. 35
 Укурчинов П. 221
 Уланова И. О. 179
 Улюмджиева В. А. 31
- Х**агеева А. 213
 Ханташов Ч. 35, 126
 Харлуева Б. 35
 Харченко Д. 35
 Хахлынова Т. 221
 Хейчиева С. 126
 Хрущев Н. С. 102, 139
 Худогулов Б. 35
 Хулаева Г. 128
 Хулхачиева Б. 30
- Ц**атхланов Ц. 34
 Цветов Н. 30
- Цебекова Л. 196
 Цеденова Н. 71
 Цеденова Л. 130
 Церенов Б. 130
 Церенов Б. Б. 171
 Церенов Б. В. 172
 Церенов Э. 194
 Цуглаева В. Д. 141
- Ч**иджиев Х. 131
 Чупова М. 151
 Чурюмова Л. 89
- Ш**ангаева Э. 214
 Шапшуков Г. 221
 Шараев А. 132
 Шараев Л. 133
 Шарапов И. 221
 Шарапова К. 134
 Шарапова Г. А. 31
 Шардаева Б. 174
 Шардаева М. С. 174
 Шевелева Б. 90
 Шевенова О. 152
 Шевенова С. И. 6, 7, 31, 214
 Шитлянов Г. Г. 196
 Шитлянов Е. 195
 Шонхорова Ц. -Х. Б. 139
 Шураева Д. 135
 Шушунова Я. 35, 92
- Э**мкенова Ф. А. 181
 Эняева Э. 136
 Эрдниева Б. 137
 Эрендженов Д. 176
 Эрендженов К. 125
- Ю**ндин Д. 138

Иллюстрации

